Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

8.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1897.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ.

Его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Томъ второй. 4-ка 408 стр. Спб. 1897.

Предполагая въ Сентябрьскомъ выпускѣ „Архива“ болѣе подробно разобрать и изложить этотъ томъ, такъ какъ онъ по нашему мнѣнію еще любопытнѣе, чѣмъ предыдущій (см. „Р. А.“ сего года II, 495), мы здѣсь лишь вкратцѣ коснемся его содержанія.

Въ немъ излагается періодъ отъ 1801 до 1810 года, обыновенно называемый эпохой преобразованія. Почтенный авторъ мѣтко называетъ его *эпохой колебаній*, утверждая, что постоянно за это время происходящія колебанія во внутренней и внѣшней политикѣ, обусловливались исключительно одною личностью Императора Александра, обладавшаго свойствомъ нерѣдко колебаться въ одно и тоже время между двумя совершенно различными настроеніями, безъ всякой послѣдовательности въ избранномъ имъ разъ направленіи.

Восшествіе на престолъ и первое время царствованія, когда Александръ заявлялъ, что „сливая пользы наши съ пользами нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе Имени нашего и государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества и злобы . . . пользъ нашихъ никогда не раздѣляемъ мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей нашихъ и воли“, изложено жизненно и ярко. Указано и на туманность мнѣній Государя касательно исполненія государственнаго преобразованія, главнымъ основаніемъ котораго должно было служить установленіе *правъ гражданина*. Извѣстно, что для обсужденія этихъ мѣръ и для *обузданія деспотизма правительства*, былъ учрежденъ *негласный комитетъ* изъ Государя, графа Кочубея, князя Адама Чарторижскаго (портреты его и М. Н. Муравьева помѣщены въ этомъ томѣ), Новосильцева и графа П. Н. Строганова.

Но несмотря на всю страсть къ проведенію принципа законности, Императоръ каждодневно производилъ вахтъ-парадъ.

Изобразивъ ликованія поклонниковъ Александра, авторъ остонавливается и на мнѣніяхъ противной партіи, также не малочисленной.

Автору удалось отчасти разъяснить тайну удаленія отъ дѣлъ графа Н. П. Панина; вообще изложеніе постепеннаго развитія самостоятельности юнаго императора сдѣлано мастерски. Обстоятельно изложено Мемельское свиданіе и его роковыя послѣдствія.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ коснуться внутреннихъ преобразованій Александра и его войны съ Наполеономъ, составляющими едва ли не лучшую часть книги. Томъ этотъ украшенъ тремя хромолитографіями, многими снимками съ рѣдчайшихъ портретовъ и картинъ, и девятью автографами.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА.

Читатели „Русскаго Архива" 1896 года уже знакомы съ личностью и дѣятельностью графа Н. П. Шереметева, перваго нѣкогда по богатству Русскаго вельможи, славнаго древняго рода (одного корня съ Романовыми), человѣка европейски образованнаго и въ тоже время вѣрнаго завѣтамъ родной старины, попечительнаго о своихъ крѣпостныхъ людяхъ, безпримѣрнаго общественнаго благотворителя (мы не знаемъ другаго на частныя средства устроеннаго учрежденія, какъ его Странноприимный домъ въ Москвѣ). Графъ Шереметевъ, другъ Музъ и тихаго житія, человѣкъ некрѣпкаго здоровья, очутился въ вихрѣ случайностей и въ заботѣ ежечасной. Ему было 45 лѣтъ, когда воцарился Павелъ Петровичъ, въ общеніи съ которымъ провелъ онъ годы своего дѣтства и отрочества. Графъ Николай Петровичъ служилъ тогда сенаторомъ и завѣдывалъ однимъ изъ Московскихъ банковъ. Онъ былъ на три года старше Павла Петровича. Государь, немедленно по своемъ вступленіи на престолъ, поручилъ ему управленіе своимъ дворомъ, на мѣсто князя Ѳ. С. Барятинскаго. Извѣстно, какая рѣзкая перемѣна послѣдовала тогда въ пріемахъ правленія. Помѣщаемыя ниже сего бумаги относящіяся къ этой его должности, любопытны въ историческомъ отношеніи, изображая намъ тогдашніе дворскіе порядки. Новый обергофмаршалъ постарался ввести порядокъ въ дворцовое управленіе. За сообщеніе этихъ бумагъ приносимъ благодарность внуку его графу С. Д. Шереметеву. П. Б.

Отмѣтки императора Павла.

1796 года Декабря 22 дня. Придворная Контора слушала предложенный господиномъ обергофмаршаломъ графомъ Николаемъ Петровичемъ и гофмаршалами подносимый ими его императорскому величеству о столахъ реестръ, на которомъ послѣдовали высочайшія, собственною его величества рукою писанныя карандашемъ, отмѣтки такого именно содержанія:

Камеръ-фрейлинѣ Аннѣ Степановнѣ Протасовой давать столъ и прочее содержаніе *).

*) Это исключеніе сдѣлано вѣроятно по ходатайству находившагося тогда въ особой милости у Государя графа Ѳ. В. Ростопчина, который женатъ былъ на племянницѣ и воспитанницѣ А. С. Протасовой, Екатеринѣ Петровнѣ. П. Б.

Фрейлинамъ и гофмейстеринамъ довольствоваться вмѣстѣ съ господами кавалерами за столомъ маршальскимъ.

Фрейлинамъ Дивовой, Валуевымъ быть за тѣмъ же общимъ столомъ.

Дежурнымъ лекарю, аптекарю и пр. быть за столомъ, по штату въ 1786 году назначеннымъ.

Камеръ-юнкерамъ и камермедхенамъ покойной государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, равно эрмитажному камерфурьеру Тюльпину и камерфрау Верре, давать столъ и содержаніе.

Тремъ конюшеннымъ офицерамъ имѣть столъ вмѣстѣ съ дежурными офицерами.

Камердинерамъ Званцову, Гемпелю, Бертону быть за столомъ дежурныхъ камердинеровъ.

Господину Каюсу имѣть столъ съ чертежными офицерами.

Гардеробмейстеру Кутайсову, барону Николаусу, библіотекарю Мальтію, камермедхенѣ Марѳѣ Родіоновой, Марьѣ Юрьевой....

(конца не достаетъ).

*

Изъ реестра именнымъ его императорскаго величества указамъ 1797 года.

О произведеніи стола кавалергардамъ противу офицеровъ 2 класса.

О бытіи при дворѣ вмѣсто 12 человѣкъ гусаръ только 8, а остальнымъ гайдуками.

Объ отдачѣ той квартиры барону Аракчееву, кою прежде занималъ генералмаіоръ Сакенъ.

О пожалованіи во фрейлины къ ея величеству дѣвицы Елисаветы Васильчиковой.

О неимѣніи при дворѣ въ первую и страстную недѣлю мяснаго кушанья.

О опредѣленіи Марѳы Соболевой въ прачки.

Объ отведеніи квартиры во дворцѣ г. Аракчееву.

О пожалованіи дѣвицы Каховской первою фрейлиною къ ея высочеству Екатеринѣ Павловнѣ.

Докладъ графа Н. П. Шереметева *).

Имѣя обязанность по всемилостивѣйше возложенному на меня отъ вашего величества званію обергофмаршала пещись о всемъ что̀ принадлежитъ къ должности моей, пріемлю смѣлостьпредставить на высочайшее усмотрѣніе вашего величества въ сихъ краткихъ словахъ нынѣшнее состояніе Придворной Конторы и тѣ затрудненія, въ которыхъ она находится, чтобы управлять съ должнымъ порядкомъ дѣлами, касающимися вообще до всякаго благоустройства двора вашего величества.

Сія Контора, хотя и имѣетъ почти полное число положенныхъ по штату чиновъ, но изъ оныхъ обергофмаршалъ и два гофмаршала обязаны по большей части быть отъ нея отсутственны, ради присмотра за порядкомъ двора, за приготовленіемъ столовъ, церемоніаловъ и тому подобнымъ. Совѣтниковъ же половина такихъ, коихъ усердіе къ службѣ и опытность хотя и нельзя не одобрить, но старость ихъ и истощеніе силъ не позволяютъ требовать отъ нихъ той дѣятельности, какая для службы и скорыхъ исправленіевъ потребна. Впрочемъ по сей Конторѣ мелочныхъ дѣлъ такое бываетъ множество, что ихъ исчислить трудно, и они составляютъ ежедневное и единое упражненіе членовъ конторскихъ, кои занимаются разборомъ требованій отъ должностей ежечасно бываемыхъ, подписывая ярлыки объ отпускѣ съѣстныхъ припасовъ, питья, свѣчъ и прочаго и пребывая въ безпрестанныхъ спорахъ о излишествѣ требуемаго, такъ что и самъ обергофмаршалъ и гофмаршалы ни за чѣмъ инымъ почти не входятъ въ Контору, чтобъ только разбирать споры и пресѣкать эти излишества. Но чтобъ приближиться къ прямой цѣли хозяйства, положить твердое основаніе общаго благоустройства и пресѣчь надежными мѣрами всякое хищеніе, о томъ и подумать нѣтъ возможности, тѣмъ особливо, что секретарей и конторщиковъ, служащихъ въ этой Конторѣ, хотя также состоитъ довольно достаточное число, но изъ нихъ большая часть или стары или неспособны, и слѣдственно немногіе только исполняютъ свою должность съ желаемымъ успѣхомъ, упражняясь однакожъ равномѣрно въ дѣлахъ только текущихъ, т. е. въ ежечасномъ письмѣ ярлыковъ, въ еженедѣльномъ сочиненіи вѣдомостей о приходахъ и расходахъ и въ прочихъ тому подобныхъ мелочахъ.

Ради сего не благоугодно ли будетъ в. императорскому величеству высочайше повелѣть, собравъ всѣ нужныя по старымъ дѣламъ Придвор-

*) Съ черноваго подлинника. П. Б.

ной Конторы свѣдѣнія на учрежденіе порядка, на отвращеніе казны отъ ущерба и дабы никакая хищность не имѣла тутъ мѣста, составить особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ обергофмаршала изъ особыхъ и совсѣмъ не принадлежащихъ къ Конторѣ членовъ, но чтобъ одинъ только изъ оныхъ призываемъ былъ тогда, когда востребуется нужда для каковыхъ либо объясненій по новости тѣхъ и по неизвѣстности многихъ вещей для людей постороннихъ. Я уповаю, всемилостивѣйшій государь, что симъ означеннымъ способомъ можно будетъ достигнуть того, чего желать меня обязываетъ усердіе къ службѣ моего монарха. Впрочемъ какъ необходимо потребно и то, чтобы обергофмаршалъ снабженъ былъ полною о своемъ званіи инструкціею, то я, сочинивъ оную, дерзаю поднести на высочайшее благоизволеніе вашего величества.

Надо полагать, что императоръ Павелъ согласился на это предложеніе, вслѣдствіе чего и составлены графомъ Шереметевымъ инструкція (нижеслѣдующая) и такой указъ

Нашему обергофмаршалу.

Избравъ васъ для двора нашего обергофмаршаломъ и вручивъ вамъ всю власть до сего чина касающуюся, признали мы за нужное снабдить васъ инструкціею, дабы не оставить ни въ какомъ случаѣ мѣста сумнѣнію вашему, что̀ вы сами собою распоряжать должны и о чемъ докладываться намъ, повелѣваемъ немедленно собравъ инструкціи, данныя отъ государей Всероссійскихъ нашихъ предшественниковъ прежнимъ обергофмаршаламъ и по временамъ выходящіе указы о ихъ обязанности, сочинить сію инструкцію, какъ въ разсужденіи надзиранія за служителями и всякими расходами по двору употребляемыми, также относительно преимущества и власти оберъ-гофмаршальской надъ всѣми ему подчиненными людьми, включа тутъ и правила, коими руководствоваться должна Придворная наша Контора въ рѣшеніи дѣлъ отъ нея зависящихъ на основаніи Генеральнаго Регламента и прочихъ государственныхъ законовъ, представить къ нашему разсмотрѣнію.

Дальнѣйшія бумаги написаны въ исполненіе предъидущаго указа.

*

Докладъ графа Н. П. Шереметева.

Всемилостивѣйшій государь.

Въ 1730 году отъ покойной государыни императрицы Анны Іоанновны даны были инструкціи обергофмаршалу и гофмаршалу; но какъ оныя во многомъ не согласуются ни съ настоящимъ време-

немъ, ни съ нынѣшнимъ положеніемъ высочайшаго двора вашего императорскаго величества, особливо въ разсужденіи вновь изданнаго штата для Придворной Конторы и ей подчиненныхъ служителей; то, дабы не сдѣлать излишней заботы в. и. в-у нынѣ бываемыми представленіями отъ разныхъ лицъ и чтобы каждый изъ гофмаршаловъ зналъ прямую его обязанность, ибо изъ опытовъ вижу я неудобство въ распоряженіи троихъ начальниковъ, почему въ сходствіе сего же самаго штата примѣчанія перваго о должностяхъ главныхъ чиновъ, и осмѣлился, сочиня для обергофмаршала новую инструкцію, представить на высочайшее благоизволеніе в. и. в., всеподданнѣйше при томъ испрашивая о опредѣленіи ко мнѣ секретаря, о коемъ въ ....мъ пунктѣ сей инструкціи упоминается: ибо я, какъ президентъ Конторы, обязанъ буду дѣлать ей иногда свои предложенія, имѣть сношенія съ обергофмейстеромъ весьма нужныя, касающіяся до управленія двора и скораго отправленія, требующія равнымъ образомъ предписывать каждому придворному служителю его должность, и по сему случаю не могу заимствоваться положенными въ конторскомъ штатѣ секретарями.

При семъ нахожу также за нужное представить в. величеству, не благоугодно ли будетъ оставить по прежнему въ конторскомъ штатѣ совѣтника Головцына, котораго по опытности его къ дѣлахъ признаваю я необходимо нужнымъ; онъ же и безъ того получаетъ жалованье всемилостивѣйше пожалованное ему отъ в. и. в-а, оставаясь въ Конторѣ для окончанія счетовъ; также прибавить одного при Конторѣ инспектора, опредѣля ему жалованья по 1200 р. на годъ. Я побуждаюсь къ сему всеподданнѣйшему представленію единственнымъ моимъ усерк҃ъ службѣ в. и. в., дабы при недостаткѣ помощниковъ не упустить чего либо нужнаго при отправленіи возложеннаго на меня дѣла; ибо должность моя и должности гофмаршаловъ необходимо требуютъ всегдашняго отсутствія и присмотра за должностями другихъ придворныхъ служителей; а высочайшее отсутствіе вашего императорскаго величества въ загородные домы и въ другіе отдаленные походы можетъ удалить на нѣкоторое продолженіе время меня и кого либо изъ моихъ товарищей; слѣдственно по сему же случаю или по причинѣ болѣзней нашихъ, такъ какъ въ нынѣшнее время случилось, управлять будетъ одинъ гофмаршалъ, коему не только недостанетъ времени за присмотромъ надъ Конторою въ отправленіи дѣлъ, на меня возложенныхъ, и за денежною казною, которая имѣетъ оставаться на отчетѣ однихъ секретарей и канцелярскихъ служителей, въ сохраненіе которыхъ неприлично бы было ввѣрить столь знатныя суммы, слѣдственно сіи два чиновника и будутъ обязаны отвѣтствовать, какъ за цѣлость казны, такъ

за порядочное теченіе дѣлъ, а притомъ послѣдній изъ нихъ можетъ служить и помощникомъ обергофмаршалу по предметамъ требующимъ скораго исполненія, къ чему употреблять всегда гофмаршаловъ безъ предосужденія ихъ званію я не могу, паче же всего ревизовать камерцалмейстерскую и другія должности. Впрочемъ эта прибавка 1200 р. для инспектора не причинитъ никакой разстройки въ суммахъ для двора по штату назначенныхъ; ибо, я увѣренъ, она вознаградится съ излишествомъ другою экономіею, какъ въ разсужденіи стола вашего императорскаго величества, такъ и отъ другихъ контрактованныхъ столовъ, что́ имѣю уже въ виду, о чемъ равно и о построеніи ливреи камеръпажеской и официантской, которую ваше императорское величество на меня собственно возложить соизволили и которая поспѣетъ гораздо прежде, нежели я ожидалъ, о камеръ-пажахъ и пажахъ именной списокъ при семъ подношу вашему императорскому выличеству и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ пребываю, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный графъ Николай Шереметевъ.

Генваря 2 дня 1797 года [1]).

Указъ нашей Придворной Конторѣ [2]).

Изъ поданнаго намъ отъ Придворной Конторы доклада усматривая, что, сверхъ опредѣленной въ 1789-мъ году на содержаніе двора нашего суммы, ежегодно по три милліона рублей, учинены тою Конторою долги болѣе двухъ милліоновъ простирающіеся, не можемъ оставить безъ примѣчанія, что таковое накопленіе большихъ долговъ не соотвѣтствуетъ обязанности Придворной Конторы въ наблюденіи и предостереженіи казенной пользы и не сходствуетъ съ данными отъ насъ указами, наипаче же при самомъ помянутомъ ежегодной суммы опредѣленіи: ибо, еслибы по чрезвычайнымъ случаямъ востребовалися какіе либо особые расходы или прибавки, долженствовала та Контора, не отлагая въ даль, но при самомъ настояніи надобности представить намъ докладомъ, дабы мы могли благовременно подать ей нужное пособіе, и тѣмъ, соблюдая надлежащее довѣріе къ казнѣ нашей въ обязательствахъ ея съ частными людьми, предохранить оную отъ напрасныхъ убытковъ, каковы суть неминуемое слѣдствіе, когда невѣрная по кон-

---

[1]) Печатается со списка. П. Б.

[2]) Этотъ указъ Екатерины Великой приведенъ графомъ Шереметевымъ, вѣроятно, для справки, и сохранился въ его бумагахъ въ современномъ спискѣ. П. Б.

трактамъ производится заплата. Для отвращенія впредь подобныхъ непорядковъ за нужное находимъ:

Первое, предписать Придворной Конторѣ, чтобъ она обстоятельную вѣдомость о долгахъ своихъ по 1-ое Генваря наступающаго 1796 года, препроводила къ нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералпрокурору графу Самойлову, который спабдепъ указомъ нашимъ о платежѣ сихъ долговъ.

Второе, подтвердить симъ наистрожайше и подъ опасеніемъ взысканія неизбѣжнаго, чтобъ Придворная Контора, получая исправно опредѣленную ей сумму, производила вѣрно и точно платежи частнымъ людямъ за поставки и покупки, и отнюдь долговъ накоплять не отваживалася; при чрезвычайныхъ же случаяхъ, большихъ издержекъ требующихъ, завременно намъ докладывала, сколько и на что именно ей потребно денегъ.

Третье, между тѣмъ, дабы могли мы дать лучшее устройство теченію дѣлъ по двору, составить примѣрный штатъ о числѣ вообще всякаго рода чиновъ и служителей по вѣдомству придворному, съ назначеніемъ окладовъ и съ особымъ росписаніемъ ихъ по компатамъ, и представя намъ, ожидать рѣшенія, за которымъ уже отнюдь безъ имянныхъ указовъ нашихъ не дѣлать ни малѣйшихъ перемѣнъ.

Четвертое, учинить росписаніе о всѣхъ столахъ по двору нашему безъ изъятія, какъ на время пребыванія нашего въ столицѣ, такъ и въ отсутствіи двора за городомъ, съ означеніемъ, какіе именно столы, кому, на сколько особъ и въ какомъ количествѣ блюдъ полагаются, и равнымъ же образомъ подать на разсмотрѣніе наше, дабы по утвержденіи нами Контора изъ того не выходила и вслѣдствіе онаго могла дѣлать расходы благовременно для вѣрности, а не для одной формы.

Пятое, подтвердить вновь Придворной Конторѣ, чтобъ въ ней предсѣдающіе и присутствующіе имѣли единодушное попеченіе о сбереженіи пользы казенной, о лучшемъ во всемъ устройствѣ, о пресѣченіи всякихъ хищеній и злоупотребленій, взыскивая на нерадивыхъ, паче же виновныхъ, по строгости законной, наблюдая, чтобъ всему былъ вѣрный отчетъ и подавая намъ предписанныя вѣдомости, хотя и сокращенно, но ясно, не замѣшивая ихъ подробностями, которыя отнимаютъ удобность къ открытію существеннаго дѣла производства и веденія расходовъ по двору.

Шестое, камерцалмейстера съ его должностію отдѣлить въ вѣдомство Кабинета нашего, для чего съ 1-го Генваря 1796 года и суммы, какъ на сію часть, такъ и на Петергофскую гранильную мельницу, подъ управленіемъ Кабинета состоящую, въ расходъ по Придворной Конторѣ выходить не будутъ, но останутся въ ея подкрѣпленіе.

По полученіи нами требуемыхъ выше штата и росписанія, мы предоставляемъ себѣ подробнѣе распорядиться о должности Придворной Конторы и разныхъ чиновъ ея вѣдомства, а между тѣмъ указали мы генералу прокурору опредѣленныя на содержаніе двора суммы отпускать по половинамъ года, и по крайней мѣрѣ въ двухъ первыхъ мѣсяцахъ каждой таковой половины.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 22-го дня 1795 года.

Инструкція нашему оберъ-гофмаршалу *).

(1797).

Избравъ васъ при дворѣ нашемъ въ обергофмаршалы и надѣясь, что вы, по всегдашнему своему усердію къ службѣ нашей, не оставите приложить всѣ силы ко исполненію возложеннаго на васъ званія, признали мы за нужное для того начертать вамъ слѣдующія правила.

1. Обергофмаршалу непосредственно подчиняются всѣ высшіе и низшіе придворные служители отъ самаго гофмаршала и до послѣдняго чина, исключая придворныхъ кавалеровъ и тѣхъ, кои по штатамъ имѣютъ своихъ особыхъ начальниковъ; а по сему самому и обязанъ онъ отдавать отчетъ во всѣхъ случаяхъ до порядка, благоустройства и содержанія двора нашего касающихся, и никто другой мимо его ни о чемъ намъ не доноситъ.

2. Во время отсутствія его или болѣзни занимаетъ сіе мѣсто старшій изъ двухъ гофмаршаловъ и поступаетъ съ тою же во всемъ полною властію, какая отъ насъ дана обергофмаршалу, не касаясь однакожъ ни произвожденія придворныхъ служителей въ другія должности, ни новыхъ какихъ либо по двору распоряженій, такъ какъ и второй, буде перваго гофмаршала не случится, но при обергофмаршалѣ ничего сами собою безъ приказанія его не всчинаютъ, а исполняютъ во всей точности отъ него на нихъ возложенное.

*) Писано графомъ Н. П. Шереметевымъ своеручно. П. Б.

3. Обергофмаршалъ есть президентъ Придворной нашей Конторы, а первый изъ гофмаршаловъ занимаетъ мѣсто вицепрезидента. Почему обергофмаршалъ не только печется, дабы всякій изъ нижнихъ придворныхъ служителей отправлялъ должность свою съ надлежащимъ усердіемъ и вѣрностью, но и самымъ своимъ сочленамъ раздѣляетъ труды, каждому по его способности и силамъ, имѣетъ за ними неусыпное надзираніе по точнымъ словамъ Генеральнаго Регламента 8-й главы и прочихъ изданныхъ на сей случай законовъ; вслѣдствіе же сего всѣ и каждый особенно обязаны ему повиноваться во всемъ томъ, что̀ до пользы службы касается.

4. Наполненіе убылыхъ мѣстъ ливрейными и прочими нижними служителями, кромѣ камерпажей и пажей, коихъ опредѣленіе и произвожденіе предоставляется намъ собственно, зависитъ отъ единственнаго избранія обергофмаршала, и онъ обязанъ опредѣлять таковыхъ, кои бы имѣли о себѣ достаточныя одобренія отъ прежнихъ начальствъ или отъ знатныхъ и довѣріе заслуживающихъ особъ; паче же всего стараться, чтобы прежде помѣщаемы были на случающіяся ваканціи дѣти придворныхъ служителей, а особливо такихъ, которые долговременною и усердною службой явили себя достойными какой-либо награды.

5. Какъ произвожденіе въ офиціанты и другіе должностные чины зависитъ отъ обергофмаршала, то онъ долженъ всегда наблюдать, дабы въ семъ случаѣ уважаема была долголѣтняя служба, доброе поведеніе и точное исполненіе возложеннаго на нихъ дѣла.

6. Обергофмаршалъ, имѣя всѣ преимущества президента коллегіи, въ необходимыхъ случаяхъ, требующихъ какого либо неотлагательнаго исправленія безпорядковъ, отвращенія излишнихъ по двору расходовъ, или разсмотрѣнія о чрезвычайныхъ и необыкновенныхъ нарядахъ, можетъ отъ имени своего давать предложенія Придворной Конторѣ, а оная по соображенію и уваженію всѣхъ описанныхъ въ нихъ обстоятельствъ дѣлаетъ свои опредѣленія, которыя однакожъ не прежде исполняются какъ по донесеніи намъ и съ нашего соизволенія. Поелику же производство въ Придворной Конторѣ дѣлъ не инако быть долженствуетъ какъ по точной силѣ регламентовъ и прочихъ законовъ, коими управляются всѣ судебныя мѣста, слѣдственно и рѣшеніе оныхъ да будетъ общимъ согласіемъ голосовъ. Но, ежели бы произошло въ какомъ дѣлѣ разногласіе, то какъ дѣла сей Конторы не суть ни судебныя, ни тяжебныя, а касаются до единаго хозяйства по двору нашему и никогда не взносятся на разсмотрѣніе Сената, для сего обергофмаршалъ, прика-

зывая таковыя разногласія записывать въ особый протоколъ, не долженъ почитать большинство голосовъ конечнымъ рѣшеніемъ дѣла, но представляетъ мнѣніе каждаго члена къ нашему усмотрѣнію и ожидаетъ повелѣнія.

7. Всякое смотрѣніе за хозяйствомъ и благоустройствомъ по двору нашему паче всѣхъ другихъ чиновниковъ остается на отчетѣ обергофмаршала, и вслѣдствіе сего обязанъ онъ самъ собою надзирать всѣ столы, должности и службы, ходить сколь возможно чаще по кухнямъ, погребамъ, мундшенкскимъ, кофишенкскимъ и кондитерскимъ. Но поелику обширность его должности и многія заботы съ тѣмъ сопряженныя могутъ иногда удалять его отъ исполненія сего, то онъ приказываетъ одному изъ гофмаршаловъ сей присмотръ, когда заблагоразсудитъ, и въ такомъ случаѣ сей послѣдній долженъ все то, что̀ требуется отъ добраго хозяйства и чтобы всякіе безпорядки и хищеніе отвращены были, прилагать крайнее попеченіе, чтобы при покупкахъ припасовъ и вещей, также при отпускахъ оныхъ на ежедневное употребленіе, ничего лишняго и вреднаго интересамъ нашимъ не происходило и обо всемъ, что̀ бы по двору ни случилось, доложить немедленно обергофмаршалу и ожидать его приказанія. Впрочемъ обергофмаршалъ росписываетъ каждому изъ подчиненныхъ своихъ должность его и нерадивыхъ во отправленіи оной побуждаетъ и исправляетъ способами отъ его благоизобрѣтенія зависящими, а употребляющихъ во зло довѣренность свою немедленно отсылаетъ къ суду, куда по законамъ слѣдуетъ. Что̀ принадлежитъ до новыхъ по двору расходовъ, то ни онъ, ни вообще Придворная Контора оныхъ не дѣлаетъ кромѣ обыкновенныхъ; равнымъ образомъ и никому особенныхъ столовъ или комнатъ безъ нашего соизволенія отнюдь не назначаетъ и старается всевозможнымъ образомъ не выходить изъ опредѣленной или впередъ опредѣляемой на ежегодное содержаніе суммы, отрѣшая, колико позволитъ достоинство двора нашего, всякое излишество, такъ чтобы со временемъ можно было имѣть остатки отъ годовыхъ расходовъ и или способствовать въ чрезвычайныхъ случаяхъ издержкамъ казны. Приказываетъ записывать въ особый журналъ всѣ могущія случиться новыя при дворѣ торжественныя празднества и хранить сей журналъ навсегда для будущихъ справокъ, въ какое время и что̀ произошло.

8. При сихъ бываемыхъ торжествахъ, какъ то при коронаціи, бракосочетаніяхъ и тому подобныхъ праздникахъ, когда увидитъ обергофмаршалъ, что исправиться штатною суммою денегъ нельзя, доноситъ немедленно намъ и ожидаетъ особливаго пособія и повелѣній; до

полученія же оныхъ ни къ какимъ издержкамъ и распоряженіямъ не приступаетъ.

9. По многимъ опытамъ извѣстно намъ, что подрядчики и поставщики ко двору разныхъ вещей и припасовъ, не будучи въ свое время удовлетворяемы за ихъ поставки деньгами, при новыхъ подрядахъ берутъ за все неумѣренныя цѣны, дабы таковымъ образомъ наградить свои убытки за обращающійся по нѣскольку лѣтъ въ казнѣ капиталъ, во избѣжаніе чего, а паче во отвращеніе возвышенія на съѣстные припасы и прочія жизненныя надобности цѣнъ въ столицахъ нашихъ бываемыхъ (ибо, смотря на сіе, и другіе промышленники имѣютъ поводъ налагать цѣны на свои товары), соизволяемъ, чтобы обергофмаршалъ и его сочлены изыскали возможныя средства покупать всѣ для двора припасы, особенно же Россійскіе, изъ первыхъ рукъ и на готовыя деньги, избѣгая всячески подрядовъ, да и чужестранные доставать покупкою же чрезъ придворнаго маклера или инымъ какимъ либо вѣрнымъ способомъ, не входя отнюдь въ долги, за что болѣе всѣхъ прочихъ обязанъ намъ отвѣтствовать обергофмаршалъ.

10. О всѣхъ по двору приходахъ и расходахъ денегъ, вещей, съѣстныхъ припасовъ, питей и прочаго получаетъ обергофмаршалъ, такъ какъ и Придворная Контора, еженедѣльныя вѣдомости, дабы симъ способомъ онъ могъ видѣть, нѣтъ ли въ употребленіи оныхъ небреженія и самого расхищенія, которое въ первомъ его началѣ пресѣкаетъ, побуждая нерадивыхъ ко исполненію возложеннаго на нихъ увѣщаніями и исправленіями винѣ, ихъ соразмѣрными, а похитителей отрѣшеніемъ отъ должностей и преданіемъ строгости законовъ.

11. Изъ сихъ вѣдомостей приказываетъ сочинять ежемѣсячный отчетъ, который долженъ быть не подробный о всѣхъ вещахъ, но генеральный, самый краткій и ясный, и подноситъ оный къ нашему усмотрѣнію, дабы мы при первомъ на него воззрѣніи могли видѣть, нѣтъ ли чего по расходамъ двора прибавить или убавить и наблюдается ли отъ обергофмаршала и его подчиненныхъ то хозяйство, какого ожидаемъ мы отъ ихъ усердной службы.

12. Отсутствіе наше отъ столицъ въ загородные дома въ лѣтнее время не должно полагаемо быть въ число чрезвычайныхъ расходовъ, какъ въ разсужденіи переѣзда служителей, такъ подвоза съѣстныхъ припасовъ и прочаго; а потому и долженъ обергофмаршалъ обще съ Придворною Конторою при сихъ случаяхъ принимать заблаговре-

менно свои мѣры, дабы дворъ снабженъ былъ всѣмъ нужнымъ безъ недостатка и безъ излишняго убытка.

13. Ежели разсудимъ мы за благо, въ отсутствіе наше въ загородные дома или въ иныя какія дальнія по Имперіи путешествія, взять съ собою одного гофмаршала, то онъ, исполняя все здѣсь предписанное, посылаетъ еженедѣльно какъ объ обыкновенныхъ употребленіяхъ по двору, такъ и о особыхъ расходахъ, какіе по повелѣніямъ нашимъ случатся, къ обергофмаршалу меморіи, дабы сей послѣдній, имѣя полное обо всемъ свѣдѣніе, могъ поправить властію своею всякую неисправность и предупредить недостатки, какіе бы встрѣтиться могли.

14. Въ случаѣ торжественныхъ нашихъ выходовъ какимъ образомъ учреждать столы и церемоніалы, снесясь съ оберцеремоніймейстеромъ, докладывать намъ и ожидать повелѣнія *).

15. Тѣмъ особамъ, коимъ по соизволенію нашему опредѣлены или впредъ опредѣляемы будутъ во дворцахъ нашихъ комнаты и столы, дать табели, что̀ имъ отпускается ежедневно на столъ съѣстныхъ припасовъ и питей, дабы имѣли они полное о томъ свѣдѣніе и

---

*) Въ подлинной черновой рукописи зачеркнуто еще слѣдующее:

„Обергофмаршалъ шествуетъ всегда передъ нами со своимъ жезломъ, имѣя предъ собою двухъ гофмаршаловъ съ ихъ жезлами же, и за публичными, во время праздниковъ, столами служитъ всегда съ своимъ жезломъ такимъ образомъ. Когда кушанье на столъ поставлено будетъ, то онъ, не оставляя жезла, подходитъ и доноситъ о томъ намъ, идетъ прямо передъ нами къ столу, гдѣ отдаетъ жезлъ свой одному изъ придворныхъ кавалеровъ и, подвигая для насъ стулъ, паки принимаетъ жезлъ и не отдаетъ онаго уже никому, доколѣ столъ не кончится; а тогда, отнимая стулъ, предшествуетъ предъ нами прежнимъ порядкомъ. Во время стола приказываетъ играть музыкѣ и при питіи за здоровье бить въ литавры. Смотритъ за придворными кавалерами, камерпажами и пажами, также за всѣми служителями, коимъ при столѣ быть должно, чтобъ они служили со всякою исправностью. Усаживаетъ по мѣстамъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ и Россійскихъ знатныхъ особъ по ихъ чинамъ, а въ случаѣ какого-либо о мѣстахъ спора и сомнѣнія, особливо же между чужестранными, доноситъ намъ и ожидаетъ повелѣнія. Наконецъ, наиприлежнѣйше наблюдаетъ, чтобы всѣ угощаемые за нашимъ столомъ были удовольствованы и услужены всевозможно, какъ того требуетъ достоинство двора нашего. Въ каковыхъ церемоніалахъ необходимо долженъ онъ сноситься съ оберцеремоніймейстеромъ и, учредя все для торжества нужное, докладывать намъ письменно или словесно, какъ того потребуютъ обстоятельства“.

не могли приносить на каковой либо недостатокъ жалобъ, а между тѣмъ смотрѣть накрѣпко за служителями въ ихъ комнаты опредѣляемыми, чтобъ они употребляли все то, что̀ назначено отпускать на столъ особамъ, пользующимся таковою милостію нашею, и сіе все касается большею частію до присмотра гофмаршаловъ, которые обязаны обергофмаршалу отвѣтствовать за всякую неисправность.

16. За ливрейными и прочими служителями смотрѣть, чтобъ они были возмо̀жно опрятны и сохраняли вѣжливость и благопристойность не только съ чужестранными министрами и Россійскими знатными особами, но и со всѣми пріѣзжающими и приходящими во дворецъ штабъ и оберъ-офицерами и не дѣлали никому не малѣйшей грубости, въ каковомъ случаѣ подавать долженъ обергофмаршалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ самимъ собою, и за тѣмъ буде услышитъ или увидитъ противное сему, тотчасъ виноватаго наказывать; но сіе наказаніе да не будетъ тѣлесное, а содержаніе подъ карауломъ на хлѣбѣ и водѣ. Ежели же и за симъ кто либо отъ упрямства или грубости не исправится, таковыхъ, смотря по винѣ, отсылать въ Военную Коллегію для опредѣленія въ солдаты или удалить отъ двора, давая имъ такое содержаніе, какое они своимъ дурнымъ поведеніемъ заслужили. Впрочемъ долженъ обергофмаршалъ оказывать всякое снисхожденіе и ласку къ своимъ подчиненнымъ и стараться, чтобъ нижніе служители непремѣнно получали въ свое время жалованье и опредѣленные нѣкоторыхъ изъ нихъ пенсіоны и порціи подъ опасеніемъ за неисполненіе сего гнѣва нашего.

17. Если обергофмаршалъ увидитъ, что нужно сдѣлать на служителей новую ливрею буднишную или парадную, въ такомъ случаѣ докладываетъ намъ, и по полученіи повелѣнія и образца оной, предлагаетъ о томъ Придворной Конторѣ, которая вмѣстѣ съ нимъ приступаетъ къ ея построенію, стараясь всячески покупкою, а не подрядомъ то исполнить.

18. Всѣ вещи, ежедневно употребляемыя по двору, какъ-то серебро, фарфоръ, хрустальную посуду, столовое бѣлье, комнатныя украшенія и прочее, свидѣтельствуетъ оберъ-гофмаршалъ, если ему время достало, обще съ гофмаршалами каждую треть года, а иначе оба гофмаршала, и буде найдутъ что либо требующее починки или перемѣны вновь, то сіе послѣдніе донести обергофмаршалу, а онъ предлагаетъ Придворной Конторѣ, дабы она приняла въ томъ надлежащія мѣры

и вовсе негодное къ употребленiю исключила изъ прихода, а требующее починки исправила.

19. Позволяемъ обергофмаршалу сверхъ всѣхъ сихъ предписанiй, если что́ онъ усмотритъ полезное и нужное ко благоустройству двора нашего; представлять намъ и ожидать повелѣнiя, но гофмаршалы сего ни въ какомъ случаѣ безъ его позволенiя не дѣлаютъ.

20. Впрочемъ, какъ должность обергофмаршала весьма обширна и по многоразличнымъ предметамъ требуетъ неусыпнаго бдѣнiя, то дабы облегчить, по возможности, труды его, соизволяемъ, чтобы онъ сверхъ опредѣленнаго при немъ для производства письменныхъ дѣлъ секретаря избралъ въ помощь свою изъ совѣтниковъ Придворной Конторы, который и будетъ повиненъ исполнять всѣ его приказанiя, въ самой точности, не ведя уже между своими сотоварищами очереднаго дежурства, для бываемыхъ по двору нарядовъ и другихъ скорыхъ исправленiй, а единственно присутствуя въ Придворной Конторѣ, какъ ея членъ для рѣшенiя дѣлъ по установленному порядку.

*

Всепресвѣтлѣйшему державнѣйшему великому государю императору и самодержцу всероссiйскому. Отъ обергофмаршала графа Шереметева всеподданнѣйшiй рапортъ.

По вступленiи моемъ обергофмаршаломъ, значилось на Придворной Конторѣ разныхъ долговъ за 1796-й годъ 527,165 рублей 12¼ копѣекъ; къ тому, по состоянiю штатнаго положенiя за 1797 годъ, недоставало по текущимъ расходамъ 203,608 рублей 49½ копѣекъ. Всего долговъ было 730,773 рубля 61¾ копѣйка. На оплату оныхъ хотя и слѣдовалобъ быть отпущена особая сумма, о чемъ вашему императорскому величеству моимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ было представлено; но какъ всевысочайше ваше императорское величество повелѣть соизволили уплачивать оные изъ остатковъ, то, руководствуясь онымъ повелѣнiемъ, всѣ тѣ долги разными способами и оборотами по нынѣ уплочены, такъ что и наималѣйшего долгу на Придворной Конторѣ не имѣется, какъ въ приложенной у сего запискѣ значитъ, о чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше репортую.

(Съ черновой бумаги, правленной графомъ Н. П. Шереметевымъ).

Указъ императора Павла графу Шереметеву.

Графъ Николай Петровичъ!

Для удобнѣйшаго управленія по должности камерцалмейстерской, въ вѣдѣніе наше поступившей, прибавя нѣкоторыхъ нужныхъ для нея людей и сочиня онымъ штатъ, при семъ препровождаемъ его для пріобщенія къ общему двора нашего штату, и при томъ повелѣваемъ:

1-е. Всѣ хранящіеся нынѣ въ казенныхъ по камерцалмейстерской должности кладовыхъ гардеробы государей императоровъ и другихъ особъ, также серебро и разныя рѣдкости, разобравъ по сортамъ, представить намъ, дабы можно было отдать оныя подъ сохраненіе въ тѣ мѣста, для которыхъ они принадлежатъ.

2-е. Исправленіе мебелей и храненіе оныхъ по дворамъ любезныхъ нашихъ дѣтей великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича предоставить на попеченіе ихъ гофмаршаловъ и изъ тѣхъ самыхъ суммъ, которыя опредѣлено отпускать для содержанія оныхъ дворовъ, не заимствуя болѣе суммы, въ вѣдѣніе ваше отпускаемой.

3-е. Вся мебели и вещи, по загороднымъ дворцамъ находящіяся, отдать подъ присмотръ капитановъ замковъ, и ихъ болѣе камерцалмейстерской должности подъ своимъ присмотромъ не имѣть.

Павелъ.

С.-Петербургъ
Февраля 20-го дня 1797 года [1]).

Статьи требующія разрѣшенія и утвержденія при подачѣ доклада и отчета за 1797 годъ [2]).

1. Утвердить навсегда данный обергофмаршалу указъ Іюля 2-го числа 1797 года относительно выполненія во всякихъ необходимыхъ надобностяхъ изъ остающихся суммъ, зависящихъ единственно отъ его распоряженія. И сію довѣренность отнести къ одному его лицу,

---

[1]) Печатается со списка. П. Б.

[2]) Напечатанное мельче и означенное звѣздочкою писано собственноручно Д. П. Трощинскимъ, къ которому обращался графъ Н. П. Шереметевъ за совѣтомъ и который вѣроятно былъ членомъ упомянутаго на стр. 500-й комитета; все остальное писано рукою писца. П. Б.

дабы мимо его никто уже не имѣлъ права вмѣшиваться въ таковое распоряженіе.

* Указъ на указъ испрашивать не должно.

2. По части камерцалмейстерской положенную по штату сумму 60000 рублей предоставить единственно для всякихъ случающихся починокъ и поправокъ старыхъ уборовъ и мебелей, какъ прежде бывало. Новые же уборы дворцовъ и комнатъ по смѣтамъ или описямъ не включать въ ту сумму, а опредѣлять при всякомъ таковомъ случаѣ особенныя на то суммы по всевысочайшей волѣ, съ означеніемъ и мѣста откуда получать оныя.

* Само собою разумѣется. Примѣръ тому Михайловскій дворецъ, на убранство коего ассигнованы уже особыя суммы.

3. По части сервизной, покупка новыхъ сервизовъ, приборовъ и позолота оныхъ большимъ количествомъ, требуютъ немалыхъ суммъ. Почему и предоставить выполненіе онаго на часть придворной канцеляріи.

* Кому приказано будетъ, а деньги все равно государевы.

4. Равнымъ образомъ покупку столоваго бѣлья, фарфора, хрусталя, стекла и дѣланіе съ полудою мѣдною посуды по отношеніямъ обергофмаршала исправлять отъ придворной канцеляріи.

* Тоже.

5. Недопущённые отъ придворной канцеляріи по штату великихъ княженъ 5000 рублей возвратить въ Придворную Контору, на дополненіе по той части необходимыхъ надобностей.

* Придворная канцелярія того, что́ по штату положено, и удержать не смѣетъ.

6. Издержанные на счетъ конюшенной конторы на наемъ извозщиковъ за недачею отъ нея лошадей деньги 15565 рублей возвратить въ Придворную Контору на уплату по камерцалмейстерской долгу.

* Въ общій долговой счетъ.

7. Равнымъ образомъ издержанные на платья придворнымъ пѣвчимъ и псаломщикамъ изъ камерцалмейстерской суммы 8984 рубля 25 коп. возвратить и впредь на оное шитье платья сумму причислить къ ливреи отъ придворной канцеляріи.

* Ливрейная сумма опредѣлена.

8. Тоже издержанные по части гофъ-интендантской на постройку кухонь и прочаго 4428 руб. $73\frac{1}{2}$ коп. возвратить на счетъ гофъ-ин-

тенданстскій изъ придворной канцеляріи. А впредъ таковыя надобности по отношенію обергофмаршала исправлять гофъ-интендантской безъ задержанія во всѣхъ загородныхъ мѣстахъ, какъ то и прежде бывало.

* О семъ есть генеральное предписаніе.

9. Какъ здѣсь прилагается записка о дополненіи сервизныхъ служителей и на нихъ въ годъ сумма 2230 руб., то бъ оную сумму, какъ равно и самое число служителей и положеніе имъ окладовъ въ прибавкѣ и убавкѣ, какъ равно и въ перемѣнѣ людей, кто изъ нихъ усмотрится недостойнымъ, предоставить въ полную волю обергофмаршала.

* Прибавка сверхштатныхъ служителей зависитъ отъ его величества, а выборъ и опредѣленіе оныхъ конечно отъ обергофмаршала, о чемъ и спрашивать не для чего.

10. Придворной Конторы канцелярскимъ служителямъ, по усмотрѣнію моему, по однакожъ умѣренному числу, кои мною будутъ избраны для успѣшнѣйшаго отправленія дѣлъ, и дабы не могли отзываться дальними отъ ихъ команды квартирами и чрезъ то медлить ввѣренными имъ дѣлами, давать изъ экономической суммы порціонныя деньги.

* Это награжденіе, которое зависитъ отъ монаршей милости.

11. Есть-ли все поднесенное получитъ всевысочайшее благоволеніе, то испросить секретарямъ и другимъ трудящимся чинамъ пристойное награжденіе по усмотрѣнію оберъ-гофмаршала, также и четыремъ лейбгвардіи унтеръ-офицерамъ, что̀ нынѣ называются смотрителями при кухнѣ, которыхъ усердію и исправности я самовидецъ, и могу увѣрить, что заслуживаютъ высочайшую милость, а сумму на оное я имѣю и имѣть буду отъ небольшой экономіи оставшую.

* Теперь не время.

12. Какъ всѣхъ гоффурьеровъ въ комплектѣ по половинѣ его величества состоитъ восемь человѣкъ, а въ дежурствѣ бываетъ по четыре, но изъ нихъ одинъ занимается журналомъ, другой же находится при постройкѣ либереи, храненіи матеріаловъ къ оной принадлежащихъ и при Зимнемъ дворцѣ безотлучно, почему не благоугодно ли будетъ повелѣть опредѣлить одного сверхъ положеннаго числа изъ способныхъ и извѣстныхъ дворскихъ нижнихъ чиновъ, которому быть при мнѣ и доставлять мнѣ о всемъ нужныя свѣдѣнія?

* Вообще представить должно о недостаткѣ придворныхъ служителей.

13. Позволить мнѣ имѣть въ лѣтнее время для нужнѣйшихъ посылокъ и разныхъ исполненій находящагося при мнѣ по примѣру преж-

няго ѣздового лакея, верхомъ при каретѣ, по удобности сего средства, для нерѣдко случающихся наскоро посылокъ.

* Не смѣю ничего сказать.

Указъ императора Павла графу Н. П. Шереметеву.

Господинъ обергофмаршалъ графъ Шереметевъ.

Разсмотрѣвъ представленный мнѣ при докладѣ вашемъ отчетъ за минувшій 1797 годъ о приходахъ и расходахъ по Придворной Конторѣ, не могу не отдать вамъ должной справедливости за ревностное стараніе и попеченіе ваше о сохраненіи по всѣмъ частямъ владѣнья вашего экономіи и сбереженіи казны, за что и изъявляю вамъ особливое мое благоволеніе и благодарность. Впрочемъ чтó касается до недостающихъ на расплату долговъ по камерцалмейстерской должности 57,654 р. и 52¼ к., надѣюсь, чтó при употребленіи таковаго же добраго во всемъ хозяйства, вы найдетесь въ состояніи тѣ долги остатками отъ расходовъ въ теченіе нынѣшняго года заплатить безъ ассигнованія особой на то суммы.

Пребываю всегда вамъ благосклонный Павелъ.

Спб. Марта 3-го 1798 г.

Подносимые доклады [1]).

1. О произвожденіи камердинеру Званцову [2]) противъ сверстниковъ его жалованья.

* Представленіе сіе излишнее, ибо Государь указомъ своимъ предписалъ ему производить жалованье и прочее содержаніе противу другихъ.

2. О увольненіи находящихся при Михайловскомъ дворцѣ служителей съ пенсіономъ и объ опредѣленіи на мѣсто ихъ другихъ.

* Увольненіе съ пенсіономъ неоспоримо принадлежитъ къ монаршей милости; но опредѣленіе другихъ зависитъ отъ обермаршала.

3. По отношенію г. Ливенши о служителяхъ.

* Тоже.

4. О Каменно-островскихъ служителяхъ.

* Надобно въ запискѣ прибавить, чтó они теперь получаютъ и чтó въ сравненіи съ другими имъ слѣдуетъ.

---

[1]) Означенное звѣздочками принадлежитъ Д. П. Трощинскому, и вся бумага писана его рукою. П. Б.

[2]) Предку нынѣшнихъ Нижегородскихъ помѣщиковъ. П. Б.

5. О камерлакеѣ Миллерѣ.

* Указъ, послѣдовавшій Февраля 14-го 1797 г. о Гатчинскихъ служителяхъ, весьма ясенъ и рѣшителенъ, послѣ коего не остается ничего больше какъ привести въ дѣйствительное исполненіе.

6. О столовыхъ деньгахъ графу Вельгорскому *).

* Развѣ приказано сей докладъ подать? А безъ того не вижу ни права, ни причины.

7. О бывшихъ у принца Конде придворныхъ служителяхъ.

* Когда военный губернаторъ сообщилъ высочайшее повелѣніе объ отсылкѣ ихъ къ суду, тутъ испрашивать уже не о чемъ, а остается только исполнить.

8. О кондиторѣ Мишелѣ.

* Разрѣшеніе конечно нужно не чрезъ самого его.

9. О служителяхъ при сервизной.

* О старыхъ служителяхъ дѣлается теперь разсмотрѣніе, и они при своемъ увольненіи получатъ все имъ слѣдующее. А о нуждѣ имѣть ихъ сверхъ положенныхъ въ штатѣ по вѣдѣнію придворной канцеляріи можно учинить представленіе.

10. О платьѣ для пѣвчихъ.

* Нужно доложить.

11. О Зельцерской водѣ.

* Тоже нужно; но по моему мнѣнію должно бы сказать, сколько вышло на сію статью въ прошедшемъ году.

12. О траурномъ платьѣ для пѣвчихъ.

* Доложиться нужно; но также надобно сказать и число суммы.

13. О походномъ сервизѣ.

* Доложить можно; но о заблаговременномъ отправленіи не совѣтую.

14. О тафельдекаряхъ, представляемыхъ въ отставку съ пенсіономъ.

* Надобно сказать, какое они получаютъ жалованье.

15. О гоффурьерѣ Неустроевѣ.

* Докладываться совсѣмъ не о чемъ.

---

*) Графу Юрію Михайловичу, послѣднему Польскому посланнику при дворѣ Екатерины Великой сдѣлавшемуся гофмаршаломъ при Павлѣ Петровичѣ. П. Б

16. О вещахъ и услугѣ у принца Конде.

* Какъ принцъ Конде на сихъ дняхъ отъѣзжаетъ, то и докладъ не нуженъ.

17. О помѣщеніи сверхштатныхъ на ваканціи.

* Совсѣмъ излишній, поелику неспособныхъ опредѣлять никто и не приказываетъ.

18. Повелѣніе камерфурьерамъ.

* Невозможно въ самомъ дѣлѣ, чтобы не было требованій такихъ, кои должно исполнять и безъ письменнаго предписанія обермаршала. Въ противномъ же случаѣ онъ бы не только часа, ниже минуты свободной не имѣлъ.

Примѣчанія Д. П. Трощинскаго на доклады графа Н. П. Шереметева *).

1. Съ представленіемъ годоваго отчета.

Излишне пространный безъ всякой нужды. А его можно заключить въ нѣсколькихъ строкахъ, сказавъ, что по одной части сколько въ остаткѣ, а по камерцалмейстерской сколько недостаетъ. Непонятно также, на что требуется повелѣніе объ отпускѣ всѣхъ прежде положенныхъ по штату и по указамъ суммъ, когда чтò однинъ разъ отпускать приказано, того никто удержать не можетъ.

2. При семъ докладѣ замѣчанія.

Оныя для императора не нужны; да и объ инструкціи можно доложить при другомъ удобнѣйшемъ случаѣ, къ которому и разсмотрѣніе проэкта оной оставляется.

3. Статьи, требующія разрѣшенія.

На нихъ я положилъ мои примѣчанія.

4. Записка о строптивыхъ метръ д'отеляхъ и непослушныхъ комиссарахъ.

Я и словесно изъяснялъ уже мнѣніе мое, что тутъ не нужно государево никакое повелѣніе. Власть одна обермаршала въ состояніи держать каждаго въ должныхъ границахъ; выкинуть одного или двухъ изъ службы безъ абшиту будетъ примѣръ страха всѣмъ другимъ.

5. Краткую вѣдомость о расходахъ по камерцалмейстерской.

Можно приложить къ годовому отчету.

---

*) Примѣчанія эти писаны собственноручно Д. П. Трощинскимъ. П. Б.

6. Вѣдомость о битьѣ и пропажѣ посуды и бѣлья.

Она показываетъ вообще лучшій присмотръ прошлаго года противъ прежнихъ. Но столоваго бѣлья все много еще пропадаетъ.

7. Особая записка касательная г. н. [1]).

Тутъ нечего сказать. Государь властенъ приказывать кому изволитъ. Но что касается до ста театральныхъ билетовъ, кои будто бы подносятся Александромъ Львовичемъ [2], сіе не вѣрно; а подноситъ ихъ камердинеръ.

Доклады графа Н. П. Шереметева.

При высочайшемъ вашего императорскаго величества дворѣ, а особливо во время загороднаго пребыванія, остается по вѣдѣнію моему одинъ гофмаршалъ графъ Віельгорскій, который, не получая кромѣ жалованья никакого содержанія, людей и экипажъ имѣетъ на собственномъ своемъ коштѣ. По какому случаю и осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству, не благоугодно ли будетъ повелѣть опредѣлить ему на столъ изъ остающейся отъ нѣкоторыхъ столовъ суммы по 3000 р. въ годъ, что̀ и предаю въ высочайшее вашего величества благоволеніе.

*

Двора вашего императорскаго величества придворные пѣвчіе и псаломщики, а равно и состоящіе при церквахъ во дворцахъ Таврическомъ, Мраморномъ и Царскосельскомъ псаломщики жъ, на основаніи прежнихъ именныхъ всевысочайшихъ указовъ, получаютъ къ празднику Святыя Пасхи каждогодно новое цвѣтное платье; а по временамъ дѣлано имъ и траурное. Сумма на сію постройку употребляема изъ общей по двору прежней трехмилліонной, а шитье происходило отъ камерцалмейстерской должности.

По состоявшемуся вновь штату, платья тѣмъ пѣвчимъ и псаломщикамъ не положено, а въ прошломъ году сдѣлано было одно цвѣтное, по скорости отсутствія въ Москву, изъ камерцалмейстерской суммы, и вышло на оное 8984 рубля 25 коп., траурное жъ дѣлано отъ печальной комиссіи. Нынѣ духовникъ вашего императорскаго величества протоіерей Исидоръ Петровичъ требуетъ о сдѣланіи имъ праздничнаго; а господинъ статскій совѣтникъ Бортнянскій объявляетъ волю вашего величества о сдѣланіи имъ и траурнаго платья, на которое по счисленію тоже потребно суммы до 4000 рублей.

---

[1]) Т. е. государя наслѣдника? П. Б.

[2]) Нарышкинымъ. П. Б.

А какъ по штату суммы на сіе не положено, то и осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить о семъ на всевысочайшее вашего императорскаго величества благоволеніе, и изъ какой суммы оное платье дѣлать, испрашиваю высочайшаго указа.

*

Всемилостивѣйшій государь!

Когда благоугодно было вашему императорскому величеству пожаловать мнѣ должность и чинъ обергофмаршала, не представлялъ я себѣ, чтобы силы мои въ отправленіи сей многотрудной должности не соотвѣтствовали тому рвенію, какимъ я исполненъ и по безконечной моей благодарности къ высочайшимъ милостямъ вашего величества, кои явить на мнѣ благоизволили въ первыхъ дняхъ милосерднаго своего царствованія, и по особенной преданности къ особѣ вашего императорскаго величества. Я привыкъ питать въ себѣ сіе сладкое къ вамъ чувствованіе съ самаго моего младенчества, и потому никогда бы не дерзнулъ ни отрещися отъ милостей вашихъ, ни изрещи того, что безсиленъ исполнять возлагаемое на меня служеніе, ежели бы и жизни моей стоило; но болѣзни мои, часъ отъ часу усиливающіяся, воспящаютъ меня отъ точнаго исполненія воли вашего императорскаго величества и угрожаютъ каковымъ либо упущеніемъ подвергнуться гнѣву вашему. Примите, всемилостивѣйшій государь, сіе признаніе въ число прочихъ искреннихъ моихъ представленій и удостойте поручить мнѣ такую должность, къ какой найдусь я способенъ. Мнѣ все равно, гдѣ бы я ни употребленъ былъ, лишь бы только могъ сохранить къ себѣ благоволеніе вашего величества, почитая лишеніе онаго паче всякаго наказанія.

Указъ государственному казначею Васильеву.

Алексѣй Ивановичъ! Получавшимъ до состоянія штата нашей Придворною Конторы дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ и камергерамъ Черткову и Нелединскому-Мелецкому пансіонъ повелѣваемъ производить имъ оный же каждому по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ остаточнаго казначейства.

Павелъ.

Въ Санктпетербургѣ.
Февраля 17 дня 1797 года.

Указъ нашей придворной конторѣ.

Во время пребыванія нашего въ загородныхъ дворцахъ повелѣваемъ вѣдомства придворной нашей конюшни офицерамъ и служителямъ производить порціонныя деньги по примѣру прочихъ двора нашего служителей, а именно: унтершталмейстерамъ по четыре рубли, оберъ-офицерамъ по три рубли, берейторамъ по два рубли, берейторскимъ ученикамъ, лейбъ - кучерамъ и лейбфорейтарамъ по рублю, нижнимъ служителямъ по пятидесяти копѣекъ на день каждому, выдавая сіи деньги помѣсячно на число наличныхъ людей по билетамъ шталмейстеровъ изъ экономической суммы, отъ расходовъ вообще по придворной конторѣ остающейся.

Павелъ.

Въ Павловскомъ.
Августа 11-го 1797 года.

Указъ нашей конюшенной конторѣ.

Находя выгодными для казны нашей цѣны просимыя Санктпетербургскимъ купцомъ Росмепцовымъ съ товарищи за содержаніе въ четырехъ годичное время потребнаго числа лошадей вмѣсто наряда обывательскихъ для загородныхъ переѣздовъ нашихъ и для всякой по двору надобностей, повелѣваемъ съ помянутымъ подрядчикомъ заключить о томъ контрактъ; на уплату же слѣдующихъ ему денегъ указали мы тайному совѣтнику и государственному казначею барону Васильеву отпускать въ придворную конюшенную контору въ теченіе четырехъ лѣтъ въ каждый годъ по 183677 рублей и въ число той суммы на выдачу впередъ подрядчику доставить нынѣ 15000 р.

Павелъ.

Въ Павловскомъ.
Августа 16 дня 1797 года.

Указъ графу Вьельгорскому.

Господинъ гофмаршалъ и кавалеръ графъ Вильгорскій.

Все то, что̀ по штату двора нашего и по особо даннымъ отъ насъ указамъ предписано въ должность обергофмаршалу, по случаю болѣзни нынѣшняго обергофмаршала графа Шереметева и въ отсутствіе его, предоставляемъ исполнять вамъ. Надѣюсь, что вы во всемъ томъ, а наипаче въ сбереженія казны нашей должное радѣніе и попеченіе имѣть не упустите. Пребывая впрочемъ вамъ благосклонный

Павелъ.

Гатчино.
Октября 4 дня 1797 года.

ИНСТРУКЦІЯ

Смотрителямъ собственной его императорскаго величества кухни лейбгвардіи унтеръ-офицерамъ.

1-е. Имѣть всегда неусыпное наблюденіе во время пріуготовленія кушанья за огнемъ на поварняхъ: 1-й) его императорскаго величества; 2-й) Французской и 3-й) ихъ императорскихъ высочествъ великихъ княженъ, также и въ кондитерскихъ обѣихъ половинъ, и накрѣпко смотрѣть, чтобы никакого шуму или неблагопристойности быть не могло, а паче чтобъ всѣ повара при своихъ должностяхъ въ трезвомъ умѣ находились; есть ли жь который окажется хоть мало въ безпорядкѣ, тотчасъ рапортовать обергофмаршала, а въ небытность его гофмаршала.

2. Когда огонь горитъ, быть попеременно одному или двумъ изъ работниковъ на чердакахъ, и примѣчать, нѣтъ ли гдѣ трещинъ въ трубахъ, и сколь скоро усмотрится какая и малѣйшая опасность тотчасъ рапортовать обергофмаршала, а въ небытность его гофмаршаловъ и камеръ-фурьеровъ.

3. Имѣть безпрерывно на чердакахъ и на крышкѣ подлѣ трубъ кадки съ водою, швабрами и запасными ведрами.

4. Смотрѣть, чтобъ всѣ трубы были вычищены и сажа отнюдь загорѣться не могла.

5. Въ ночное время наипаче внимательно примѣчать, дабы нигдѣ огня не было, что́ самое попеременно осматривать и ночью, и гдѣ только огонь усмотрится, тотчасъ его гасить.

6. Всякую нечистоту изъ кухонь велѣть тотчасъ выносить, чтобъ не могло быть никакого дурного запаху и наблюдать опрятность.

7. Постороннимъ людямъ не позволять ни подъ какимъ видомъ входить въ кухни, какъ и прежде о томъ приказано было, и естьли кто изъ таковыхъ случится, тотчасъ спрашивать; когда настоящей причины не скажетъ, таковыхъ задержавъ, представлять прямо къ оберъгофмаршалу.

8. Въ назначенное время къ обѣденному и вечернему столамъ, дежурному гофъ-фурьеру и одному камерлакею съ потребнымъ чи-

сломъ ливрейныхъ служителей собираться для пріему блюдъ съ кушаньемъ не прямо въ кухню, но въ особенную при ней комнату, а гоффурьеръ долженъ тогда войти въ кухню и при своемъ надзираніи и метрдотелей приказать поварамъ кушанье все снести въ ту комнату, изъ которой уже ливрейные, принявъ въ надлежащемъ порядкѣ и чистотѣ, безъ шуму, подъ надзираніемъ гоффурьера, должны нести кушанье къ высочайшему столу, въ кухню же, кромѣ гоффурьера, ливрейнымъ входу не имѣть.

9. Постороннимъ людямъ, приходящимъ за кушаньемъ, отнюдь не допущать по кухнямъ ходить и въ передней комнатѣ принимать отъ коховъ нужное имъ кушанье.

10. О благосостояніи и порядкѣ рапортовать каждой день по утрамъ обергофмаршала или гофмаршала.

11. Всякое же наималѣйшее по сей инструкціи со стороны кого-либо неисполненіе взыщется въ первый разъ вычетомъ третнаго жалованья и лишеніемъ навсегда порціонныхъ порціонныхъ денегъ, кому оные есть; а во второй разъ выключенъ будетъ за негодностію изъ службы съ дачею атестата, чтобъ нигдѣ его не опредѣлять и никакой довѣренности не удостоивать.

На подлинномъ подписано: графъ Николай Шереметевъ.

Августа 9-го дня 1798-го года.
въ Павловскомъ.

Письмо Д. Н. Неплюева къ князю Н. Б. Юсупову.

Милостивый государь мой князь Николай Борисовичъ! Государь императоръ высочайше указать соизволилъ, чтобъ комедія, сочиненная г. Каппистомъ подъ названіемъ Ябеда, на театрѣ представляема не была. Есмь въ протчемъ съ истиннымъ почтеніемъ Д. Неплюевъ.

Октября 23-го дня 1798 года.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА О ПОЖАЛОВАНІИ ВОТЧИНЪ СТОЛЬНИКУ ИВАНУ АКИНФІЕВИЧУ БУТУРЛИНУ.

(1688.)

Бога въ трехъ присносіятельныхъ иностасѣхъ единороднаго, безначальнаго, всѣхъ благъ виновнаго, свѣтодавца, Имже вся быша, человѣческому роду миръ дарующаго милостію, и сіе благодѣяніе повсюду извѣствующе мы, пресвѣтлѣйшіе, державнѣйшіе, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и великая государыня благовѣрная царевна Софія Алексѣевна всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, Московскіе, Кіевскіе, Владимирскіе, Новогородскіе, цари Казанскіе, цари Астраханскіе, цари Сибирскіе, государи Псковскіе и великіе князи Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе, Вятскіе, Болгарскіе и иныхъ государи и великіе князи Нова города низовскія земли, Черниговскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, Кондійскіе и всея Сѣверныя страны повелители, и государи Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли Черкаскихъ и Горскихъ князей; иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники и государи и обладатели, по своему царскому милосердому призрѣнію и осмотрѣнію.

Пожаловали стольника нашего Ивана Акинфіевича Бутурлина для нынѣшняго вѣчнаго учиненнаго мирного съ братомъ нашимъ съ великимъ государемъ съ его королевскимъ величествомъ Польскимъ при дворѣ нашего царскаго величества постановленія и за службы предковъ и отца его и его, которыя службы и ратоборство и храбрость и мужественное ополченіе и крови и смерти предки и отецъ его и онъ показали въ прошедшую войну въ корунѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до перемирнаго учиненнаго въ Андрусовѣ постановленія сто семьдесятъ пятаго году отъ начала нарушенія прежнихъ Поляновскихъ договоровъ, которые во многихъ разрушительныхъ письмахъ тогда вѣчному миру съ стороны королевскаго величества

противенствомъ учинены, за которыя досадительства при помощи Божіей и надежды христіянскія пресвятыя Богородицы молитвою, взявъ непобѣдимое оружіе, святыя и животворящіи крестъ Господень, отецъ нашъ государевъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ своею государевою особою съ подданными царевичи и бояры и воеводы и со многочисленными своими ратьми ходилъ на Польское и Литовское королевство и отмщеніе учинилъ, и Смоленскъ и Кіевъ и всю Малую Россію и иные многіе городы и мѣста войною поймалъ.

А когда въ прошломъ во сто семьдесятъ пятомъ году у отца нашего государева блаженныя памяти у великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца учинено было съ Польскимъ Яномъ Казимиромъ королемъ перемиріе на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ, а потомъ у брата нашего государева же блаженныя памяти у великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержца чинено было съ Польскимъ Яномъ Третьимъ королемъ перемиріе же на другія на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ, и въ тѣ перемирныя лѣта постановлено при помощи Божіей намъ великимъ государямъ нашему царскому величеству съ королевскимъ величествомъ Польскимъ искать вѣчнаго мира, и въ надежду того перемирія отецъ нашъ государевъ блаженныя памяти великій государь его царское величество во всякой государственной помощи противъ бусурмановъ съ королевскимъ величествомъ изволилъ чинить тогда союзъ, и на тѣ перемирныя лѣта уступлены съ нашей великихъ государей нашего царскаго величества стороны королю Польскому рѣчи посполитой городы Полоцкъ, Витебскъ, Динаборокъ, Лютинъ, Резица, Марпаузъ со всѣми Лифляндами полуденными, Велижъ, Невль, Себежъ со всѣми уѣздами и землями, а Смоленскъ съ пригороды и Черкаскіе городы оставлены были въ сторонѣ нашего царскаго величества только на тѣ перемирныя лѣта до выхожденія ихъ, также городъ Кіевъ по первому перемирію удержанъ былъ въ державѣ нашего царскаго величества только на два года, а по выхожденіи двухъ лѣтъ договорено свято отдать королю Польскому и рѣчи посполитой, на чемъ и обѣщаніе передъ святымъ евангеліемъ было учинено.

А что въ тоё прошедшую войну съ королемъ Польскимъ и княжествомъ Литовскимъ нашего царскаго величества будучи въ Польшѣ и Литвѣ разные люди поймали въ полонъ и вывезли въ Россійскія

наши государства Польскаго и Литовскаго народа мужеска и женска пола шляхетскаго и служилаго чина и пашенныхъ крестьянъ многіе милионы, также и постельныхъ всякихъ утвари и украшеній и колоколовъ и изъ городовъ и на бояхъ пушекъ и всякихъ воинскихъ припасовъ въ тѣ времена взяли же, и то все по тѣмъ вышепомянутымъ перемирнымъ договоромъ оставлено было въ сторонѣ нашего царскаго величества только на тѣ перемирныя лѣта.

И прошлаго седмь тысячъ сто девяноста четвертаго года къ намъ великимъ государямъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержцамъ прислалъ королевское величество Польской великихъ и полномочныхъ пословъ своихъ Криштофа Еримультовскаго, воеводу Познаньскаго, да князя Марціона Огинскаго, канцлера великаго княжества съ товарищи для постановленія между нами великими государи нашимъ царскимъ величествомъ и его королевскимъ величествомъ вѣчнаго мира и противъ общаго всѣхъ христіанъ непріятеля для договору о союзѣ. И по нашему великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ указу съ тѣми королевскаго величества великими полномочными послы, будучи во многихъ отвѣтѣхъ, нашего царскаго величества ближніе бояре и думные люди ближней бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, царственныя нашей большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель и намѣстникъ Новгородскій; ближній бояринъ и намѣстникъ Вятской, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, ближній бояринъ и намѣстникъ Суздальской Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ, ближній окольничей и намѣстникъ Плоцкой Петръ Дмитріевичъ Скуратовъ, ближній окольничій и намѣстникъ Муромской Иванъ Ивановичъ Чудаевъ, думной дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ и Государственного Посольского Приказу дьяки имѣли разговоры о постановленіи того вѣчнаго мира, пространно, желая того, чтобъ тѣ королевскаго величества великіе и полномочные послы, по данной себѣ полной мочи, о вѣчномъ мирѣ и особое постановленіе учинили совершенное.

И въ томъ у нихъ ближнихъ нашихъ бояръ съ товарищи заходили великія трудности и многіе споры, и по многихъ разговорахъ милостію и благословеніемъ всемогущаго въ Троицѣ святѣй славимаго Бога и предстательствомъ надежды нашея христіанскія пресвятыя Богородицы и силою честнаго и животворящаго креста Господня и мо-

литвами Московскихъ и Кіевопечерскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ; а нашимъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и всего нашего государскаго дому счастіемъ, онъ ближній нашъ бояринъ князь Василій Васильевичъ съ товарищи съ тѣми его королевскаго величества великими и полномочными послы между нами великими государи нашимъ царскимъ величествомъ и обоими нашими отъ Господа Бога доставленными намъ государствы учинилъ вѣчной миръ и христіанской покой и противъ общаго всѣхъ христіанъ непріятеля союзъ, которымъ вѣчнымъ миромъ его ближняго боярина нашего князя Василія Васильевича съ товарищи вѣрною и радѣтельною службою учинено нашего царскаго величества преславному имени многое повышеніе, а государствамъ нашего царскаго величества расширеніе и пространство, учиня такой вѣчной миръ Россійскому нашему царствію прибыльной и хвальной, какова напредъ сего при предкахъ нашихъ государскихъ не бывало, и во всѣмъ учинено нашей великихъ государей нашего царскаго величества пренменитой державѣ Россійскому нашему царствію великая прибыль и по всему свѣту вѣчная слава и хвала, а именно: тѣ Польскіе послы по договору съ ближнимъ нашимъ бояриномъ съ товарищи именемъ королевскаго величества и всея рѣчи посполитой обоего народу, коруны Польскія и великаго княжества Литовскаго, уступили и въ договорныхъ вѣчнаго мира записяхъ написали и вѣрою утвердили намъ великимъ государемъ нашему царскому величеству многія прибыли, у всѣхъ христіанскихъ государей славная на свѣтѣ титла, то есть писати насъ великихъ государей пресвѣтлѣйшими и державнѣйшими и Кіевскими и Черниговскими и Смоленскими великими государи вѣчно; а королевскому величеству Кіевскихъ, Черниговскихъ и Смоленскихъ и иныхъ городовъ титлами, которыхъ намъ великимъ государемъ нашему царскому величеству по тому мирному договору княжества и городы отданы, не писатися вѣчно же и на маестатовыхъ печатѣхъ какъ на корунной, такъ и на Литовской тѣхъ титлъ не изображати, и въ канцеляріяхъ въ корунной и въ Литовской тѣ титла отставить вовсе. И благочестивой нашей христіанской Греческаго закона вѣрѣ, которая обрѣтается у Русскихъ народовъ въ державѣ его королевскаго величества въ корунѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, быти во всякой вольности безъ всякаго утѣсненія, и духовнымъ Грекороссійской вѣры приходити къ благословенію и посвященію въ нашу царскаго величества отчину въ богоспасаемый градъ Кіевъ къ преосвященному митрополиту Кіевскому и галицкому. Да королевское жъ величество Польское и вся рѣчь поспо-

литая отдали тѣмъ вѣчнымъ миромъ въ сторону нашего царскаго величества къ Россійскому нашему царствію вѣчно городы, которые оставлены были въ нашей царскаго величества сторонѣ только на перемирныя лѣта, то есть Смоленскъ, Доргобужъ, Бѣлая, Рославль съ уѣздами и со всѣми къ тѣмъ городамъ принадлежащими землями и угодьи, какъ въ прошедшія перемирныя лѣта тѣ городы и земли въ коронѣ нашего царскаго величества во владѣніи и державѣ обрѣталися, также и другія стороны въ нашу царскаго величества сторону къ Россійскому нашему царствію отдалъ королевское величество рѣчь и посполитая городы жъ вѣчно же: Черниговъ, Стародубъ, Почепъ, Новгородокъ Сѣверскій, Глуховъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Переяславль, Гадячъ, Полтаву и всѣ Черкаскія сея стороны Днѣпра городы и мѣста, которые какъ имена и прозванія себѣ имѣютъ и всю Малую Россію съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ служилымъ и купецкимъ и пашеннымъ народомъ, а на той сторонѣ рѣки Днѣпра богоспасаемый градъ Кіевъ съ городами, станками, Трепольемъ, съ Васильковомъ, съ Вышгородомъ и съ мѣстечкомъ Демидовкою и съ служилыми и всякаго чина людьми и со всѣми къ намъ принадлежащими землями и угодьи также и въ нихъ рѣкою Днѣпромъ отъ Кіева до Кайдака, и тотъ городъ Кайдакъ и Запорожской кошъ городъ съ сѣчью и живущіе въ нихъ козаки служилые и всякаго чина жители и даже до чернаго лѣса со всѣми землями, рѣками и рѣчками и со всякими принадлежащими угодьи, чѣмъ владѣли изстари Запорожцы, которые все тѣ вышеписанные городы и земли и войско Запорожское и весь Малороссійскій народъ въ нашей царскаго величества преславное и преименитой державѣ вѣчно оставаться и быти имѣютъ неподвижно.

Что въ прошедшую войну нашего царскаго величества всякихъ чиновъ разные люди Польскаго и Литовскаго народа шляхты и войсковыхъ всякаго чина людей и пашенныхъ крестьянъ плѣномъ поймали и въ Россійскія наши государства вывезли и костельныхъ утварей и украшеній и колоколовъ и пушекъ и всякихъ воинскихъ припасовъ взяли, и тому всему вышеписанному полону мужеска и женска пола шляхтѣ и мѣщаномъ и пашеннымъ крестьяномъ, которые нынѣ у боярѣ нашихъ и у окольничихъ и думныхъ и у ближнихъ людей и у всякихъ чиновъ людей въ помѣстьяхъ и вотчинахъ поселены во крестьяне и въ задворные люди и въ дворѣхъ въ холопствѣ, симъ вѣчнымъ мирнымъ договоромъ постановлено и укрѣплено остатися въ нашихъ царскаго величества государствахъ при тѣхъ помянутыхъ чинѣхъ вѣчно же, и впредь тому всему быти забвенну и непамятну.

И тѣми договорными записьми они нашего царскаго величества ближніе бояре и думные люди съ тѣми королевскаго величества и рѣчи посполитой великими и полномочными послы размѣнялися и вѣрою утвердили. Мы великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ и великая государыня благовѣрная царевна великая княжна Софія Алексѣевна всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержцы для того вѣчнаго мира и святаго покоя пожаловали его Ивана Бутурлина за службы предковъ и отца его и за его которыя службы ратоборство и храбрость и мужественное ополченіе и крови и смерти предки и отцы его и сродники и онъ показалъ въ прошедшую войну въ корунѣ Польской и въ княжествѣ Литовскомъ, похваляя милостиво тоё ихъ службу и промыслы и храбрость въ роды и роды съ помѣстного его окладу съ тысячи четвертей, со сто четвертей по двадцати четвертей и того двѣстѣ четвертей и съ его помѣстья въ вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Быковской волости въ деревнѣ Борщевкѣ пол-пустоши Лаппна, пол-пустоши Филина Ухоребрица тожъ, пол-пустоши Горяшина, пол-пустоши Прутикова, пол-пустоши Коняшина, четверть пустоши Пашкова; да въ Арзамаскомъ уѣздѣ въ Теийскомъ стану въ селѣ Измайловѣ да въ Залѣсномъ стану за Матковскими вороты въ селѣ Покровскомъ, а по дачѣ сто девяностаго году въ той его Суздальской вотчинѣ въ деревнѣ Борщевкѣ съ пустошми написано пашни сто четырнатцать четвертей, а въ Арзамаской его вотчинѣ по книгамъ Арзамаскаго уѣзду письма и мѣры Тимофея Измайлова съ товарищи сто двадцать девятаго, сто тридесятаго и сто тридцать перваго и по дачѣ сто девятаго году написано пашни въ селѣ Измайловѣ восемдесятъ четвертей, въ селѣ Покровскомъ пятдесятъ четвертей; всего въ Суздальской и Арзамаской его вотчинѣ пашни двѣстѣ сорокъ четыре четверти въ полѣ, а въ дву потому жъ со крестьяны и со всѣми угодьи. И перешло ему Ивану сверхъ помѣстнаго его окладу въ селѣ Покровскомъ сорокъ четвертей, и тѣми перехожими четвертьми владѣть ему Ивану въ помѣстье опричь того что дано ему въ вотчину. А на ту вотчину повелѣли мы великіе государи дать ему сію нашу царскаго величества милостивую свидѣтельствованную жалованную грамоту за нашею царскою печатью.

И по нашему великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Аеексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны Софіи Алексѣевны всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ царскому жалованью та вотчина ему Ивану Бутурлину и его дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ въ роды ихъ неподвижно, чтобъ наше царское жалованье и ихъ вышепомянутая служба и храбрость и

мужественное ополченіе за благочестивую нашу христіанскую вѣру по насъ великихъ государей и за свое отечество послѣднимъ родомъ было на памяти, и на ихъ бы службы дѣти его и внучата и правнучата и кто по немъ рода его будетъ взираяще, также за вѣру христіанскую и за счастія Божія церкви по насъ великихъ государей и за свое отетество тщалися стоять мужественно со усердіемъ.

А въ той вотчинѣ онъ Иванъ Бутурлинъ и дѣти его и внучата и правнучата, по нашему царскому жалованью, по сей нашей царской милостивой жалованной грамотѣ вольны ее продать, заложить и въ приданое дать; а въ монастыри тоѣ вотчины не отдать; а буде продастъ въ чужой родъ и кто будетъ рода его похочетъ ту вотчину выкупить по уложенью, а буде у него рода не останется, и та вотчина останется не продана, не заложена, и въ приданое не отдана, и ту вотчину взять и приписать къ нашимъ великихъ государей волостямъ.

Дана печатная сія наша царская милостивая жалованная грамота нашего государства въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ лѣта созданія міра седмь тысячъ сто девяноста шестаго, а отъ воплощенія Сына Слова Божія тысяча шесть сотъ восемдесятъ осмаго году мѣсяца Февраля двадцать осьмаго дня, государствованія нашего шестаго году.

Взять восемь алтынъ и въ книгу записать.

Взято и въ книгу записано.

По указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ на подлинной грамотѣ подписалъ дьякъ Василій Манутовъ. Справилъ Ивашка Андреевъ.

*

1785-го году Марта 22-го дня сія грамота въ Харьковской полковой канцеляріи съ подлинною грамотою для представленія къ межевымъ дѣламъ свидѣтельствована. Майоръ Николай Выродовъ. Читалъ канцеляристъ Акимъ Дибловскій.

Съ рукописи, хранящейся въ церковномъ Древнехранилищѣ при Нижегородской Семинаріи

Сообщилъ Ѳ. Кудринскій.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

VIII.

1834—1836.

Первое время моей супружеской жизни въ Москвѣ.—Пріѣздъ матери моей въ Россію.—Поѣздка въ Тепловку.—Зима и лѣто въ Кіевѣ.—Отъѣздъ за границу.

Въ обстоятельствахъ, изложенныхъ въ предыдущей главѣ, какъ непосредственно до меня относящихся, упомянуто лишь вскользь о моихъ родныхъ въ Италіи, между тѣмъ какъ и тамъ произошло важное семейное событіе. Въ началѣ 1834 г. меньшая сестра моя Елена Дмитріевна вышла замужъ за князя Видоніа-Соредзіана. Партія эта могла считаться блистательною: князь Видоніа былъ представителемъ одной изъ первыхъ фамилій въ Римской области и въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, въ родствѣ по матери съ Австрійскими графами Кевенгюллерами, съ большимъ, повидимому, состояніемъ (хотя по смерти его имѣніе оказалось обремененнымъ долгами), съ надеждами на наслѣдство впереди отъ своего брата-холостяка и дяди-кардинала; сверхъ того онъ былъ, какъ увѣряли, человѣкъ образованный и начитанный (чѣмъ неособенно отличалась тогда Итальянская аристократія) и много путешествовалъ. Но не совсѣмъ онъ былъ подъ пару сестрѣ моей, коей шелъ 21 годъ, а ему между 40 и 50. По семейной сдѣлкѣ, вмѣсто 1000 заложенныхъ душъ Воронежскаго имѣнія, приходившихся на часть сестры по раздѣльному акту, она получила въ приданое Флорентинскій нашъ домъ, перекупленный впослѣдствіи у нея братомъ нашимъ. Чрезъ два года сестра овдовѣла [2]).

Я купилъ подъ заемное письмо, и опять таки чрезъ Леона Копенштейна, богатую четверню кровныхъ лошадей, двухъ вороныхъ и

---

[1]) См. выше, стр. 337.

[2]) По странному стеченію обстоятельствъ, я не находился ни при одномъ изъ важныхъ событій моего семейства, ни при кончинѣ моихъ родителей, ни моего брата, ни при свадьбѣ трехъ моихъ сестеръ и моего брата, и никто изъ семейныхъ моихъ не былъ при моей женитьбѣ.

двухъ сѣрыхъ, на перекоски, и подобралъ самъ другую четверню разгонныхъ, а предыдущимъ еще лѣтомъ заказалъ коляску на лежачихъ рессорахъ, извѣстныхъ тогда только по заграничнымъ рисункамъ. Оба лакея были въ ливреяхъ гороховаго цвѣта и того же колера камзолахъ, штанахъ и щиблетахъ съ красными аксельбантами и гербовыми позументами на серебряномъ полѣ. Въ таковой же ливреѣ былъ мой *грумъ*, сидѣвшій рядомъ со мною по Англійской модѣ, въ тильбюри (двуколесный кабріолетъ), которымъ я самъ правилъ въ одну куцую англизированную лошадь. Дворецкій и оффиціанты не иначе служили какъ въ черныхъ фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ. Домашнюю прислугу довершали вышеописанный Негръ въ бѣлой чалмѣ и мои камердинеръ Радзиковскій и мальчикъ подъ-камердинеръ. Блеснулъ я мгновенно вельможною обстановкою, никогда болѣе въ жизни не повторившеюся. Но все это было поверхностный лишь пуфъ: долги уже грызли меня, и съ той поры пошли все *кресчендо* до окончательной, хотя тогда еще отдаленной, катастрофы.

Пришла мнѣ также фантазія пріобрѣсти обезьяну, продававшуюся случайно довольно дешево; она потѣшна была между прочимъ тѣмъ, что мастерски откупоривала бутылки и напивалась до пьяна. Другая ея странность была та, что она благоволила къ молодымъ горничнымъ моей жены (каковыхъ, кажется, было у ней три), а бросалась кусать за ноги пожилую экономку Марію Васильевну. Общій нашъ другъ Тридонъ, пріѣхавшій однажды къ намъ изъ Знаменскаго (гдѣ онъ продолжалъ жить одинъ), увидѣвъ черную голову Негра, просунувшуюся чрезъ столовую дверь, спросилъ, съ необдуманною живостію Француза, у моей жены, былъ-ли то мой Негръ или моя обезьяна. По свойственной ему душевной прямотѣ, онъ не одобрялъ нашей Московской жизни; но гласъ его вопіялъ въ пустынѣ: никто его не слушался.

Не сказалъ я, что ради соблюденія стародавняго, глупѣйшаго Московскаго этикета, коего придерживалась моя теща, на слѣдующій же день нашей женитьбы посадили насъ молодыхъ въ карету, въ которой мы цѣлые три дня объѣзжали съ визитами всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ тетушекъ, дядюшекъ, кузеновъ и кузинъ до теряющейся въ генеалогическихъ архивахъ степени родства, а затѣмъ всѣхъ знакомыхъ съ обѣихъ (т. е. супружескихъ) сторонъ. Изъ этого одного понятно, почему нынѣшняя молодежь выбираетъ себѣ въ подруги жизни, безъ великосвѣтскихъ связей, воспитанницъ Театральнаго Училища. О какъ я проклиналъ этотъ варварскій обычай и какъ завидовалъ Англичанамъ, у которыхъ новобрачная чета, по выходѣ изъ церкви, уѣз-

жаетъ вдвоемъ куда нибудь на нѣсколько дней и сразу взаимно свыкается!

Въ числѣ родственниковъ, къ коимъ изъ первыхъ надлежало намъ ѣхать съ визитомъ, были князь Александръ Михайловичъ Урусовъ и жена его княгиня Екатерина Павловна, родная сестра Дмитрія Павловича Татищева. Князь А. М. Урусовъ былъ въ то время начальникомъ Московской Придворной Конторы и директоромъ всѣхъ тамошнихъ дворцовъ, а самъ жилъ въ большомъ своемъ домѣ на Тверской. Изъ трехъ его дочерей, старшая, княжна Марія, давно уже была замужемъ за графомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ; вторая, княжна Софія, извѣстная по рѣдкой своей красотѣ, вышла за князя Льва Радзивила; а третья, княжна Наталія, вышла въ одно почти время какъ я женился, за графа Ипполита Кутайсова. Ѣздили мы также съ визитомъ къ графу Сергѣю Петровичу Румянцову, считавшемуся въ какомъ-то тоже дальнемъ родствѣ съ нами, Бутурлиными. Старикъ казался весьма доволенъ этимъ нашимъ вниманіемъ и съ любезностію Екатерининскаго вельможи и съ живостію не по лѣтамъ передалъ женѣ моей нѣкоторыя подробности о дѣдѣ ея Василіи Сергѣевичѣ Нарышкинѣ, его современникѣ. Онъ жилъ въ наслѣдственномъ своемъ домѣ на Маросейкѣ, носившемъ еще въ то время отпечатокъ эпохи его отца-фельдмаршала по лѣпнымъ барельефамъ военныхъ сюжетовъ, украшавшимъ наружныя стѣны. По смерти его домъ перешелъ къ Дивовой, но она вскорѣ продала его купцу Усачеву который весь домъ передѣлалъ за́ново и также продалъ его другому купцу. Это было единственный разъ, что́ я видѣлъ графа Сергѣя Петровича *). Слышно было, что онъ и тогда еще проигрывалъ большія суммы въ карты, чѣмъ, однакоже, не разстроилъ нимало огромнаго свои состоянія. Въ началѣ столѣтія, будучи членомъ Государственнаго Совѣта, онъ подалъ первый примѣръ освобожденія крестьянъ въ большихъ размѣрахъ, по состоявшемуся тогда новому положенію о «вольныхъ хлѣбопашцахъ». Эта либеральная мѣра, если не была имъ задуманною, то осуществилась, помнится мнѣ, благодаря его вліятельному настаиванію. На служебномъ поприщѣ онъ не достигъ извѣстности подобной брату своему канцлеру, но обладалъ многостороннею ученостію; воспитателемъ его былъ Гриммъ.

---

*) Меня удивляло, почему титулъ Задунайскаго не перешелъ къ сыновьямъ фельдмаршала. На вопросъ мой Дивову, не извѣстна ли ему причина этой странности, онъ сообщилъ мнѣ, со словъ графа Сергѣя Петровича, что это случилось по желанію самаго фельдмаршала, не считавшаго нужнымъ, чтобы отличительный титулъ Задунайскаго вошелъ прибавкою къ его фамиліи въ будущихъ поколѣніяхъ.

Въ 1833 или началѣ 1834 года графъ Сергѣй Петровичъ продалъ фельдмаршалу князю Паскевичу Могилевскій городъ Гомель, кажется, за милліонъ рублей. Не смотря на всѣ эти уменьшенія родоваго состоянія, дочери его, княгиня Варвара Сергѣевна Голицына и и сестра ея Зинаида Сергѣева Дивова [1]) получили богатое приданое, а сыновья княгини Голицыной огромное наслѣдство, часть коего досталась также покойному Петру Ивановичу Апраксину; кромѣ того, графъ Румянцовъ при жизни своей далъ по имѣнію каждой изъ четырехъ дочерей княгини В. С. Голицыной. Когда же сама Варвара Сергѣевна выходила за князя Павла Алексѣевича Голицына, то графъ вельможно-щедрою рукою далъ ему на собственное его имя дарственную въ 700, кажется, душъ, чтобы, на всякій случай, князь Голицынъ не могъ находиться въ зависимости отъ жены. Говорили, что онъ склонялся къ волтеріянизму; это немудрено, таковъ былъ его вѣкъ; но знаю навѣрное, что онъ умеръ, напутствуемый молитвами Церкви.

Однакоже я заболтался о семъ визитѣ и забылъ, что жена и съ нею читатели ждутъ меня въ каретѣ.

Свадебные обѣды въ честь насъ молодыхъ были у Дивовыхъ, у Чертковыхъ и у Олсуфьевыхъ [2]), какъ у наиближайшихъ родственниковъ. Были мы также съ визитами у княгини Анны Ивановны Щербатовой и у дочери ея Мельгуновой.

Ежедневнымъ почти нашимъ посѣтителемъ былъ старикъ князь Баратаевъ, нѣкогда другъ и товарищъ шаловливой молодости тестя моего Нарышкина, впавшій въ крайне-бѣдное положеніе. Былъ онъ также своимъ человѣкомъ въ домѣ родителей моихъ до 1812 года и такимъ же почти у Чернышовыхъ, и какъ одинъ изъ близкихъ нашему семейному обществу попалъ въ упомянутую не разъ семейную карикатурную колекцію Ивана Бѣшенцова. Въ семействѣ моемъ отзывались о князѣ Баратаевѣ, какъ о вѣтреникѣ, мало способномъ къ серіознымъ занятіямъ и усвоившемъ себѣ привычку вѣчно шутить. Разсказывали, что, дабы отдѣлаться отъ докучливыхъ его и И. В. Нарышкина кредиторовъ, князь Баратаевъ придумалъ поставить гробъ въ серединѣ комнаты, и самъ, въ траурномъ платьѣ и съ приложен-

---

[1]) Была еще третья сестра, княгиня Мещерская, первая жена князя Петра Ивановича (женившагося потомъ на Карамзиной), умершая молодою и бездѣтною.

[2]) Александръ Дмитріевичъ Олсуфьевъ (не получившій еще тогда богатаго своего наслѣдства отъ Голицыныхъ и Долгоруковыхъ, въ числѣ перваго изъ коихъ былъ домъ на Дѣвичьемъ полѣ) жилъ тогда съ семействомъ въ Чернышовскомъ переулкѣ, въ домѣ князя П. А. Вяземскаго, противъ Англійской кирки.

нымъ къ глазамъ платкомъ, встрѣчалъ кредиторовъ съ скорбнымъ извѣстіемъ о внезапной будто бы кончинѣ своего друга, каковою продѣлкою оба они отдѣлывались нѣкоторое время отъ преслѣдованій за долги (не могу не выразить мимоходомъ мое удивленіе наивности тогдашнихъ кредиторовъ). Помнится мнѣ, говорили, что когда у обоихъ друзей кошелекъ оказывался сухимъ, то они будто бы отправлялись къ незнакомымъ, выдавая себя за пріѣзжихъ виртоузовъ (выраженіе артистовъ не примѣнялось еще тогда къ музыкантамъ), каковое самозванство Иванъ Васильевичъ успѣшно могъ поддерживать замѣчательною своею игрою на фортепіанахъ, а князь Баратаевъ попискивалъ кое-какъ на скрипкѣ. Подобныя школьничества были еще тогда въ ходу, какъ остатки поколѣнія, корчившаго Французскихъ étourdis et roués de la régence [1]). Въ такомъ почти духѣ задумалъ однажды графъ Чернышовъ, въ первые года своей женитьбы, притвориться больнымъ подагрою и имѣлъ терпѣніе высидѣть въ креслахъ цѣлую недѣлю съ вытянутою на стулѣ ногою; а когда жена его вмѣстѣ съ моею матерью отправились въ маскарадъ, онъ встрепенулся, отправился замаскированный туда же и весь вечеръ интриговалъ обѣихъ дамъ подробными разсказами объ интимномъ семейномъ ихъ бытѣ.

Когда я впервые познакомился съ княземъ Баратаевымъ, въ началѣ 1827 года, онъ уже былъ не тѣмъ, чѣмъ изображали его семейные наши разсказы: старость и нужда загрызли и сдѣлали его весьма жалкимъ, конечно, но скучнымъ довольно господиномъ. Онъ былъ когда-то женатъ на сестрѣ Александра Александровича Волкова, бывшаго въ концѣ 20-хъ годовъ Московскимъ жандармскимъ окружнымъ начальникомъ [2]). Княгиня Баратаева (звали ее, кажется, Елисаветою Александровною) принесла въ приданое мужу изрядное состояніе въ Тульской губерніи, родила дочь и вскорѣ померла. Вдовый ея мужъ лишился этого имѣнія отъ безпечности и неразсчета въ домашнихъ своихъ издержкахъ; бѣдная дочь его, княжна Марія Егоровна, тихое и интересное вполнѣ существо, къ счастію своему, весьма талантливая, поддерживала себя изданіями своихъ сочиненій для фортепіанъ. По смерти ея отца въ ней приняла живое участіе княгиня Вѣра Дмитріевна Голи-

---

[1]) Шалуновъ и распутниковъ временъ регентства.

[2]) А. А. Волковъ, умершій въ сумасшествіи, былъ женатъ на одной изъ дочерей Московской извѣстной хлѣбосолки Маріи Ивановны Корсаковой. Дочь его, Вѣра Александровна, вышла замужъ въ началѣ 30-хъ годовъ за Московскаго младшаго полицмейстера Никиту Петровича Брянчанинова. Изъ разсказовъ покойной тещи моей, подтвержденныхъ Записками А. Я. Булгакова въ „Русскомъ Архивѣ за 1886 годъ, И. В. Нарышкинъ, А. Я. Булгаковъ и А. А. Волковъ составляли въ молодости дружный, неразлучный тріумвиратъ.

цына (падшая позднѣе подъ ножемъ изверга Зыкова) и взяла къ себѣ въ домъ *).

Когда кончились оффиціальные наши визиты, мы пустились въ Московскій *бо-мондъ*, тогда многолюдный. Не помню, чтобы во всю зиму вплоть до весны мы просидѣли дома хоть одинъ вечеръ, развѣ что по болѣзни. Когда въ городѣ не было ни баловъ, ни вечеровъ, мы отправлялись во Французскій спектакль въ Маломъ театрѣ, въ оперу или балетъ въ Большомъ театрѣ, такъ какъ тогда абонированная на весь сезонъ ложа давала права входа въ оба театра.

Ѣзжали мы также иногда на вечеринки къ княгинѣ В. С. Голицыной, даваемые для второй ея дочери, княжны Ольги Павловны, начинавшей выѣзжать въ свѣтъ. Третья дочь, княжна Варвара, въ то время почти еще ребенокъ, была уже плѣнительною. Младшая, княжна Марія, была совершенно малолѣтнею. Княгиня Варвара Сергѣевна занимала тогда домъ Рябининыхъ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, и у нея я однажды встрѣтилъ Англичанина-туриста, ей рекомендованнаго; онъ только что прибылъ изъ Италіи и сообщилъ мнѣ кое-что новое о моихъ Флорентинскихъ семейныхъ. Глядя на его нанковые желтые панталоны, въ коихъ онъ явился на вечеръ въ Январѣ, я невольно подумалъ, что онъ не успѣлъ, вѣроятно, переодѣться съ послѣдняго Флорентинскаго бала.

У Пашковыхъ, продолжавшихъ патріархально жить въ своемъ домѣ на Чистыхъ Прудахъ, были часто довольно балы, коихъ мы не пропускали. Тамъ я снова повстрѣчался съ Егоромъ Ивановичемъ, уже въ отставкѣ, но и помину не было между нами о Павлоградскихъ событіяхъ. Дѣла эти казались какъ бы уже «не отъ міра сего»; да и дѣйствительно, полкъ есть особый самостоятельный міръ. Пока входишь въ его составъ, живется его автономіею; подчиняешься его условленному кодексу, раздѣляешь его страсти, его радости и скорби при служебныхъ невзгодахъ. Міръ этотъ огражденъ отъ всякаго внѣшняго вліянія и какъ бы безъ связей или рамификацій съ остальными частями вселенной. Но за то, когда выходишь изъ заколдованнаго его круга, этотъ прежній, столь любимый міръ, гдѣ прошло много, много счастливыхъ дней и было много живыхъ ощущеній, міръ этотъ исчезаетъ сразу изъ нашихъ глазъ, какъ бы призракъ и постепенно обращается какъ бы въ фикцію. Все забыто, все сглаживается въ неблагодарной

---

*) Княжна Баратаева вышла замужъ за нѣкоего Ладыжинскаго и вскорѣ послѣ первыхъ родовъ умерла.

нашей памяти при вступленіи въ другой отдѣльный и отдаленный отъ прежняго міръ, въ которомъ не всегда насъ ожидаетъ то беззаботное о будущемъ днѣ спокойствіе, тѣ радости, коими довольствовалась прежде наша коллегіально-полковая невзыскательная жизнь. Мы покончили навсегда съ тѣмъ прежнимъ міромъ и ничего не вынесли изъ него, что́ могло бы служить звеномъ между прожитымъ и предстоящимъ. Нечаянная встрѣча съ бывшимъ сослуживцемъ вызываетъ, конечно, минутное трепетаніе сердца (да и то, если встрѣча пришлась впопадъ); но это уже не то, что́ въ былое время, когда мы оба носили одинаковый мундиръ. А бываетъ такъ, что мы и отворачиваемся отъ прежняго сослуживца и говоримъ «фи», если онъ кажется чудакомъ нашему новому великосвѣтскому обществу. Еслибъ что-нибудь возможно было въ родѣ Фурріеристскаго фаланстеріума, то ближайшимъ ему образцомъ служилъ бы кавалерійскій армейскій (но отнюдь не гвардейскій) полкъ, въ мое время *). Графъ Л. Н. Толстой намекаетъ на тотъ особенный міръ въ своемъ романѣ «Война и миръ», указывая именно на Павлоградскій полкъ, въ которомъ пришлось мнѣ служить. Разница между полковыми и свѣтскими обыкновенными отношеніями такъ рѣзка, что я, напримѣръ, будучи фрачнымъ, готовъ отвернуться отъ фрачнаго же, носившаго незадолго передъ тѣмъ одинаковый со мною мундиръ, тогда какъ во время моего съ нимъ однополченства я вступился бы горою за него, будь онъ оскорбленъ и вызвалъ бы, пожалуй, на дуэль дерзкаго оскорбителя, если бы онъ былъ не изъ нашего полка. По причинѣ также одинаковаго мундира товарищъ изъ бѣдняковъ (каковыхъ немало въ армейскомъ полку), не равный мнѣ ни по рожденію, ни по воспитанію, былъ бы со мною *на ты*, и я съ радостію готовъ былъ бы помочь ему деньгами (когда даже самъ въ нихъ нуждался), зная впередъ, что наврядъ ли получу ихъ обратно. Но по силѣ кодекса того же полковаго міра, свѣтское положеніе каждаго никогда въ разсчетъ не входило. За то, какъ и дружественныя прежнія связи забываются фрачными, одинаково также забываются непріязнь и вражда при встрѣчѣ ихъ послѣ долговременной разлуки. Такъ и случилось со мною относительно Е. И. Пашкова.

Старикъ Иванъ Александровичъ Пашковъ умеръ еще въ 1828 г.; но вдова его Авдотья Семеновна жила въ одномъ домѣ съ нераздѣлившимися сыновьями и съ ихъ семействами, исключая Андрея Ивановича, поселившагося въ Петербургѣ. Мнѣ особенно радостно было повстрѣ-

*) Помнится, разсказывали мнѣ гвардейскіе офицеры, что великій князь Михаилъ Павловичъ рѣзко выражался насчетъ этого дружнаго армейскаго товарищества и что онъ его уничтожалъ въ гвардіи.

чаться опять съ добрѣйшею нашею Ольгою Алексѣевною; меня весьма тронуло, что она продолжала обращаться со мною съ прежнею фамильярностію, называя меня просто по фамиліи, безъ прибавленія графскаго титула.

Даровитая и очень тогда хорошенькая племянница Пашковыхъ, Додо (какъ звали ее въ домѣ) Сушкова, незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ за графа Андрея Ѳедоровича Растопчина, и молодые жили во вновь реставрированномъ семейномъ Растопчинскомъ домѣ на Лубянкѣ (нынѣ Шипова), скорбно историческомъ по дѣлу объ умерщвленіи въ 1812 году на дворѣ этого дома несчастнаго Верещагина.

Украшеніями Московскихъ баловъ были тогда красавицы: графиня Екатерина Александровна Зубова и сестра ея г-жа Евреинова, дочери князя Александра Петровича Оболенскаго; новозамужняя г-жа Киреева, рожденная Алябьева, Екатерина Александровна Соломирская (дочь Александра Яковлевича Булгакова), графиня Кутайсова (дочь Дмитрія Дмитріевича Шепелева), графиня Пушкина, рожденная Шернваль и незамужняя сестра ея Аврора, интересная уже своимъ романомъ внезапной смерти жениха Александра Алексѣевича Муханова, къ которому успѣла она сильно (какъ говорили) привязаться. Въ честь ея вышелъ тогда романсъ-мазурка, слова князя П. А. Вяземскаго и музыка графа М. Ю. Віельгорскаго:

Намъ сіяетъ Аврора,
Въ солнцѣ нужды намъ нѣтъ:
Для души и для взора
Есть и пламень и свѣтъ.
Небо спорило съ Фебомъ
Безъ златаго вѣнца;
Такъ любуйтесь вы небомъ
Молодаго лица.

* * *

Нѣтъ ни тучъ, ни ненастья,
Въ этомъ небѣ живомъ;
Заглядишься до счастья,
Позабывъ о другомъ.
Какъ прекрасно и пышно
Это небо цвѣтетъ!
Какъ предъ нимъ сердцу слышно,
Что въ немъ ангелъ живетъ!

* * *

Какъ румяно и ярко,
Улыбаясь, горитъ,
И сквозь звѣзды, какъ жарко
Прямо въ душу глядитъ!
Всѣ мечты и всѣ взоры
Къ небу этому льнутъ,
И улыбки Авроры
Упоенные ждутъ.

Счастіе отворачивалось отъ этой прекрасной женщины. По смерти перваго мужа П. Н. Демидова она, наконецъ, вышла по влеченію сердца за Карамзина, изрубленнаго въ куски въ Придунайской войнѣ 1854 г. Позднѣе, въ 1860 году, едва не лишилась она единственнаго сына, тяжело раненаго на дуэли еще студентомъ; и когда онъ женился, только что привязалась было къ своей снохѣ, какъ молодая эта женщина умерла въ прошломъ 1868 году.

Изъ дѣвицъ-красавицъ той эпохи были: княжна Абамелекъ (позднѣе Баратынская), Абаза, вышедшая за Алексѣя Ѳедоровича Львова, композитора и директора придворной пѣвческой капеллы, Высоцкая, замѣчательно пригожая (за кого вышла, не помню), нѣкая Арсеньева, наконецъ, двѣ сестры Скрипицыны, настоящія «boutons de rose», не окончательно еще выѣзжавшія въ свѣтъ, сироты послѣ матери, урожденной Алмазовой; онѣ бывали съ отцемъ на концертахъ и на маленькихъ вечеринкахъ. Особенно одна изъ нихъ имѣла въ себѣ что-то до того привлекательное въ дѣтскомъ еще своемъ выраженіи, при гибкой, стройной таліи, что не хотѣлось сводить съ нея глазъ. Если не къ числу настоящихъ красавицъ, но къ весьма интереснымъ и граціознымъ можно было причислить Надежду Сергѣевну Пашкову, жену Сергѣя Ивановича, урожденную княжну Долгорукову, и не дурна была Ольга Ѳедоровна Кошелева, урожденная Петрово-Соловово, свадьба коей съ богатымъ А. И. Кошелевымъ состоялась одновременно почти съ моей. Не знаю почему, иные считали какъ бы красавицею княгиню Ольгу Александровну Булгакову, вторую дочь А. Я. Булгакова; таковою она никогда не была въ моихъ глазахъ, чему особенно мѣшалъ ей кверху вздернутый, красный ея носикъ; но во всемъ прочемъ, какъ-то въ нѣгѣ движеній, стройности, любезности и игривомъ умѣ можно было отдавать ей первенствующее мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ. Назову еще Софію Николаевну Львову (ур. Наумову), мужъ которой состоялъ полковникомъ при особѣ Московскаго военнаго генералъ-губернатора и былъ до того дуренъ собою, что, по тогдашнимъ разсказамъ, когда она бывала на сносяхъ, то запрещено будто бы ей было

акушеркою смотрѣть на него изъ предосторожности выкидыша или произведенія на свѣтъ невзрачнаго ребенка.

Было нѣсколько большихъ баловъ и маскарадовъ у князя Дмитрія Владиміровича Голицына, которыхъ мы не пропускали. Адъютантами при немъ были: Петръ Петровичъ Новосильцовъ, князь Николай Александровичъ Щербатовъ и князь Друцкой, коему дано было прозвище пустаго возка съ фонарями, по причинѣ большихъ навыкатъ его глазъ. При немъ же состояли для особыхъ порученій ротмистръ князь Вяземскій и вышепомянутый полковникъ Львовъ, иронически прозванный *le beau Lvoff*, о которомъ ходилъ такой анекдотъ. П. П. Новосильцевъ, спрошенный однажды полицмейстеромъ Θедоромъ Ивановичемъ Миллеромъ о состояніи дороги изъ Петербурга, откуда онъ только что возвратился въ осеннее дождливое время, отозвался, что хуже быть не можетъ, и когда Миллеръ выразилъ свое удивленіе, потому что Львовъ, также недавно передъ тѣмъ возвратившій оттуда, не отзывался такъ плохо о дорогѣ, П. П. Новосильцовъ сдѣлалъ замѣчаніе: «Lvoff voit tout en beau, à commencer par sa propre personne.» (Львовъ видитъ все въ прекрасномъ видѣ, начиная съ собственной своей особы). Однажды, также на вечерѣ у князя Д. В. Голицына, Львовъ замѣтилъ князю: *Nous avons ici la crême de la société.* — Je ne le sais, сказалъ ему князь, mais jusqu'à présent je ne vois que le petit lait: каламбуръ непереводимый по русски [1]).

Правителемъ княжеской канцеляріи былъ Павелъ Θедоровичъ Степановъ, а директоромъ военнаго отдѣленія той канцеляріи генералъ-маіоръ Барышниковъ. Свиты Его Величества генералъ маіоръ Левъ Михайловичъ Цынскій поступилъ Московскимъ оберъ-полицмейстеромъ въ началѣ, кажется, 1834 года; ему сильно покровительствовалъ, какъ носился слухъ, графъ (еще тогда не князь) Алексѣй Θедоровичъ Орловъ, потому что Цынскій былъ нѣкогда хорошимъ ремонтёромъ въ конно-гвардейскомъ полку, когда имъ командовалъ графъ Орловъ. Полицмейстерами были полковники: Никита Петровичъ Брянчаниновъ, Θедоръ Ивановичъ Виллеръ, Верещагинъ [2]) и засѣдавшій въ Управѣ

---

[1]) На балахъ у князя Голицына я раза два видѣлъ И. И. Дмитріева, величавая и стройная фигура коего, не согбенная годами, не могла не броситься въ глаза каждому, такъ какъ онъ превышалъ ростомъ почти всѣхъ прочихъ въ залѣ; но имя его напоминало мнѣ однѣ лишь его басни знакомыя по урокамъ ранняго моего дѣтства, а о служебной его какъ министра юстиціи карьерѣ и о прочихъ литературныхъ его заслугахъ я ничего не зналъ. Вотъ до какой степени простиралось мое невѣдѣніе современной нашей исторіи.

[2]) Вдовецъ Верещагинъ былъ весьма хорошій и смирный даже человѣкъ; тѣмъ не менѣе, его постигло въ началѣ 40-ыхъ годовъ несчастіе. Проѣзжая гдѣ-то по проселоч-

Благочинія полковникъ Мельгуновъ. Комендантомъ былъ достопочтенный ген.-маіоръ баронъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, замѣнившій ген.-маіора Веревкина и отличившійся дѣятельностію и гражданской неустрашимостію во время Московской холеры 1830 и 1831 года, когда, въ доказательство неприлипчивости этой эпидеміи, онъ, какъ говорятъ, ѣлъ изъ одной тарелки съ зараженными. Плацъ-маіоромъ былъ полковникъ Кузминъ, а плацъ-адъютантами Сергѣй Александровичъ Волконской (незаконный сынъ генерала А. А. Волкова, женатый уже тогда на Машковой, мать коей была урожденная Пестель); Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, уже женатый на Екатеринѣ Михайловнѣ Васильчиковой; Александръ Ивановичъ Малышевъ (красавецъ собою, женившійся позднѣе на богатой наслѣдницѣ, незаконнорожденной дочери Рязанскаго помѣщика Измайлова *), и нѣкій г. Карауловъ.

Директоромъ Московскихъ театровъ былъ Загоскинъ, замѣнившій престарѣлаго Кокошкина. Помощникомъ его былъ національный нашъ композиторъ Верстовскій, женатый уже на даровитой артисткѣ, фавориткѣ публики, Надеждѣ Рѣпиной, продолжавшей однакоже сценическое свое поприще подъ дѣвичьемъ именемъ до 1836 года. Она дѣйствительно была единственнымъ облагороженнымъ Русскимъ типомъ *jeune première* или *première amoureuse* той эпохи. Львова-Синецкая была отвратительна (по моему) своею аффектаціею.

Остановлюсь еще ненадолго надъ отрадной и свѣтлой личностью коменданта барона Карла Густавовича Сталя-фонъ-Гольштейна.

ной дорогѣ, онъ, выведенный изъ терпѣнія нахальнымъ прижимательствомъ или грубостію свойственными прежнимъ ямщикамъ, неосторожно ударилъ одного изъ нихъ въ високъ, не будучи вовсе изъ драчуновъ, отчего ямщикъ померъ, а Верещагинъ былъ преданъ суду; но за долговременную безпорочную его службу дѣло это, помнится мнѣ, кончилось однимъ арестомъ. Единственная его дочь была одна изъ хорошенькихъ дѣвицъ въ Московскомъ обществѣ 1844 года.

*) Екатерина Львовна Малышева (нынѣ въ живыхъ), хотя и получила въ приданое хорошее весьма состояніе, но огромнымъ состояніемъ Измайлова наслѣдовалъ дальній его родственникъ, графъ Николай Дмитріевичъ Толстой, братъ Екатерины Дмитріевны Голубцовой. Генералъ Измайловъ прославился въ Рязанской губерніи своимъ дикимъ самоуправствомъ, за что̀ былъ отданъ, по высочайшему повелѣнію, подъ опеку. Были у него еще дочь, Анна Львовна, и сынъ Дмитрій Львовичъ, оба также незаконнорожденные. Дочь эту онъ за что-то не возлюбилъ и пустилъ нищею, и она позднѣе была надзирательницею надъ Дивовскимъ скотнымъ дворомъ въ Зенинской фермѣ, гдѣ ее очень любили; она и теперь жива. Дмитрій Львовичъ, не получившій никакого воспитанія и не записанный нигдѣ на службѣ, числился мѣщаниномъ и по завѣщанію отца получилъ что̀-то въ родѣ 100 тысячъ р., моталъ, пустился позднѣе въ ненадежныя аферы, разорился и теперь, какъ слышно, живетъ въ избѣ у одного крестьянина въ Зарайскомъ уѣздѣ.

Когда я числился въ 40-ыхъ годахъ въ канцеляріи князя Д. В. Голицына, сидя однажды въ пріемной передъ кабинетомъ князя, въ числѣ прочихъ лицъ, ожидавшихъ его выхода, кто-то, разговаривая съ барономъ Сталемъ, замѣтилъ, что князь Голицынъ долго что-то занялся въ кабинетѣ съ оберъ-полицмейстеромъ Цынскимъ. «Да, сказалъ баронъ Сталь, Цынскій передаетъ князю, вѣроятно, всѣ городскія, какъ я ихъ зову, сплетни (cancans). Онъ тоже самое дѣлалъ со мною, когда въ отсутствіи князя я правилъ его должность. Начнетъ бывало съ того, что такой-то господинъ N. выигралъ вчера въ карты такой-то огромный кушъ денегъ; а я, бывало, ему въ отвѣтъ, что я весьма этому радъ, потому что счастливый господинъ N. хорошій человѣкъ и пріятель мнѣ.»

Покойный графъ Петръ Ивановичъ Апраксинъ, за обѣдомъ однажды въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ, разсказалъ мнѣ, что въ пріѣздъ свой въ Москву, посѣтивъ барона Сталя, онъ спросилъ его, не боленъ ли онъ, что сидитъ дома и безъ дѣла, и не воспользуется ли онъ прекрасной погодою прогуляться по Кремлевскому саду, въ двухъ шагахъ отъ него. «Не боленъ, а гулять нельзя», отвѣчалъ баронъ Сталь.—«Отъ чего же?» спросилъ графъ. «А потому, чтобы не встрѣчаться съ офицерами одѣтыми, какъ я уже знаю, не по формѣ, и коихъ пришлось бы мнѣ тогда сажать подъ арестъ», объяснилъ добродушный старикъ.

—«Отлично, сказалъ графъ, «то есть, чтобы не сажать другихъ подъ арестъ, ты самъ добровольно сидишь за нихъ подъ арестомъ? Похвальное самоотверженіе».

Не мѣшаетъ добавить, что хотя графъ Апраксинъ подсмѣивался надъ старымъ своимъ сослуживцемъ, но самъ былъ способенъ на такой же подвигъ или, по крайней мѣрѣ, вмѣсто того чтобы арестовать кого за отступленіе отъ военной формы, окончательно бы заговорилъ его, что̀ составляло его слабость.

Не знаю, за кого вышли замужъ три или четыре дочери барона Сталя, кромѣ одной, Шарлоты Карловны, вышедшей до Орловскаго помѣщика Александра Сергѣевича Цурикова; это было достойная вполнѣ дочь такого отца.

Гражданскимъ губернаторомъ былъ тогда вдовецъ А. Н. Небольсинъ, женившійся вторично въ 40-ыхъ годахъ. Съ нимъ жила тетка его Авдотья Селиверстовна, нѣчто въ родѣ авторитета въ тогдашнемъ Московскомъ обществѣ, давшемъ ей названіе «Galante de la larme à

Poeil», по болѣзненной ли влажности глазъ, или по ея чувствительности, не знаю.

Изъ Русскихъ оперъ давались только, кажется, двѣ, и обѣ Верстовскаго: неудачная и вскорѣ канувшая въ Лету «Тоска по родинѣ» и «Аскольдова Могила (съ 1835 на 1836 годъ), производившая неописываемый фуроръ, отчасти, конечно, заслуженный. На Россиніевскія или другія Итальянскія оперы не покушались. Изрѣдка давался «Волшебный Стрѣлокъ Вебера», довольно незавидно исполняемый и, кажется, болѣе ничего. О Вадимѣ, съ его двѣнадцатью спящими на воздухѣ дѣвицами, было уже забыто. Примадонною была нѣкая Петрова, голосомъ и игрою посредственная совершенно артистка, но благоразумная настолько, что умѣла избѣгать всякихъ руладъ и трудностей. Теноръ Булаховъ давно уже передъ тѣмъ померъ; говорятъ, что онъ былъ не безъ таланта какъ пѣвецъ и какъ композиторъ романсовъ. Преемникъ его Бантышевъ (до поступленія на сцену армейскій офицеръ изъ дворянъ и дилеттантъ) бралъ лишь своимъ чисто-груднымъ безъ фистулы и звучнымъ теноровымъ голосомъ, но пѣлъ безъ всякаго метода, монотонно, никогда почти не одушевлялся, а игрою былъ истуканъ. Единственнымъ его тріумфомъ, были, насколько помню, народныя аріи въ Аскольдовой могилѣ: «Близко города Славянска» и «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ», нарочно для него написанныя Верстовскимъ. Кстати замѣчу, что этой оперою такъ часто стали подчивать публику, что про нее говорили «оскомину набила». Лавровъ, басъ-баритонъ, по голосу и по изрядной изученности въ игрѣ, могъ быть названъ артистомъ; при музыкальномъ образованіи и слушаніи заграничныхъ знаменитыхъ пѣвцовъ, изъ него могъ бы выйти хорошій вполнѣ оперный артистъ; но какъ таковыхъ случаевъ ему не представлялось, то онъ заглохъ на Московской сценѣ, оставшись до конца карьеры своей (онъ умеръ не въ старыхъ еще годахъ), чѣмъ онъ былъ при дебютѣ. Разсказывали, что онъ эффектно весьма пѣвалъ и въ надлежащемъ восточномъ костюмѣ, въ 20-ыхъ годахъ, романсъ «Черная шаль» Пушкина съ музыкою графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго. Второй будто бы теноръ Щепинъ былъ, какъ я уже указывалъ, рѣшительно безголосый; но дебютировалъ около того времени молодой теноръ Стрѣльскій, изъ котораго я, какъ самъ пѣвецъ, ожидалъ, что выдетъ что нибудь порядочное; но и онъ никогда не усовершенствовался по тѣмъ же, можетъ быть, причинамъ, какъ и Лавровъ *). Второю прима-

*) Однажды, въ 1842 или 1843 году, пришлось мнѣ пѣть съ г. Стрѣльскимъ за оркестрированной обѣдней во Французской Римско-католической церкви на Лубянкѣ, по просьбѣ сочинителя ея Итальянца г. Лора, въ коей участвовали сестра сочинителя

донною была нѣкая Куликова, молодая воспитанница Театральнаго Училища, преграціозная, но съ ограниченнымъ весьма голосомъ, и она умно сдѣлала, что перешла на драму, настоящее свое призваніе, гдѣ и отличилась, и вышла за мужъ за комика Орлова, артиста, который хотя утрировалъ нерѣдко свои роли, дѣлалъ насмѣшливыя гримасы и былъ карикатуренъ, но не безъ таланта, отлично игрывалъ полковника Скалозуба въ «Горе отъ ума», гдѣ былъ въ своей, такъ сказать, тарелкѣ, потому что самъ былъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ, и поступилъ на сцену по влеченію. Эпоха эта была апогеемъ славы въ драмѣ и трагедіи П. С. Мочалова, этого соперника Петербургскаго Каратыгина; въ борьбѣ ихъ ни тотъ, ни другой не вышелъ окончательно ни побѣдителемъ, ни побѣжденнымъ. Въ Московскомъ трагикѣ иные (конечно преимущественно Москвичи) находили болѣе искры вдохновенія, болѣе натуральной страсти, чѣмъ у изученнаго и заранѣе обдуманнаго во всѣхъ своихъ интонаціяхъ, жестахъ и позахъ Петербургскаго трагика. Борьба же эта усложнялась и не благопріятствовала Московскому любимцу, потому что онъ имѣлъ дѣло съ своей низкою неуклюжею фигурою и не съ весьма сильнымъ органомъ, тогда какъ Петербургскій артистъ годился бы во фланговые Преображенскаго полка и въ протодіаконы [1]). Я передаю все это болѣе по наслышкѣ, чѣмъ по моимъ наблюденіямъ, такъ какъ я, къ сожалѣнію, рѣдко бывалъ въ Русскомъ театрѣ. Кромѣ того, Мочалову случалось являться на сцену еле-еле державшимся на ногахъ и не помнившимъ ни слова изъ своей роли; но публика прощала ему все это и на слѣдующій разъ встрѣчала его появленіе на сцену громкими рукоплесканіями. Свидѣтель разсказывалъ мнѣ, какъ однажды авторъ какой-то драмы (не изъ извѣстныхъ, имя коего я забылъ), добившись, наконецъ, разрѣшенія поставить на сцену свое произведеніе, приходилъ въ отчаяніе, когда на утренней генеральной репетиціи онъ не могъ оттащить Мочалова отъ театральнаго буфета, гдѣ трагикъ поглощалъ рюмку за рюмкой мадеры. «Павелъ Степановичъ», умолялъ несчастный авторъ, «пожалуста пойдемте; вы выпьете послѣ репетиціи».—«И теперь выпью и послѣ выпью», былъ отвѣтъ [2]). Мочаловъ пользовался уже нѣкото-

---

артистка г-жа Финкъ-Лоръ, и басъ Михайло Аполлоновичъ Волковъ. Въ этой обѣднѣ г. Стрѣльскій весьма удовлетворительно исполнилъ свою партицію.

[1]) Разсказывали, помнится мнѣ, что однажды на домогательство его быть уволеннымъ преждевременно изъ дирекціи императорскихъ театровъ, государь Николай Павловичъ будто-бы приказалъ сказать ему, что онъ не иначе можетъ быть уволеннымъ какъ съ переходомъ въ Преображенскій полкъ.

[2]) Это относится къ началу уже 40-ыхъ годовъ. Я слыхалъ также, что въ драмѣ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ относящейся къ репертуару 1825 или 1826 года, Мочаловъ производилъ громъ рукоплесканій, когда прикрикивалъ: чтобы не было пожара, иль погибнутъ всѣ Татары.

рою извѣстностію еще въ 1826 году. Въ описываемое мною время Щепкинъ былъ уже давно замѣчательнымъ артистомъ. Въ 1826 или 1827 году онъ вызывалъ апплодисменты въ передѣланномъ съ Французскаго водевилѣ «Секретарь и поваръ». (Своего Русскаго было весьма мало въ репертуарѣ, а почти одни переводы и передѣлки). Въ Фамусовѣ былъ онъ такъ хорошъ, что я теперь, какъ будто бы вижу его. Живокини уже тогда начиналъ нравиться публикѣ; но онъ, по моему мнѣнію, былъ чрезчуръ буфоненъ и подходилъ къ площадному. Дмитрій Ленскій тщательно исполнялъ амплуа любовниковъ и молодыхъ офицеровъ, хотя полукалмыцкія его черты лица плохо въ томъ ему содѣйствовали; сверхъ того, слишкомъ уже раболѣпно копировалъ онъ Французскихъ «jeune premier»; своего собственнаго, было, повидимому мало запасено. Я былъ знакомъ съ нимъ, и онъ удивлялъ меня прекрасными своими манерами и свободнымъ Французскимъ разговоромъ, и вообще былъ тихаго и скромнаго нрава и горячимъ обожателемъ таланта Французскаго комика Гервѐ, съ коимъ находился въ дружбѣ. Онъ, кажется, воспитанъ былъ въ какомъ-то барскомъ домѣ, откуда вѣроятно вынесъ то, что̀ по-французски зовется «comme il faut» и по-русски непереводимо. Славился до меня Сабуровъ въ роляхъ любовника; но онъ, надо полагать, умеръ въ цвѣтущихъ еще годахъ. Въ балетномъ мірѣ отличались Француженка Гиленъ-Соръ (Hilain-Sor) и Русская Воронина; но обѣ онѣ никуда бы теперь не годились для публики, избалованной Лебедевой, Гранцовою и Собещанскою. Изъ мужчинъ отличался Ришаръ; но замѣтить слѣдуетъ, что балеты того времени не производили вообще того фурора, какъ нынѣ.

Случилось мнѣ однажды присутствовать при одномъ представленіи весьма любопытномъ по своей археологической драматичности. Княгиня Екатерина Семеновна Гагарина, нѣкогда знаменитая Семенова 1-ая, давала нѣсколько отрывковъ изъ трагедій Озерова въ своемъ домѣ въ Старой Конюшенной, по пригласительнымъ билетамъ. Я съ женою попали на отрывокъ изъ Ифигеніи. Клитемнестру играла княгиня, Ифигенію одна изъ двухъ ея дочерей, коей было тогда не болѣе 13 или 14 лѣтъ *), а неумолимаго Агамемнона представлялъ дряхлый и беззубый Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Такъ какъ я не принадлежалъ эпохѣ театральнаго классицизма, когда восторгались Расиновскими подражаніями, божественная нѣкогда Семенова казалась мнѣ чрезвычайно аффектированною и въ декламаціи, и въ жестикуляціи; но интонація голоса и дикція

*) Одна изъ нихъ вышла замужъ за Зарайскаго помѣщика Николая Михайловича Лихарева, недавно умершаго, и говорятъ, что она владѣла удивительнымъ голосомъ; вторая княжна Гагарина вышла, кажется, за одного изъ братьевъ Ломоносовыхъ.

были, дѣйствительно, ясны и звучны, и были еще вспышки, подходившія къ вдохновенію. Но если на сценѣ казался смѣшнымъ беззубый, плѣшивый и сморчкообразный Греческій вождь съ его вдобавокъ пришепетываніемъ вмѣсто декламировки, то комизмъ удвоился для меня, когда я увидѣлъ по окончаніи спектакля, какъ два лакея въ ливреѣ вели подъ мышки съ лѣстницы въ карету драппированнаго въ красную мантію съ полуголыми ногами въ Греческихъ сандаліяхъ этого дряхлаго Агамемнона. Тутъ и тѣни не было трагедіи, а одно шутовство [1]).

Какъ этнографъ и бытописецъ, не могу не посвятить нѣсколькихъ словъ тогдашнимъ женскимъ модамъ. Вмѣсто непоявившихся еще тогда криполиновъ были *турнюры*, сирѣчь одно или два полотенца, которыя впихивались подъ платье, но только сзади, на той части тѣла, что̀ изъ вѣжливости мы назовемъ *сидѣніемъ*, и отъ чего оно оттопыривалось, какъ по рисункамъ оно бываетъ у Готентотокъ (въ натуральномъ, конечно, видѣ) или у Ордынскихъ барановъ съ курдюками. Эта процедура впихиванія полотенца и прикалываніе его, чтобы оно не спадало очень меня забавляли, когда жена моя одѣвалась на балъ. Таліи были очень длинныя (т. е. низкія), а платья короткія. Для головной уборки существовалъ еще съ 20-хъ годовъ Аполлоновъ узелъ (noeud d'Apollon). Это было дѣйствительно узелъ или широкій бантъ изъ поддѣльныхъ волосъ, вышиною не менѣе, конечно, четверти аршина; онъ втыкался вмѣстѣ (кажется) съ гребнемъ на самой срединѣ макушки головы; отъ висковъ же къ глазамъ закручивались и приклеивались къ лицу гумміарабикомъ тоненькіе крючечки изъ собственныхъ волосъ, называемые *акрошкёрами* (acroche-coeur). Не смотря на все это искаженіе, красота брала свое, и вовсе не къ лицу причесанная головка кружила множество головъ.

Мы однажды какъ-то попали на балъ къ князю Сергѣю Ивановичу Гагарину [2]), хотя не были съ нимъ знакомы, въ его собственномъ домѣ на Знаменкѣ, тамъ, гдѣ скончаласьвъ 1828 году графиня Елисавета Петровна Чернышова. Это было въ первый разъ послѣ сего печальнаго событія, что̀ я очутился въ этомъ домѣ; и какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ судьба всей моей жизни! Не могъ я равно-

---

[1]) Куда желалъ бы я видѣть, хоть разъ, для куріоза полную Озеровскую трагедію, хоть бы „Эдипа въ Аѳинахъ" съ извѣстнымъ наизусть нашимъ отцамъ монологомъ

„Постой, дочь нѣжная преступнаго отца!"

съ традиціонною декламаціею, жестами и позами временъ Дмитревскихъ и Яковлевыхъ. Да нѣтъ: невозможно было бы выдержать цѣлый вечеръ этого паѳоса.

[2]) Отецъ нынѣшняго іезуита.

душно видѣть себя въ этихъ стѣнахъ, убранныхъ нынѣ для празднества, и никто изъ участвовавшихъ въ немъ не могъ бы разгадать, что̀ происходило во мнѣ и чего я не могъ бы передать никому, даже молодой моей женѣ.

Упомянувъ о Знаменкѣ, отмѣчу, что въ 20-хъ годахъ Апраксинскій домъ, гдѣ была тогда Итальянская опера, купленъ казною, а въ 1834 или 1835 году обращенъ въ училище сиротъ послѣ умершихъ отъ первой холеры съ 1830 на 1831 годъ.

Бывали мы нѣсколько разъ на домашнихъ спектакляхъ у Вадковскихъ. Мать Ивана Ѳедоровича Вадковскаго была сестра графа Григорья Ивановича Чернышова, а самъ онъ женатъ былъ на Молчановой и чуть-ли не былъ декабристомъ, но уже прощеннымъ въ описываемое время. Тамъ игрались однѣ Французскія піесы, и Иванъ Ѳедоровичъ подражалъ, какъ говорятъ, весьма удачно извѣстному въ 1814 и 1815 г. Парижскому комику Потье, коего онъ имѣлъ часто случай видѣть, какъ гвардейскій офицеръ, во время занятія Парижа нашими войсками. Онъ особливо былъ хорошъ въ фарсѣ «Le ci-devant jeune homme». Вадковскіе нанимали обширный домъ графа Бобринскаго, выходившій угломъ противъ Страстнаго монастыря и на Малую Дмитровку. Сестра жены Вадковскаго была за Кашкаревымъ, однимъ изъ жертвъ исторіи стараго Семеновскаго полка, гдѣ онъ служилъ.

Вскорѣ послѣ моей женитьбы, неожиданно посѣтилъ меня Егоръ Александровичъ Дебриньи для полученія денегъ, занятыхъ мною у него подъ вексель во время вторичнаго моего пребыванія въ Кустовичахъ. Нападаютъ на меня, какъ я уже говорилъ, минуты трусости, особенно когда совѣсть нечиста, и потому появленіе этого почтеннаго человѣка бросило меня въ лихорадочную дрожь, и я боялся, что онъ потребуетъ отъ меня объясненій. Но ничего подобнаго не было; онъ поздравилъ даже меня съ новымъ въ жизни моей событіемъ и наговорилъ мнѣ много любезнаго на счетъ моей жены, которую онъ видѣлъ мелькомъ. Я расчелся и съ тѣхъ поръ болѣе никогда съ нимъ не встрѣчался.

Изъ молодежи, посѣщавшей шурина моего Алексѣя Ивановича на его половинѣ (упомянуто уже, что онъ продолжалъ жить въ одномъ съ нами домѣ) были Корпуса путей сообщенія поручикъ баронъ Дельвигъ, тотъ самый что̀ нынѣ одинъ изъ Петербургскихъ тузовъ въ Главномъ Обществѣ Русскихъ желѣзныхъ дорогъ *), Руфинъ Ивановичъ

*) Баронъ Дельвигъ былъ племянникъ князя Александра Андреевича Волконскаго (бывшаго опекуна жены моей и ея брата), и потому въ родствѣ и съ Николаемъ Алек-

Дороховъ, извѣстный своими дуэлями и разнаго рода приключеніями, два раза разжалованный въ рядовые, левъ тогдашней молодежи, но фанфаронъ и хвастунъ, почему шуринъ мой, раскусивъ чѣмъ онъ былъ, отшатнулся отъ него [1]). Хаживалъ также къ шурину моему Матвѣй Павловичъ Бибиковъ, блистательно незадолго передъ тѣмъ кончившій университетскій курсъ, даровитый, какъ отзывались о немъ тогда, поэтъ и рисовальщикъ, и преждевременно умершій. Его рисунки помѣщены были въ выходившемъ въ 1856 г. иллюстрированномъ изданіи по случаю празднествъ и торжествъ коронаціи нынѣшняго Государя. Онъ былъ Рязанскій помѣщикъ. Другой путей сообщенія офицеръ баронъ Фирксъ, знакомый съ шуриномъ моимъ, сдѣлался и у насъ частымъ посѣтителемъ. Онъ и есть тотъ самый (какъ передано было мнѣ) что̀ пріобрѣлъ въ послѣднее десятилѣтіе полуизвѣстность, какъ публицистъ и полонофилъ, подъ псевдонимомъ Шеддо-Феротти, что̀ весьма меня удивляетъ; ибо въ тогдашнемъ нашемъ кружкѣ онъ слылъ пустымъ болтуномъ, да и въ сущности былъ таковымъ [2]). Но болѣе чѣмъ съ кѣмъ другимъ шуринъ мой сблизился съ будущимъ своимъ, но тогда еще не помышляемымъ, шуриномъ Александромъ Сергѣевичемъ Цуриковымъ. Одною изъ отличительныхъ чертъ Цурикова была феноменальная память въ родѣ той, какая была у моего отца. Стоило ему разъ прочесть книгу, и онъ могъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, изложить всю ея сущность съ выводами автора; онъ могъ также, когда угодно и безъ справокъ, излагать главнѣйшія событія древней, средневѣковой и чуть-ли не новѣйшей Европейской исторіи съ обозначеніемъ годовъ, когда они совершились; передавалъ онъ не запинаясь вереницу всѣхъ именъ Европейскихъ династій, прежнихъ и

сандровичемъ Замятинымъ, нынѣ директоромъ земскаго отдѣла въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

[1]) Дороховъ этотъ изображенъ въ „Войнѣ и мирѣ“ графа Л. Н. Толстаго подъ именемъ Долохова, съ анахроническою, впрочемъ, перестановкою. Дороховъ былъ женатъ на Плещеевой, мать коей была одна изъ двухъ сестеръ графа Г. И. Чернышова (другая его сестра была Вадковская); отъ дурнаго обращенія мужа съ нею, она вынуждена была убѣжать изъ дома съ малолѣтнею своею дочерью (какъ помнится мнѣ) и получила мѣсто директрисы женскаго учебнаго заведенія въ дальней Сибири. Р. И. Дороховъ очень долго, чуть ли не до конца жизни, все молодился, и когда стукнуло ему уже сорокъ лѣтъ, полькировалъ какъ бы студентъ. Когда я съ женою жилъ заграницей (1836—1839), мнѣ разсказывали, что Дороховъ въ пылу бѣшеннаго гнѣва зарѣзалъ будто бы кинжаломъ въ комнатѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, за что поступилъ солдатомъ на Кавказъ. При всемъ томъ онъ былъ весьма пріятный въ обществѣ господинъ и съ хорошими манерами.

[2]) Непонятно, просто, какъ могъ баронъ Фирксъ плѣнить сердце столь умной и образованной особы, каковою была Е. А. С........ва; по неполученіи родительскаго согласія на свой бракъ съ нимъ, она, къ счастію своему, осталась дѣвицею. Бываютъ же у женщинъ странные вкусы!

настоящихъ, всѣ имена королей и прочихъ державныхъ лицъ отъ отдаленныхъ временъ; словомъ, познанія его по всѣмъ научнымъ отраслямъ казались обыкновенному профану, какъ я, универсальными, потому что дойти обыкновеннымъ учебнымъ порядкомъ до подобной степени есть дѣло долговременной жизни, тогда какъ Александру Сергѣевичу было всего тогда двадцать съ небольшимъ лѣтъ. Положимъ, что онъ иногда (не въ обиду будь это сказано) и пускалъ пыль въ глаза; но чтобы пускать удачно эту многостороннюю пыль, надо было на то имѣть громадный запасъ свѣдѣній въ головѣ. Владѣлъ онъ даромъ слова порусски и по французски, а на послѣднемъ нарѣчіи съ нѣкоторою аффектаціею корчилъ природнаго Француза; былъ юмористическій разсказчикъ и бонъ-мотистъ, какихъ я рѣдко встрѣчалъ. Онъ между прочимъ заклеймилъ, помнится мнѣ четырехъ, Москвичей братьевъ N......, словами, что когда всѣ четверо сходятся, они составляютъ le vinaigre des quatre voleurs [1]). Вмѣстѣ съ этою научностію онъ былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, и мало того, ревностнымъ къ Православію даже въ обрядовомъ отношеніи. Разсказывали мнѣ впослѣдствіи, что, поселившись у себя въ деревнѣ, гдѣ онъ безвыѣздно почти жилъ, онъ окончательно принялъ на себя должность чтеца въ своей церкви, въ с. Лебедкѣ, такъ что самому дьячку оставалось только пѣніе. Я уже говорилъ, что онъ женился въ началѣ 40-ыхъ годахъ на одной изъ дочерей Московскаго коменданта барона Сталя [2]).

На публичныхъ гуляньяхъ часто можно было встрѣчать ходившаго всегда пѣшкомъ и въ штатскомъ уже платьѣ бывшаго нашего бригаднаго, князя Ѳедора Ѳедоровича Гагарина; онъ у многихъ сохранялъ свое прозвище Ѳединьки, хотя ему было уже за 50 лѣтъ. Смотря на него сзади, можно было еще принять его за молодого человѣка по стройности его таліи.

Продолжая хлѣбосольныя традиціи умершей уже тогда Маріи Ивановны Корсаковой, жила въ описываемое время въ Москвѣ веселая и богатая барыня, нѣкая княгиня Друцкая-Соколинская-Гурко-Ромейко [3]),

---

[1]) Извѣстный тогда у парфюмеровъ косметическій для туалета уксусъ. Примѣненіе, впрочемъ, не А. С. Цуриковымъ придумано: вспоминаю, что въ Варшавѣ Паповскій тоже самое говорилъ про извѣстныхъ намъ лицъ.

[2]) Настоящій текстъ писанъ былъ въ 1868, когда еще былъ въ живыхъ этотъ достойнѣйшій человѣкъ, оставившій по себѣ большое семейство.

[3]) Это сочетаніе четырехъ фамилій въ одномъ лицѣ напоминаетъ мнѣ, что въ 50-ыхъ годахъ квартировалъ въ Калугѣ артиллерійскій генералъ Гагеманъ, жена коего, если вѣрить тогдашнимъ слухамъ, была рожденною княжною Кастріотъ-Скандербергъ-Грегойловичъ-Барбаросса. Кстати замѣчу ту особенность, что всѣ Друцкіе или помѣщики или уроженцы Смоленской губерніи, точно такъ какъ Кротковы Симбирской, князья Кра-

великая устроительница пикников и зимних катаній въ саняхъ-омнибусъ Левіаѳанскихъ размѣровъ; но мы какъ-то съ нею не были знакомы. Надо предполагать, что появленіе ея было эфемернымъ; ибо, когда я снова переѣхалъ на жительство въ Москву въ 1840 году, воспоминаніе о ней кануло въ забвеніе.

Выходя однажды съ женою съ бала изъ благороднаго собранія, пока мы ждали, чтобы подали нашу карету меня интерпеллировала незнакомая мнѣ дама. Это была бывшая графиня Филиппи, племянница графа Кастель-Альфіери, Сардинскаго министра при Тосканскомъ дворѣ въ 1823—1826 годахъ. Теперь она уже была замужемъ за графомъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Растопчинымъ, въ котораго влюбилась, когда онъ путешествовалъ по Италіи, и послѣдовала за нимъ въ Россію. Она пристально вглядывалась въ меня и казалась немного взволнованною, вспоминая, вѣроятно, что она видала меня еще юношею 14 или 15 лѣтъ во Флоренціи, гдѣ съ сестрою своею, графинею Казановою, приходила иногда къ намъ къ утреннему чаю. Не знаю почему, мнѣ было какъ бы неловко за нее, и я повелъ съ нею разговоръ о самыхъ банальныхъ современныхъ предметахъ.

Въ началѣ того года посѣтилъ Москву редакторъ Французскаго «Journal de Francfort, нѣкій г. Дюранъ и получилъ дозволеніе дать нѣсколько лекцій по подпискѣ въ одной изъ университетскихъ аудиторій о Французской тогдашней романтической литературѣ. Учившаяся университетская молодежь, сильно сочувствовавшая новой школѣ Виктора Гюго, недовѣрчиво (вѣроятно) смотрѣла на этого господина, какъ на редактора заграничной газеты, считавшейся органомъ (сирѣчь угодническимъ) Русскаго правительства, и предупрежденіе это не могло уменьшиться, конечно, отъ заносчиваго заявленія Француза, что цѣль его лекцій исправить ошибочный въ Россіи взглядъ на Французскую литтературу; начались лекціи, и не замедлилъ послѣдовать скандалъ. Студенты начали высовывать языки г. Дюрану, который, не стерпѣвъ подобнаго афронта, пріостановился и, обращаясь къ публикѣ, сказалъ, что предметъ занимавшій его требуетъ-де ораторскаго вдохновенія невозможнаго, когда онъ встрѣчаетъ въ слушателяхъ неодобрительныя гримасы». Чтó далѣе вышло изъ этого, и поплатились ли виновники скандала, не помню.

Въ Февралѣ или Мартѣ были частые довольно концерты у Соймоновыхъ, въ коихъ участвовалъ и я. Пѣвицами - примадоннами были:

поткины Рязанской, Вердеревскіе также Рязанской, а Араповы Тамбовской и Пензенской губерній. Въ Сапожковскомъ уѣздѣ есть цѣлая слобода князей Крапоткиныхъ, и княжны этой фамиліи сами доятъ коровъ и ходятъ по воду.

хозяйская дочь Екатерина Александровна (учившаяся пѣнію во Флоренціи у моего же учителя старика Маніелли) и Елисавета Алексѣевна Окулова (впослѣдствіи вышедшая за Дьякова); тенорами были Николай Ивановичъ Пашковъ (Московскій Рубини) и Михаилъ Дмитріевичъ Засѣцкій, а басомъ-баритономъ я. Дирижеромъ и акомпаніаторомъ былъ учитель пѣнія, маэстро Ерколани. Н. И. Пашковъ свободно бралъ высокія весьма ноты фистулой и, удачно довольно подражая иногда Рубини, часто имъ слышанному въ Италіи, съ легкостію дѣлалъ рулады; грудныя ноты были неясны и немного даже сиповаты (voix voilée); но за всѣмъ тѣмъ методъ и манера у него были, и онъ близко подходилъ къ Итальянскимъ оперным пѣвцамъ, второго только разряда. Онъ провелъ въ Италіи нѣсколько лѣтъ, между 1828 и 1834 годами *). У Елисаветы Алексѣевны Окуловой не было никогда настоящаго учителя: талантъ ея сформировался щедростію природы, инстинктомъ эстетическимъ и временными совѣтами (какъ было уже сказано), графини Риччи, а, можетъ быть, и княгини Зинаиды Александровны Волконской, бывшихъ въ Москвѣ между 1824 и 1827 годами. Е. А. Окулова пѣвала съ большимъ чувствомъ, съ огнемъ, какъ говорятъ Итальянцы (чего недоставало въ изящномъ, но немного холодноватомъ пѣніи Ек. Ал. Соймоновой) и доходила иногда до лирическаго драматизма; она, конечно, могла бы стать на ряду съ лучшими пѣвицами-дилеттантками, не только въ Россіи, но и повсюду. У славившейся тогда Бартеневой (взятой около того времени изъ Москвы ко двору) голосъ былъ пространнѣе, можетъ быть, серебристо-звучнѣе; но въ пѣніи ея не было увлекательности и выраженія страсти, чѣмъ вдохновлялись природный голосъ и методъ Е. А. Окуловой. М. Д. Засѣцкій былъ фанатикъ вокальной музыки, слѣдилъ въ Парижѣ за Итальянской оперою съ знаменитостями, Гризи, Рубини, Ивановымъ и Лаблашемъ, но теноровый его голосъ былъ не изъ сильныхъ и не изъ весьма звучныхъ. Хоръ въ этихъ Соймоновскихъ концертахъ составляли дѣвицы тогдашняго высшаго общества; изъ нихъ отличались красотою двѣ вышеупомянутыя сестры Скрипицыны, Александра Дмитріевна Давыдова (вышедшая замужъ позднѣе за Ѳеофила Матвѣевича Толстаго) и нѣкая Арсеньева, уже сговоренная, но съ кѣмъ, не помню. Княжна Софія Александровна Черкасская, только что начинавшая выѣзжать въ свѣтъ и въ близкихъ отношеніяхъ съ обѣими сестрами Соймоновыми, не была еще концертною

*) Когда я былъ послѣ него въ Италіи, Флорентинскій хорошій весьма дилеттантъ сообщилъ мнѣ, что Н. И. Пашковъ (котораго онъ, повидимому, тамъ знавалъ) пѣвалъ аріи, писанныя для Рубини, цѣлымъ тономъ ниже противъ оригинальной партиціи.

солисткою, но въ замѣнъ того съ успѣхомъ занималась живописью [1]). Участвовали также въ хорѣ княжны Марія и Анастасія Николаевны Щербатовы, отецъ коихъ, князь Николай Григорьевичъ (братъ генералъ-адъютанта князя Алексѣя Григорьевича, слывшій въ обществѣ подъ прозвищемъ «le brocanteur»), былъ въ молодости своей извѣстенъ убійствомъ на дуэли иностранца нѣкоего Шевалье-де-Сакса, игравшаго нѣкогда роль въ Петербургскомъ обществѣ [2]). Прозвище «brocanteur» онъ получилъ, вѣроятно, потому что занимался торговыми мѣняльными операціями. Онъ былъ женатъ на Полькѣ, незнатнаго, какъ слышно было, происхожденія. Изъ трехъ его дочерей старшая, княжна Марія, артистически игравшая на фортепіано, вышла въ 40-хъ годахъ за князя Алексѣя Черкасскаго [3]); вторая княжна Анастасія, хороша собою, но весьма малаго роста, вышла за безногаго Ермолова, по смерти коего за какого-то Француза, поселилась окончательно въ Парижѣ и перешла тамъ въ католичество; третья, весьма недурна собою, вышла также въ 40-хъ годахъ за нѣкоего Джоржа Норда, служившаго первоначально въ лейбъ-гусарахъ, сына Англійскаго короля Георгія IV отъ связи, во время еще регентства, съ одною Русскою дамою.

Говоря о Соймоновыхъ, не досказалъ я, что Сусанна Александровна (вышедшая за Николая Дмитріевича Мертваго) дошла до рѣдкаго совершенства въ портретной живописи масляными красками [4]).

Весною, по случаю пріѣзда двора въ Москву, устроился большой концертъ изъ нашей аматёрской труппы въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома, Я, какъ рисовальщикъ и каллиграфъ, взялся написать програмную афишку печатными буквами, но принялся за эту работу слишкомъ поздно и явился въ концертный залъ съ своимъ изящнымъ произведеніемъ, не только когда исполнители и все общество были давно въ сборѣ, но прибыла уже на мѣсто императорская чета съ Госуда-

---

[1]) Отецъ ея, князь Александръ Александровичъ Черкасскій (умершій въ 1841 году) былъ въ тѣсной дружбѣ съ давнихъ лѣтъ съ Александромъ Николаевичемъ Соймоновымъ и самъ когда-то былъ настолько виртуозомъ на скрипкѣ, что могъ разыгрывать сонаты Джіотто, считавшіяся изъ самыхъ затруднительныхъ въ началѣ сего столѣтія.

[2]) Поводъ къ дуэли былъ, какъ разсказывали мнѣ, самый ничтожный. Они встрѣтились оба верхомъ, на гуляньѣ; князь Щербатовъ закричалъ этому господину: Comment vous portez-vous? А тотъ будто-бы отвѣчалъ ему: Sur mes deux pieds, за что князь обидѣлся и вызвалъ его на дуэль, каковая состоялась за границею, много позднѣе. Впрочемъ я гдѣ-то читалъ совершенно другой разсказъ объ этомъ происшествіи.

[3]) Кажется, Алексѣя Борисовича, брата тому, жена коего, княгиня Викторина, славилась въ 40-хъ годахъ красотою.

[4]) Лишившись состоянія отъ неудачныхъ мужниныхъ комерческихъ предпріятій и овдовѣвъ, С. А. Мертваго нынѣ директрисою Казанскаго института благородныхъ дѣвицъ.

ремъ Наслѣдникомъ, и меня, однако, ожидали, чтобы начать концертъ. Уже какой за то нагоняй я получилъ отъ хозяйки дома, добрѣйшей княгини Татьяны Васильевны! Послѣ концерта, Императоръ и Императрица соблаговолили сказать нѣсколько привѣтливыхъ словъ главнымъ исполнителямъ, Е. А. Соймоновой и Н. И. Пашкову; я былъ обойденъ. Думается мнѣ, что столь обидное для меня исключеніе было мотивировано царскимъ воспоминаніемъ о приписанной мнѣ роли въ исторіи битія стеколъ въ Петербургѣ.

На этомъ концертѣ Московская публика впервыя, кажется, услыхала окончательный финалъ втораго дѣйствія Нормы; она исполнена была нами весьма, помнится мнѣ, удовлетворительно. Кромѣ этого финала исполнены были Е. А. Соймоновою арія изъ Пирата (Беллини), а Н. И. Пашковымъ каватина изъ Анны Болены «Da quel dè, che lei perdutta», что было его «cheval de bataille». Неясно помню, участвовала ли въ этомъ концертѣ Е. А. Окулова; если же участвовала, то, вѣроятно, въ дуэтѣ съ Е. А. Соймоновою изъ Монтекки и Капулетти «Se fuggiamo», ими уже превосходно исполненномъ на одномъ изъ прежнихъ концертовъ. Но много прежде (помнится мнѣ) этого концерта, а именно въ началѣ кончившагося зимняго сезона, устроена была сцена въ томъ же генералъ-губернаторскомъ домѣ и даны двѣ отрывочныя сцены въ костюмахъ и съ оркестромъ: первая, изъ Севильскаго Цирульника Бартеневою и графомъ В. А. Сологубомъ (басъ въ ролѣ Фигаро), а вторая, финальный дуэтъ изъ Отелло, тою же Бартеневою и Н. И. Пашковымъ, съ вымазаннымъ сажею лицомъ, какъ слѣдуетъ въ роли звѣрскаго Мавра.

Упомяну вскользь, что былъ тогда въ ходу романсъ «Талисманъ» слова Пушкина (но чья была музыка, не помню) который я пѣвалъ не безъ шика, варьируя произвольно каждый почти изъ его куплетовъ безконечными руладами и фіоритурами, на каковое безвкусіе я конечно теперь бы не отважился, будь я даже при прежнемъ своемъ голосѣ; но то была эпоха руладъ и голосовой гибкости (agilité).

Лѣтомъ, кажется, 1834 года пожаловали въ Россію нѣкоторые изъ Французскихъ легитимистовъ, извѣстныхъ болѣе или менѣе фамилій, чаявшихъ движенія воды и искавшихъ свѣтскаго положенія. Изъ таковыхъ были виконтъ де-Жюльвекуръ, полу-литераторъ, и г. Жуберъ. Послѣдній ничѣмъ, кажется, не отличался, кромѣ своею рыжею бородою (запретный тогда для насъ Русскихъ плодъ), повертѣлся, повертѣлся, да возвратился во свояси. Не такъ поступилъ его товарищъ виконтъ: онъ вскорѣ женился на вдовѣ Кожиной (Лидіи Николаевнѣ), ро-

жденной Всеволожской и поселился въ Москвѣ [1]). Изъ такихъ же выходцевъ были въ Петербургѣ г. Дантесъ и маркизъ Пина̀, изъ коихъ первый былъ принятъ въ гвардію и пріобрѣлъ роковую знаменитость убійствомъ Пушкина, а второй, бывшій пажомъ Карла X, поступилъ офицеромъ въ какой-то армейскій пѣхотный полкъ. Я часто его встрѣчалъ въ 1835 году въ ресторанѣ Коппа, куда онъ однажды, пригласивъ позавтракать (какъ разсказывали мнѣ) аббата Французской церкви Шибо́, самъ исчезъ, и приглашенному пришлось заплатить за свое угощеніе. Этотъ аббатъ былъ молодчина, кровь съ молокомъ, съ военными почти ухватками; впослѣдствіи онъ былъ во Флоренціи при мнѣ и бывалъ у насъ въ домѣ. Помню, что онъ высказывался о притѣсненіяхъ, коимъ подвергнуто будто бы Латинское духовенство въ Россіи; но пѣсня эта вѣдь не новая, и спасибо правительству, что господамъ этимъ пропагандировать нынѣ не даютъ, какъ въ бывалое блаженное для нихъ время. Онъ послѣ того получилъ, кажется, назначеніе на одинъ изъ принадлежащихъ Франціи Американскихъ острововъ, гдѣ заразился, какъ слышно было, желтою горячкою и умеръ.

Во время сказаннаго весенняго пріѣзда двора въ Москву, Государь, замѣтивъ на балѣ въ Благородномъ Собраніи двухъ молодыхъ людей въ застегнутыхъ доверху черныхъ фракахъ, выразился «qu'ils avaient des tournures distinguées» и на слѣдующій день назначилъ обоихъ въ свою канцелярію и чуть-ли не пожаловалъ ихъ въ камеръ-юнкеры. Эти молодые люди были Владиміръ Яковлевичъ Скарятинъ (нынѣ гофмаршалъ двора Наслѣдника Цесаревича) и Петръ Александровичъ Валуевъ, недавно бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ. Интимность извѣстная между этими двумя нынѣшними сановниками началась, можетъ быть, по сказанному случаю. Внезапное это повышеніе молодыхъ людей, числившихся дотолѣ въ одной изъ Московскихъ канцелярій, весьма всѣхъ удивило.

Вслѣдствіе стремленія къ національности, проявившагося въ Русскомъ обществѣ съ воцареніемъ Николая Павловича, молодежь лучшихъ фамилій охотно поступала въ университетъ, что́ было весьма рѣдко въ Александровское время. Въ Московскомъ обществѣ 1834—1835 годовъ бальными танцорами были студенты князь Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ, князь Константинъ Александровичъ Черкасскій (сынъ вышепомянутаго князя Александра Александровича [2]), двое

[1]) Графъ Жюльвекуръ, человѣкъ весьма пріятный въ обществѣ, умеръ между 1843 и 1846 годами, оставивъ одну дочь, умершую въ 1854 году семнадцати лѣтъ отъ роду.

[2]) Князь К. А. Черкасскій лишился впослѣдствіи всего своего состоянія по милости Московскихъ игроковъ и кончилъ загадочною весьма смертію въ 50-ыхъ годахъ.

братьевъ Тепловыхъ (сыновья Елены Гавриловны, урожденной Кругликовой, дочь коей вышла впослѣдствіи за прощеннаго Декабриста графа Захара Григорьевича Чернышова), и Генрихъ Лангъ, сынъ медика полу-Англичанина и полу-Француза, бывшаго домашнимъ человѣкомъ у Дивовыхъ.

На вечеринкахъ у Дивовыхъ я часто видалъ молодую графиню Любовь Петровну Апраксину, не выѣзжавшую еще въ свѣтъ, но поражавшую уже всѣхъ блескомъ необычайной своей красоты*). Братъ ея, графъ Николай (кажется) Петровичъ Апраксинъ былъ красивымъ также вновь произведеннымъ корнетомъ Кіевскаго гусарскаго полка (переименованнаго въ 1839 г. въ полкъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго). У Дивовыхъ же ежедневно почти бывали двѣ дочери вышепомянутаго г. Ланга. О прелестныхъ, какъ физически, такъ и по воспитанію и свѣтскимъ манерамъ, Еленѣ и Розаліи Иполитовнахъ умолчать было бы преступно: будь онѣ высшаго аристократическаго круга, мѣсто имъ было бы во главѣ легіона тогдашнихъ Московскихъ очаровательницъ. Старшая, Елена, вышла позднѣе за сына Московскаго извѣстнаго медика Гильдебранда, продолжавшаго профессію своего отца; а вторая, Розалія Иполитовна, первоначально за нѣкоего князя Петра Николаевича Максютова, человѣка безъ всякаго почти состоянія, по смерти коего поступила ко двору великаго князя Константина Николаевича надзирательницею при великокняжескихъ дѣтяхъ, познакомилась тамъ съ контръ-адмираломъ Посіетомъ и вышла за него замужъ. Утверждаютъ, что она и доселѣ сохранила необыкновенные слѣды прежней красоты.

Въ началѣ этого 1835 года вышла замужъ за г. Виговскаго старшая дочь Антона Антоновича Кавецкаго, Анна Антоновна, родившаяся въ Бѣлкинѣ, когда отецъ ея былъ Боровскимъ городничимъ. Въ описываемое мною время онъ былъ уже управляющимъ Московской Удѣльной Конторы и жилъ по своей давней привычкѣ не стѣсняясь; правда, что было у него многочисленное семейство, и онъ далъ дѣтямъ своимъ отличное образованіе, чтó немалаго стоило. Я говорилъ, кажется, что онъ былъ веселый юмористическій господинъ и острякъ; но не упомянулъ, что, при строгомъ исполненіи служебныхъ обязанностей, дѣло у него не обходилось безъ буффонства. Такъ однажды при мнѣ онъ на распѣвъ отдавалъ приказанія волостному головѣ. Этою же весною Со-

---

Одни говорили, что онъ умеръ отъ злокачественнаго прыща на подбородкѣ, а другіе, что хватилъ себя по горлу бритвою.

*) Весною послѣ сего она вышла замужъ за весьма еще тогда молодаго князя Сергѣя Павловича Голицына.

фія Филиповна Жеребцова, которую мы давно потеряли изъ виду, выдала свою дочь, Анну Дмитріевну, за Поляка г. Шеміота, служившаго тогда въ Петербургѣ съ хорошею поддержкою и связями въ Горномъ Департаментѣ. Обѣ эти молодыя женщины были названы Аннами въ честь моей матери. Весною, чуть-ли не въ Маѣ и вопреки общей почти боязни Майскихъ браковъ, была свадьба Николая Ѳедоровича Бахметева съ Варварою Александровною Лопухиной, въ домѣ Лопухиныхъ на Молчановкѣ. Хотя между ними было почти 20 лѣтъ разницы (Николаю Ѳедоровичу было уже тогда не менѣе 40 лѣтъ отъ роду), супружеское ихъ согласіе прекратилось лишь смертію Варвары Александровны въ 1851 году.

Въ Апрѣлѣ, кажется, того-же 1835 года умерла въ Москвѣ тещина сосѣдка по имѣнію княгиня Наталья Ивановна Хилкова, а спустя недѣль пять кончила чахоткою кратковременную свою жизнь милѣйшая дочь ея, княжна Елисавета Михайловна, съ которою жена моя была съ малолѣтства въ тѣсной дружбѣ. Говорятъ, что княжна искусственно развила въ себѣ чахотку чрезмѣрнымъ употребленіемъ уксуса или подобныхъ остротъ, чтобы не толстѣть и не быть слишкомъ румяною. Въ Хилковскомъ семействѣ не было ея портрета, и хотя я рисовывалъ преимущественно пейзажи, а не фигуры, но въ угодность брату покойной взялся снять портретъ акварелью съ лежавшей въ гробу. Не надѣясь однакоже много на свое искусство, чтобы придать жизнь моему произведенію, я пригласилъ въ помощь себѣ знакомаго Русскаго, хотя и не изящнаго, портретиста. Онъ принялся было за работу, но подъ предлогомъ чего-то недостававшаго ему улепетнулъ домой, устрашенный, какъ я послѣ узналъ, сближеніемъ съ трупомъ, вслѣдствіе чего пришлось мнѣ одному продолжать неудовлетворительную свою работу, ограничиваясь рабскимъ копированіемъ съ безжизненной натуры съ гробовыми ея атрибутами и обстановкою *). Сидя надъ умершей почти три дня, я былъ пораженъ отсутствіемъ всякаго запаха и симптомовъ разложенія до такой необычайной степени, что суставы пальцевъ сохраняли прежнюю гибкость; родилось у меня сомнѣніе о дѣйствительности смерти княжны, и въ день ея похоронъ я долгомъ счелъ обратить на это вниманіе собранныхъ ближайшихъ родственниковъ; въ томъ числѣ отнесся я къ г.-адъютанту князю Степану Александровичу Хилкову, вслѣдствіе чего призванъ былъ медикъ, который, освидѣтельствовавъ тѣло, рѣшилъ, что сохранившуюся дотолѣ теплоту въ одномъ мѣстѣ спины онъ приписывалъ (кажется) дѣйствію гангрены (антонову огню), да и эта самая часть, помнится мнѣ, почернѣла, и что гибкость

*) Рисунокъ этотъ акварелью хранится по сю пору у князя А. М. Хилкова.

въ составахъ встрѣчается у умершихъ чахоткою, и потому удостовѣрилъ, что признаковъ жизни болѣе не было. Мать и дочь преданы землѣ въ фамильномъ склепѣ подъ церковью Тарусскаго уѣзда, въ селѣ Ильинскомъ.

Тою-же весною умерла въ Москвѣ почти столѣтняя слѣпая бабка (grande-tante) жены моей, не бывшая замужемъ никогда, Настасія Сергѣевна Нарышкина, сестра Василія Сергѣевича, отца тестя моего Ивана Васильевича. Она дожила до того, что, если вѣрить разсказамъ, прислуга обирала и чуть-ли не колотила ее. Шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ наслѣдовалъ отъ нея незначительное Вологодское имѣніе.

Въ Іюнѣ жена моя съ матерью уѣхали въ Знаменское однѣ; я остался въ Москвѣ для сдачи Бибиковскаго дома и окончанія кой-какихъ дѣлъ, главнѣйшимъ изъ коихъ было добываніе денегъ, опять таки черезъ Леона, для поѣздки моей съ женою въ Тепловку, куда имѣла прибыть мать моя изъ Флоренціи. Начались снова хожденія и засиживанія въ ресторанахъ съ прежними моими знакомыми не бо-мондными, и разумѣется, дѣло не обходилось безъ попоекъ. Два слова о Ярѣ. Онъ открылъ незадолго передъ тѣмъ второй ресторанъ на дачѣ сенатора Башилова въ Петровскомъ паркѣ, и къ нашей *«bande joyeuse»* компаніи у него и у Копна примкнулъ нѣкто баронъ Шрекенфельдъ, ***жуиръ*** въ полномъ вмыслѣ слова, но личность немного загадочная. Онъ выдавалъ себя за Прусскаго двора камергера, но какъ это обстоятельство мало насъ интересовало, то никто не имѣлъ любопытства взглянуть на его дипломъ; не взирая однако на свое придворное званіе, баронъ нашъ состоялъ на Русской службѣ, въ штатѣ Московской полиціи, скромнымъ медикомъ при Тверской части: обстоятельство весьма странное по степени его образованія и знанію трехъ языковъ, и не иначе объясняемое какъ эксцентричествомъ или любовью къ искусству. Частной практики онъ, помнится мнѣ, не домогался, а въ паю съ молодежью готовъ былъ всегда поставить свою очередную бутылку Шампанскаго, доказывавшую, что онъ жилъ процентами своего капитала, а не грошевымъ окладомъ полицейскаго медика *). Онъ былъ одно время друженъ и почти неразлученъ съ нѣкіимъ красавцемъ Толбузинымъ, начавшимъ въ 1835 году проматывать первое изъ двухъ огромныхъ полученныхъ имъ наслѣдствъ, которыя скоро спустилъ одно за другимъ. Личнаго знакомства съ г. Толбузинымъ я не имѣлъ, хотя

*) Передано было мнѣ впослѣдствіи, что баронъ Шрекенфельдъ былъ незаконнорожденный сынъ какого-то г. Боборыкина, оставившаго, вѣроятно, ему денежный капиталъ; по нарѣчію и манерамъ, онъ былъ чистый Нѣмецъ.

изрѣдка встрѣчался съ нимъ. Впослѣдствіи онъ сидѣлъ въ острогѣ за долги въ Петербургѣ, и за противозаконныя буйныя дѣйствія, вторично въ Калугѣ, и сдѣлался нищимъ; но въ блестящее время его сопровождалъ за границу сказанный медикъ-камергеръ. Баронъ этотъ сбивался немного на pique-assiette (блюдолиза), но былъ общимъ у всѣхъ кутилъ фаворитомъ.

И такъ я оставался одинъ въ Москвѣ. Для устройства дѣлъ моихъ Леонъ уговорилъ меня дать ему довѣренность на управленіе моимъ имѣніемъ и разрѣшить кредитоваться на мое имя, въ случаѣ нужды, до опредѣленной суммы для его оборотовъ, имѣвшихъ цѣлью погашеніе всѣхъ моихъ долговъ, простиравшихся тогда не болѣе, какъ предполагаю, ста-двадцати или ста-тридцати тысячъ рублей асс. Въ этой первоначальной моей съ нимъ сдѣлкѣ я ограничилъ, помнится, сумму кредита на мое имя до 60 т. рублей асс., по уплатѣ коковыхъ разрѣшалось ему вновъ продолжать въ такомъ же размѣрѣ. Чрезъ Леона я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ однимъ изъ Московскихъ ростовщиковъ, коими тогдашняя бѣлокаменная изобиловала. Въ утѣшительной надеждѣ, что эта раса перешла нынѣ въ археологическую лѣтопись, опишу вкратцѣ, какова была ея дѣятельность. Не примѣняется къ ней, по несчастію, Латинская поговорка «de mortis nihil, nisi bene», потому что дѣйствія ея способствовали разоренію не одного современнаго мнѣ вѣтренника, хотя самъ я не поплатился въ значительныхъ размѣрахъ. Экземпляръ, о которомъ идетъ рѣчь, недавно весьма умеръ, 90 по крайней мѣрѣ лѣтъ, по соображенію моему. Графъ А. А. Закревскій въ началѣ своего управленія Москвою очистилъ было ее отъ этихъ господъ и тѣмъ немалую оказалъ услугу обществу. Жертвами эксплуатаціи этой расы были преимущественно батюшкины сынки, на подобіе друга моего Петруши Хрущова, бравшіе ремонты для своихъ полковъ или командировку для принятія вещей изъ Московской Комисаріатской Комиссіи и подъ этими предлогами проживавшіе по цѣлому почти году въ Москвѣ. Большею частію кутилы или игроки, они запутывались и для выручки изъ бѣды прибѣгали къ пособію готовыхъ всегда въ такихъ случаяхъ аферистовъ-ростовщиковъ. Этимъ легкимъ промысломъ, подъ сѣнью крючкотворнаго ускользновенія отъ буквы закона, занимались не одни Русскіе; помню между ними одного Француза и извѣстнаго старожила изъ Грековъ. Это вотъ какъ обыкновенно дѣлалось. Сводчикъ, подобный моему Леону, привозилъ господина, алчущаго во что бы ни стало денегъ, къ ростовщику и оставлялъ его кончить съ благодѣтелемъ по взаимному соглашенію. Скажемъ, напримѣръ, что занимающему нужно было 3000 р.; ему объявляютъ, что наличныхъ денегъ на всю эту сумму

не имѣется, а предлагаютъ ему 1 тысячу наличными, а на остальныя 2 тысячи вещей, заключающихся обыкновенно въ золотыхъ табакеркахъ, часахъ, женскихъ серьгахъ и браслетахъ, заложенныхъ и просроченныхъ (вѣроятно) у заимодавца. (Случилось мнѣ, при подобной незначительной, впрочемъ, операціи, въ Варшавѣ получить вино, оказавшееся негоднымъ, и дамскія бальныя перчатки). Принималась подобная дребедень по оцѣнкѣ, конечно, хозяина, и со всей первоначальной 3000 суммы вычитались заранѣе годичные проценты, не менѣе, помнится мнѣ, какъ по 12 на сто, а затѣмъ господинъ получалъ наличными 1640 рубл. только. Но дѣло тѣмъ не кончалось. Куда же занимающему дѣвать эти вещи? Не открывать же ему магазина галантерейныхъ товаровъ? Услужливый кредиторъ вызывался ему помочь, предлагая взять вещи обратно, можетъ быть, за полцѣны, но уже наличными деньгами. Итогъ операціи слѣдующій: дается заемное письмо «за указные проценты», срокомъ на одинъ годъ въ 3000 р.; получается наличными 1640 рублей, сверхъ чего, изъ предосторожности противъ неисправнаго въ срокъ платежа документа и для покрытія судебнаго за нимъ хожденія и издержекъ, занимающее лицо выдавало еще *дубликатъ*, то есть другое заемное письмо въ одной съ первымъ суммѣ и на тотъ же срокъ, а бывали иногда выдаваемы чуть-ли не трипликаты, сирѣчь, третье подобное заемное письмо. Къ чести этихъ ростовщиковъ будь сказано, что если должникъ платилъ въ срокъ 3000 р., то дубликаты и трипликаты возвращались ему къ уничтоженію вмѣстѣ съ настоящимъ; но много ли было такихъ исправныхъ заемщиковъ? Ростовщикъ зналъ, конечно, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и приходилось долгонько иногда ему ждать, пока должникъ вступитъ въ родовое наслѣдство; да и тогда, пожалуй, предстояло хожденіе по судамъ. Но за то, выигравъ дѣло, онъ получалъ по шести законныхъ процентовъ въ годъ, что̀ отъ трипликатовъ составляло по 18 процентовъ, да еще допущенные закономъ единовременные три процента въ видѣ неустойки, не отъ трехъ, а отъ девяти тысячъ, т. е. 270 р. Итого, если милѣйшій этотъ господинъ ждалъ, напримѣръ, 10 лѣтъ, то получалъ:

Капиталъ по тремъ заемнымъ письмамъ, каждое въ 3000 р.	9000 р.
По 6 процентовъ отъ всего капитала, въ теченіе 19 лѣтъ.	5400 »
Единовременные 3 процента	270 »
Итого . .	14670 р.

Должникъ получилъ всего, какъ уже сказано, 1640 р.; но если даже кредиторъ издерживалъ половину всей вырученной суммы на хожденіе и подмазки по судамъ, то и тогда получалъ вчетверо болѣе

противъ выданныхъ имъ денегъ; а браслеты, фермуары и проч. галантерейныя вещи возвращались во-свояси въ ожиданіи новаго кліента.

И вотъ какимъ приблизительно операціямъ подвергались Петръ и Николай Александровичи Хрущовы, нѣкто молодой князь Козловскій и конно-артиллеристъ Олонкинъ, люди всѣ знакомые мнѣ; правда, что нѣкоторыхъ изъ нихъ доконали карты, но не Петрушу Хрущова. Онъ и братъ его Николай отдѣлены были отцомъ при его еще жизни съ изрядными весьма имѣніями, сдѣлались несостоятельными, и отецъ по духовному завѣщанію далъ другому ихъ брату Александру, сверхъ приходившей ему части, значительное весьма имѣніе съ тѣмъ, чтобы доходы отъ него шли въ пользу Петра и Николая Александровичей. Первый изъ сихъ двухъ былъ умный и благороднѣйшій малый, и я не разъ уже говорилъ, что тѣсная, братская почти дружба насъ соединяла. Онъ давно уже умеръ *). Старшій изъ всѣхъ братьевъ, Николай Александровичъ, живетъ по сю пору въ Моршанскомъ уѣздѣ, у сестры своей Агаѳьи Александровны Козловой и, какъ слышно, остался такимъ же веселымъ и безпечнымъ, каковымъ былъ въ молодости.

Упомянутый ростовщикъ жилъ тогда въ большомъ своемъ домѣ въ глухомъ переулкѣ за Землянымъ валомъ; за домомъ тянулся пространный садъ вѣковыхъ липъ, а на дворѣ были отдѣльныя строенія для службъ, какъ въ деревенскихъ усадьбахъ.

Въ этомъ уединеніи амфитріонъ нашъ принималъ и угощалъ заемщиковъ по-своему; безъ обѣда не отпускалъ ихъ, и на тощій желудокъ подавалась стаканами одна мадера, съ запрещеніемъ прислугѣ подавать воды, такъ что добиться ея было невозможно, между тѣмъ какъ хозяинъ усердно потчивалъ своею мадерою. Съ какою цѣлью дѣлалось это, объяснить трудно; но помнится мнѣ, что обѣдъ предшествовалъ разговору о займѣ. Тутъ же присутствовала, въ видѣ хозяйки, толстая и уже немолодая Цыганка, сожительница, вѣроятно, амфитріона, чары коей никого не могли прельщать.

То было время обильной жатвы не однимъ ростовщикамъ, а также и наводнявшимъ Москву шулерамъ: и тѣ, и другіе поживились, кажется,

---

*) Петръ Александровичъ былъ любимецъ бабки своей г-жи Улыбышевой, матери Агаѳіи Ивановны Хрущовой. Потѣшенъ бывалъ, когда онъ пріѣзжалъ въ отпускъ или по командировкѣ въ Москву, торгъ между нимъ и бабкою о суммѣ, за которую онъ соглашался отговѣть (у г-жи Улыбышевой были значительные весьма капиталы), и сумма эта была, помнится мнѣ, не менѣе 1000 р.; но уже за то, по заключеніи условія, Петръ Александровичъ принимался за дѣло добросовѣстно: уединялся въ своемъ флигелѣ (черезъ улицу въ томъ же Хрущовскомъ переулкѣ отъ Пречистенки), не нарушалъ постной пищи и исполнялъ, какъ слѣдуетъ, установленныя для говѣнія правила.

порядкомъ отъ упомянутаго конно-артиллериста Ивана Петровича Олонкина, богатаго Смоленскаго помѣщика, да и не въ ихъ ли руки попалъ отчасти и упомянутый выше г. Толбузинъ? Съ Олонкинымъ, недальняго ума человѣкомъ, они мало церемонились, если вѣрить переданнымъ мнѣ слѣдующимъ разсказамъ. Однажды его взяли съ гауптвахты, гдѣ онъ сидѣлъ по какому-то дѣлу, и привезли въ притонъ шулеровъ, гдѣ, съ пистолетнымъ дуломъ будто бы къ груди, заставили подписать заемныя письма на большую сумму, и онъ настолько былъ простъ или трусоватъ, что опасался заявить въ законный срокъ (что было бы возможно) о таковомъ насиліи, чтобы не отвѣтствовать ему за самовольную отлучку съ гауптвахты. А въ другой разъ тайный агентъ этой компаніи, сблизившійся съ нимъ по-пріятельски, повелъ его къ Краснохолмскому мосту, гдѣ указалъ на нѣсколько барокъ, нагруженныхъ товаромъ, принадлежавшихъ будто бы простофилѣ-купчику, отъ котораго легко-де можно поживиться, замановъ его на карточную игру, для чего мнимый пріятель взялся привести купчика на вечеръ къ довѣрчивому Олонкину. Роль наивнаго купчика отлично выполнена была однимъ членомъ этой честной ассоціаціи; сначала онъ проигрывалъ, пошла попойка въ усиленныхъ размѣрахъ, въ коей хозяинъ дома не обносилъ себя; къ концу вечера купчику все болѣе и болѣе повезло, и когда всѣ гости разъѣхались, купчикъ уже имѣлъ при себѣ подписанные Олонкинымъ документы на нѣсколько тысячъ. Сбытъ подобныхъ документовъ былъ ассюрированъ: ростовщики, глядя по субъекту, давали по нимъ иногда по 50 коп. за рубль, а Олонкинъ имѣлъ тогда въ виду полученіе огромнаго наслѣдства отъ бабки, каковое впослѣдствіи и получилъ. Онъ умеръ много позднѣе отъ рукъ, какъ я слышалъ, своей прислуги, за дурное, вѣроятно, съ людьми обращеніе.

Говоря о преслѣдованіи въ концѣ 40-ыхъ годовъ графомъ А. А. Закревскимъ всѣхъ подобныхъ темныхъ Московскихъ личностей, съ ихъ подпольною, прикрытою законными формальностями, работою, вспоминаю, что пострадалъ между прочими купецъ Эйхель, хозяинъ богатаго магазина Англійскихъ шалей и заграничныхъ дорогихъ ковровъ на Лубянской площади. Но этотъ Еврей-негоціантъ былъ почти что новичекъ и агнецъ въ ростовщичьихъ аферахъ сравнительно съ артистами, по стезямъ коихъ онъ на бѣду свою вздумалъ пуститься.

Такъ какъ Леонъ Капенштейнъ имѣетъ вскорѣ выступить въ сихъ запискахъ на болѣе обширную сцену дѣйствій, то не мѣшаетъ здѣсь описать куріозную эту личность. Онъ былъ скорѣе мономанъ-аферистъ, чѣмъ обдуманный мошенникъ. Любилъ онъ дѣятельность этого рода ради ея процедуры, а не только какъ цѣль нажить похожее что нибудь

на состояніе; и это доказывается тѣмъ, что онъ никогда не нажилъ ни одного мѣднаго гроша, тогда какъ были случаи, когда онъ ворочалъ сотнями тысячъ, съ которыми могъ бы скрыться; а между тѣмъ, когда онъ сосланъ былъ впослѣдствіи, яко бы за бродяжничество, въ арестантскія роты, жена медика Петербургскаго ордонансъ-гауза, гдѣ онъ содержался подъ военнымъ судомъ, изъ жалости къ бѣдственному его положенію, тайкомъ зашила ему въ сапогъ 25 р. *). Ему все грезился миражъ милліона въ туманѣ, для достиженія коего онъ безразсчетно растрачивалъ страшныя, подъ конецъ своего поприща, деньги, не свои, а занимаемыя за неимовѣрные проценты; а такъ какъ этого рессурса не доставало, то онъ хватался за всякаго рода подряды по коммисаріатскому департаменту (гдѣ достигъ поддержки начальствующихъ лицъ), отъ коихъ денежные и болѣе его разсчетливые подрядчики отказывались. А какъ только утвердятъ за нимъ какой нибудь подрядъ или поставку, то онъ немедленно выхлопочетъ разрѣшеніе о выдачѣ ему задаточныхъ денегъ (на это онъ былъ великій мастеръ), чтобы пустить будто бы въ ходъ подрядъ, но вмѣсто того деньги эти попадали къ алчнымъ и стерегущимъ кредиторамъ по другимъ совершенно дѣламъ. Изъ этихъ же денегъ возьму, бывало, и я частицу въ компаніи окружавшаго его Жидовскаго кагала приказчиковъ и агентовъ; изъ нихъ же часть шла на угощеніе новыхъ знакомыхъ, у которыхъ предполагалось взять залоги (движимые и недвижимые) для предстоявшихъ подрядныхъ аферъ; а исполненіе взятаго подряда шло, конечно, въ убытокъ и кончалось иногда тѣмъ, что казна брала въ свои руки окончаніе подряда на счетъ залогодателей. Когда же, въ рѣдкихъ случаяхъ, удавалось ему взять какой нибудь выгодный подрядъ, то, за неимѣніемъ собственныхъ денегъ, чтобы вести его какъ слѣдовало, подрядъ брался (оффиціально) на имя какого нибудь денежнаго, дѣйствительно, лица, а онъ самъ

---

*) Обвиненіе Леона въ бродяжничествѣ основано было на слѣдующемъ. Когда онъ присталъ къ нашему Павлоградскому полку подъ Бухарестомъ въ началѣ Турецкой войны 1829 года, у него былъ видъ Австрійскаго подданнаго, и потому по окончаніи войны выдано было ему изъ полка свидѣтельство, съ коимъ онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ въ теченіи болѣе 10 лѣтъ ему давали на прожитіе виды, какъ Австрійскому подданному, изъ канцеляріи оберъ-полицмейстера; когда же онъ попалъ подъ судъ, какъ прикосновенный къ дѣлу о составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія (хотя по этому обвиненію и былъ оправданъ), пошли справки о немъ въ Австрію. Оказалось, что тамъ никакого подданнаго этой фамиліи и примѣтъ не было, и потому онъ былъ осужденъ за бродяжничество въ арестантскія роты, въ 1848 году, первоначально въ Нарву, потомъ въ Смоленскъ; тамъ по снисхожденію начальства онъ ходилъ почти что на волѣ, уговорилъ коменданта взойти въ подряды, которыми онъ дирижировалъ, и завести на хуторѣ какую-то химическую фабрику, коею Леонъ управлялъ. Продѣлки эти огласились, и комендантъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста съ отдачею подъ судъ, а Леонъ сосланъ на жительство въ Тобольскъ, гдѣ, какъ слышно, онъ по сю пору продолжаетъ входить въ кое-какія аферишки по перевозкѣ или поставкѣ вещей.

снисходилъ на степень повѣреннаго, и хозяинъ отстранялъ иногда Леона, бралъ въ руки дѣло и порядочно отъ него наживался. Надо было быть столь неразсудительнымъ и легкомысленнымъ, какъ я, чтобы ввѣриться такому человѣку. Онъ былъ причиною моего разоренія; но я не могу назвать его умышленнымъ мошенникомъ противъ меня. Хотя многія его дѣйствія были, сознаюсь, предосудительны противъ другихъ лицъ, вовлеченныхъ имъ въ погибель, я продолжаю вѣрить, что онъ чистосердечно надѣялся поправить мое дѣло. Пожалуй, что, увлекая постороннихъ въ запутанныя и рискованныя предпріятія (были лица, довѣрявшія ему послѣднее свое состояніе), онъ несознательно или непреднамѣренно ихъ губилъ, а все льстился, что дойдетъ, наконецъ, до такой спекуляціи, которая погаситъ всѣ его долги. Но какъ попасть на подобное выгодное дѣло? Да и если бы онъ и наткнулся на такое, онъ никогда бы не сумѣлъ свести концы съ концами, потому что всегда пренебрегалъ *мелочами* и тратилъ деньги зря. Коммерческимъ человѣкомъ онъ никогда не могъ быть. Находясь постоянно подъ обаяніемъ сотень тысячъ, которыя вотъ, вотъ, да схватитъ, онъ все болѣе и болѣе запутывался. Рядомъ съ этимъ, онъ былъ чрезмѣрно, можно сказать, сострадателенъ и сердоболенъ къ нуждающемуся, готовъ отдать послѣдній залежавшійся въ его бумажникѣ рубль, чтобы помочь ему и при всѣхъ своихъ огромныхъ оборотахъ всегда почти былъ самъ въ нуждѣ, веселаго и уживчиваго характера, охотникъ до анекдотовъ и остротъ и большой хохотунъ; словомъ, было въ немъ столько противорѣчій, что онъ ускользалъ отъ анализа и стоилъ психическаго и физіологическаго изученія. Жилъ онъ грязно, нуждался перѣдко, чѣмъ заплатить своему сапожнику, но до того былъ безпеченъ, что, ложась спать, не зналъ, сколько именно денегъ въ его бумажникѣ, который онъ оставлялъ на ночномъ столикѣ иногда полнымъ; и случалось, что Порзненскій мой мальчикъ, находившійся при немъ въ услуженіи, воровалъ изъ бумажника, сколько хотѣлъ, а Леонъ, вставъ утромъ, ни о чемъ не догадывался. Держась фальшивой аксіомы, что для пріобрѣтенія кредита нужно пускать пыль въ глаза, онъ, бывало, дастъ пиръ на весь міръ, и Шампанское польется рѣкою. Незнавшимъ его коротко онъ могъ казаться дѣятельнымъ и даже дѣльнымъ, потому только, что не спалъ болѣе 3 или 4 часовъ въ сутки, при чемъ велъ кочующую нѣкотораго рода жизнь, часто ночуя, гдѣ ни попало и не раздѣваясь; за то имѣлъ способность среди бѣлаго дня вдругъ засыпать и храпѣть на стулѣ въ гостяхъ, во время разговора, казавшагося оживленнымъ, или въ своей пролеткѣ, въ коей онъ бывало мчался, день и часть ночи, съ одного конца города на другой. У него была тройка чугунныхъ, можно сказать, вятокъ: единственно чѣмъ онъ дорожилъ. Изъ себя

былъ долговязый, неуклюжій, худощавый, съ густыми черными бакенбардами; прищуривалъ отъ близорукости небольшіе и безъ того глаза и былъ съ пороховыми подпалинами по всему лицу: слѣды, какъ онъ увѣрялъ, прежнихъ фейерверочныхъ занятій въ молодости. Въ описываемое время ему могло быть подъ сорокъ лѣтъ.

Смѣшно даже, какъ вспомнишь, какимъ образомъ утверждались за нимъ иныя подрядныя операціи. Однажды онъ поздравилъ меня съ очень будто-бы выгодною поставкою солдатскаго или госпитальнаго холста въ какую-то дальнюю коммиссаріатскую коммисію или больницу, и на мой естественный вопросъ, по чемъ онъ взялъ за аршинъ, отвѣчалъ, что не знаетъ самъ, но что на торгахъ подалъ запечатанный конвертъ съ заявленіемъ, что какая бы крайняя цѣна ни состоялась отъ бывшихъ на торгу лицъ, онъ заранѣе сбавляетъ по 1 или по 2 копѣйки съ аршина.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Любимою поговоркою Леона было: надо, чтобы колесо, хоть какъ бы нибудь, да вертѣлось; и вотъ подъ конецъ на колесо и на ось навертѣлось столько сору и грязи, что колесо остановилось, и вся скрипучая машина рухнула. Не послѣдовалъ онъ, правда, примѣру своего соотчича Еврея, получившаго незавидную знаменитость тѣмъ, что, забравъ по откупной операціи чуть ли не болѣе милліона рублей задаточныхъ денегъ, онъ удралъ за границу. Но аферная дѣятельность Леона погубила не одну жертву. Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ Кавецкій и съ нимъ уважаемые Московскіе торговые дома гг. Ценкера и Колли, Катуара, Мальша и иные менѣе крупные понесли отъ него значительныя потери. Къ тому же, окружавшіе его Евреи и иные православные, ни чуть не лучше Израильскаго племени, обирали его, и этихъ своихъ приказчиковъ, комиссіонеровъ и агентовъ онъ не имѣлъ привычки повѣрять. Стекались къ нему отовсюду, изъ Кіева, Одессы и другихъ мѣстъ, голодающіе сыны Израильскіе, и всѣмъ онъ доставлялъ занятія. Изъ числа таковыхъ былъ Рубинштейнъ, отецъ знаменитыхъ двухъ братьевъ-музыкантовъ, но о немъ, какъ исключеніи, ничего дурного нельзя сказать. Леонъ, кидаясь на всякое предпріятіе, завелъ было на Ордынкѣ карандашную фабрику на мое имя, переданную имъ впослѣдствіи этому Рубинштейну на правахъ хозяина, и этотъ трудолюбивый человѣкъ, исключительно занявшись своимъ дѣломъ, потихоньку сталъ жить и могъ дать музыкальное образованіе своимъ сыновьямъ *).

*) Первоначальные музыкальные уроки, малолѣтніе Рубинштейны получили отъ своей матери, послѣ чего старшимъ изъ нихъ Антономъ сталъ заниматься фортепіанный

Мѣшало также много Леону въ дѣлахъ то, что онъ былъ неграмотенъ не только по-русски, но чуть-ли и по еврейско-нѣмецки, т. е. на жаргонѣ, употребляемомъ, какъ извѣстно, въ разговорѣ и въ письмѣ Жидами нашихъ окраинъ. Онъ самоучкою читалъ по складамъ по-русски, а корреспонденцію свою велъ и сочинялъ приказы по управленію моимъ имѣніемъ, чертя карандашомъ на писчей бумагѣ каракули, которыя трудно весьма было разобрать переписчику. Отъ него нажились также многіе адвокаты и ходатаи по дѣламъ. Когда онъ не пріобрѣлъ еще самостоятельности, то есть между 1832 и 1835 годами, онъ жилъ безплатно у Долговыхъ, на Большой Ордынкѣ, насупротивъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, и старики хозяева очень любили его за услужливость и веселый всегда характеръ; да и подлинно, внѣ аферной сферы, онъ былъ «un bon enfant» вполнѣ. Павлоградскій мой сослуживецъ, Матвей Александровичъ Долговъ, былъ разсчетливый малый и ни въ какія аферныя дѣла съ нимъ не входилъ, но по старой полковой привычкѣ любилъ его.

Я сказалъ уже, кажется, о расположеніи къ нему иныхъ изъ высокопоставленныхъ чиновныхъ лицъ по комиссаріатскому департаменту. Это, къ несчастію, стоило ему недешево; за то и эти господа дѣйствовали очертя голову въ угодность ему; такъ, наприм., изъ трехъ домовъ, взятыхъ въ обезпеченіе (или залогъ) по одному его дѣлу одинъ былъ освобожденъ прежде окончанія подряда. За то и пострадала, чуть-ли не по его милости вся Московская комиссаріатская комиссія, предсѣдатель коей, заслуженный генералъ, умеръ, кажется, подъ судомъ. Тоже самое творилось имъ и въ Опекунскомъ Совѣтѣ по заложенному въ ономъ моему имѣнію. Деньгами и другими видами подкупа онъ до такой степени задобривалъ тамошнихъ чиновниковъ, что они допустили 7 или 8 лѣтній неплатежъ процентовъ, и чрезъ то имѣніе мое впослѣдствіе лопнуло, при чемъ слѣдуетъ признаться, что, по уничтоженіи мною въ 1840 г. довѣренности Леону, я самъ продолжалъ эту пагубную систему. Ко всему этому была у него удивлявшая всѣхъ способность въ умѣніи выманивать деньги на свои спекуляціи у скупыхъ даже, иногда, людей, хотя самъ онъ не только что не красно говорилъ, но и усвоить себѣ смыслъ его словъ было подъ часъ трудно....

Покончивъ съ Леономъ, приходится упомянуть объ управлявшемъ моимъ имѣніемъ, Ив. Ив. Грековѣ, при окончательномъ разсчетѣ коего, весною 1835 года, было то, что по сю пору лежитъ тяжелымъ кам-

---

учитель Виллуанъ, братъ хозяина большаго извѣстнаго въ Москвѣ мѣняльнаго и старинныхъ художественныхъ вещей магазина. Первое свое путешествіе за границу молодой Рубинштейнъ предпринялъ, кажется, въ 1846 г. съ Виллуаномъ.

немъ у меня на сердцѣ. Оброкъ, дѣйствительно, затягивался въ то время, частію, можетъ быть, отъ повальной горячки, причинившей, какъ я уже говорилъ, смертную убыль въ числѣ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, а частію, можетъ быть, отъ запутанности въ управленіи. Были дѣйствительно жалобы отъ нѣкоторыхъ крестьянъ на г. Грекова (но не за жестокое, однакоже, обращеніе съ ними); но на какого управляющаго не готовы были жаловаться крестьяне во время крѣпостнаго права? Говорили посторонніе, что онъ сталъ сильно запивать, связался съ крѣпостной дѣвкой своей жены и послѣднюю будто-бы выгналъ изъ дома на другую квартиру въ селѣ. Отчасти все это могло быть справедливо, но до дѣлъ моихъ съ нимъ не касалось, а одною изъ причинъ путаницы въ управленіи могли скорѣе быть безсмысленныя мои нововведенія въ предыдущихъ годахъ. Какъ бы то ни было, но люди весьма, конечно, благонамѣренные и близкіе семейству моей жены начали мнѣ твердить, что И. И. Грековъ обманываетъ меня, и настаивали, чтобы я вызвалъ его въ Москву вмѣстѣ съ выборными изъ крестьянъ, и подвергъ бы его строгому отчету съ того времени, какъ я вступилъ во владѣніе имѣніемъ; а какъ я самъ столько же былъ способенъ къ таковому разбору, къ стыду моему будь сказано, сколько могъ быть новорожденный младенецъ, то лица эти (именъ коихъ не желаю высказывать, потому что намѣренія ихъ были чисты) сами взялись учесть И. И. Грекова. Выведенъ былъ по ихъ повѣркѣ начетъ не весьма значительный, но какъ по силѣ моей ему довѣренности онъ могъ кредитоваться (т. е. занимать) у моихъ сосѣдей деньгами до наступленія оброчнаго времени, то я не принялъ на мой счетъ одного подобнаго займа, и по уничтоженіи моей довѣренности заемъ этотъ палъ на него. Мало того: рекомендованный (или, точнѣе сказать, навязанный) мнѣ чиновникъ, слывшій докою, отправленъ былъ мною въ Порзни для повѣрки на мѣстѣ всѣхъ дѣйствій И. И. Грекова, и онъ по возвращеніи оттуда уговорилъ меня опубликовать несчастнаго моего бывшаго управляющаго въ газетахъ, какъ самаго неблагонадежнаго повѣреннаго, и ошельмовать безвозвратно, можетъ быть, человѣка, въ виновности коего я самъ не былъ вполнѣ убѣжденъ! Писалъ онъ ко мнѣ, самъ пріѣзжалъ; но я не отвѣчалъ на его письма и его не допускалъ къ себѣ. Это лежитъ по сю пору упрекомъ на моей совѣсти, потому что, какъ я сей часъ сказалъ, я не былъ тогда убѣжденъ, а нынѣ весьма даже сомнѣваюсь въ неправотѣ бѣднаго этого отца семейства. И все это случилось отъ моей слабости характера, и недаромъ говаривала графиня Вѣра Григ. Чернышова одной изъ своихъ сестеръ, въ то время какъ я вздыхалъ по ней, что она боится этого отсутствія характера во мнѣ. Не будучи злымъ по природѣ, я

далъ однакоже себя уговорить на дурной поступокъ. Удивляюсь лишь, что бѣднякъ этотъ не вызывалъ меня къ отвѣтственности передъ судомъ. Да и то надо принять въ соображеніе, что я былъ человѣкъ со средствами и со связями, и по прекрасному тогдашнему судопроизводству, безгласному и неимущему трудно было тягаться съ аристократами или съ богачами. Въ дѣлѣ съ И. И. Грековымъ я сомнѣвался, виноватъ ли онъ или нѣтъ, слѣдовательно долженъ былъ держаться Латинской пословицы «in dubio abstines» (воздерживайся, если имѣешь сомнѣніе) и не задерживать его деньги, а еще менѣе подвергать его позору.

Сдѣлавши сію позднюю исповѣдь, мнѣ какъ будто бы легче на сердцѣ, и затѣмъ возвращаюсь къ нити прерваннаго разсказа, обѣщая избѣгать, елико возможно, подобныхъ длинныхъ отступленій.

Бѣдная мать моя, узнавъ о связи моей съ Леономъ, и что я все болѣе и болѣе запутывался въ своихъ дѣлахъ, рѣшилась, не смотря на свои года, предпринять томительное путешествіе въ Россію и подвергнуться суровости климата, отъ котораго давно отвыкла, чтобы помочь мнѣ своими оставшимися средствами и затѣмъ уговорить меня ѣхать съ женою и съ нею во Флоренцію. Она выѣхала въ коляскѣ, безъ горничной, сопровождаемая вѣрною до смерти компаньонкою Екатериною Ивановною Леруа и своимъ лакеемъ Джіованни Консиліо, находившимся при ней съ первыхъ годовъ семейнаго нашего переселенія во Флоренцію. Ея ждали въ Тепловку около середины лѣта, и къ тому времени я долженъ былъ прибыть туда съ женою. Къ несчастію, самоотверженіе неоцѣненной матери моей и большія принесенныя ею денежныя пожертвованія на поправку моихъ дѣлъ не принесли никакой пользы.

Мать моя уже нѣсколько времени какъ ждала меня въ Тепловкѣ*), но я долго не могъ отправиться туда. По сдачѣ Бибиковскаго дома, я переѣхалъ одинъ на маленькую временную квартиру въ переулкѣ, ведущемъ отъ Остоженки къ Москвѣ-рѣкѣ, возлѣ самой церкви св. пророка Ильи. (Жена моя поѣхала съ матерью въ Знаменское). Какъ я ни порывался въ Тепловку, но Леонъ задерживалъ меня по причинѣ безденежья, и не прежде какъ въ концѣ Іюля я, сопровождаемый однимъ Радзиковскимъ, могъ вырваться изъ Москвы въ Знаменское, чтобы оттуда ѣхать съ женою въ Тепловку.

---

*) Ни брата моего, ни его семейства не было тогда въ Тепловкѣ. Они провели лѣто около Праги, а зиму во Львовѣ, откуда братъ мой пріѣзжалъ на короткое время къ матери нашей въ Кіевъ, зимою съ 1835 на 1836 годъ.

Всю прислугу я распустилъ еще при сдачѣ Бибиковскаго дома, лошадей и обозъ съ вещами отправилъ въ Порзни, но въ Знаменскомъ взялъ въ услуженіе изъ дворовыхъ вольноотпущенныхъ княгини Натальи Ивановны Хилковой (тогда умершей) нѣкоего Александра Романова Ташкина [1]), а жену его Авдотью, искусную портниху въ горничныя къ женѣ. Теща проводила насъ до Орла, откуда поѣхала къ сыну своему въ его имѣніе с. Егорьевскъ, Орловскаго же уѣзда. Первое разставаніе съ дочерью сильно ее разстроило; но я, признаюсь, радовался этимъ починомъ моей самостоятельности.

Легко или, точнѣе сказать, нелегко представить себѣ радость бѣдной моей матери, когда она заключила меня въ свои объятія послѣ девятилѣтней разлуки и всего ею пережитаго во время двухъ кампаній, въ коихъ я подвергался столь многимъ опасностямъ. Прошло уже тому болѣе 30 лѣтъ, но я какъ будто бы теперь вижу ея волненіе и дрожь, ея глаза съ ручьями слезъ, когда я выпрыгнулъ изъ кареты къ ней на шею; и какъ послѣ сего она вглядывалась пристально въ мое лицо, чтобы подмѣтить, послѣдовала ли въ немъ перемѣна. Я самъ дрожалъ и плакалъ. Повторяю, я горячо любилъ свою мать, хотя омрачалъ всю почти ея долговременную жизнь сознательно, а впослѣдствіи противъ своей воли, отъ разстройства моихъ дѣлъ. Послѣ матери на шею бросилась мнѣ Катинька (какъ мы съ дѣтства ее звали) Леруа, съ нею-же связаны были раннія мои дѣтскія воспоминанія; за нею пришла очередь вѣрнаго слуги Джіованни Консиліо. Кстати скажу, что привязчивость къ своимъ господамъ, а отъ нихъ ко всѣмъ прочимъ членамъ ихъ семейства, составляетъ отличительную черту всѣхъ вообще Итальянскихъ, но въ особенности Флорентинскихъ слугъ [2]).

Матери моей было тогда 59 лѣтъ; но умственными способностями, впечатлительностію, характеромъ и игривостію воображенія она была тою же самою замѣчательною женщиною, «une femme hors ligne» какою за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ. Подобнаго таланта въ эпистолярномъ слогѣ (style épistolaire), какимъ владѣла она, я едва ли когда

---

[1]) Нынѣ Московскій 2-й гильдіи купецъ съ медалью на шеѣ и большимъ капиталомъ. Онъ нажилъ состояніе антрепренёрствомъ свадебныхъ и торжественныхъ столовъ, и особенно повезло ему въ 1856 г. во время коронаціи нынѣшняго государя. Дочерей онъ выдалъ за дворянъ.

[2]) Этотъ Консиліо, типъ старыхъ семейныхъ слугъ бывалыхъ временъ, живъ по сю пору, на пенсіи по духовному завѣщанію матери моей. Онъ до того былъ еще бодръ во время послѣдней моей поѣздки въ Италію, зимою съ 1862 на 1863 годъ, что въ мѣсячное мое пребываніе въ Ниццѣ онъ былъ у меня камердинеромъ. Понятно, что я обращался съ нимъ болѣе какъ съ старымъ компаніономъ, чѣмъ съ слугою, и сажалъ его рядомъ съ собою.

нибудь встрѣчалъ. Она съ молодости любила и упражнялась по этой части, усвоивъ себѣ образцовый стиль писемъ г-жи де Севиньи, которыя знавала почти что наизусть, и безъ утомленія могла въ одинъ присѣстъ написать до 10 страницъ мелкаго почерка и при прочтеніи писаннаго рѣдко кое-что поправляла. Обширную свою кореспонденцію она вела по-французски, ежедневно послѣ утренняго чая, но какъ большинство Русскихъ дамъ того поколѣнія, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ писала по-русски.

Послѣ первыхъ радостныхъ минутъ встрѣчи или на слѣдующій день, кто-то изъ находившихся въ Тепловкѣ отнесся очень лестно о красотѣ молодой моей жены, и я долженъ сознаться, что самолюбіе мое было немало затронуто, когда мать моя въ отвѣтъ на это замѣчаніе сказала холоднымъ отчасти тономъ «дѣйствительно, она недурна», (или, «*oui, elle est jolie*»), но какъ будто-бы, какъ казалось мнѣ, съ пренебреженіемъ. Не понялъ я въ то время, захотѣла ли она этимъ высказать, что не придаетъ особой значительности женской красотѣ, или, дѣйствительно, жена моя не оправдывала въ глазахъ матери моей молву о своей красотѣ, или, наконецъ, мать моя боялась, чтобы жена моя не составила себѣ слишкаго высокаго понятія о своемъ природномъ преимуществѣ; но слова ея глубоко и почти оскорбительно врѣзались въ мою душу. Одною изъ погрѣшностей моихъ была жажда произвести на публику эффектъ во всемъ, что́ прямо или косвенно до меня касалось, какая бы то публика ни была; и такое же чувство овладѣвало мною; когда, позднѣе, я служилъ судебнымъ слѣдователемъ, предъ толпою ожидавшихъ меня крестьянъ или въ канцеляріяхъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Безотчетность моихъ дѣйствій и самостоятельность личности моей немало льстили меня и были главными, можетъ быть, пружинами того, что я предавался съ увлеченіемъ (con amore) утомительной часто этого рода дѣятельности. Любилъ я слѣдственную часть какъ художество, потому-то она замѣнила мнѣ предыдущую страсть къ акварельной живописи ландшафтовъ, которая, въ свою очередь, заняла мѣсто опернаго и концертнаго пѣнія, коими я передъ тѣмъ бредилъ, и въ новомъ моемъ увлеченіи я терялъ совершенно изъ виду настоящую цѣль слѣдственно-судебной части, состоящую въ служеніи обществу. Не хочу однакоже этимъ сказать, что я дѣлалъ какія либо упущенія или сознательно причинялъ вредъ обществу, коему я служилъ; не думаю, по крайней мѣрѣ, чтобы таковымъ могъ былъ исходъ моей театральной, такъ сказать, тенденціи въ дѣлѣ службы, потому что это самое чувство самолюбія подстрекало мою дѣятельность, которую можетъ засвидѣтельствовать весь Тарускій уѣздъ.

Я болѣе чѣмъ кто нибудь понимаю, что аплодисменты могутъ вскружить голову артисту: будь я въ этой сферѣ, я могъ бы, кажется, довольствоваться одними почестями электризованной мною публики и забыть матерьяльную сторону искусства, то-есть, денежныя гонораріи за артистическій трудъ; а родись я женщиною, я былъ бы большою кокеткою.

Еще одна исповѣдь, и возвращаюсь къ разсказу. Въ службѣ, нѣсколько предшествовавшей моей дѣятельности въ званіи судебнаго слѣдователя, при трехъ губернаторахъ (одномъ Рязанскомъ, двоихъ Калужскихъ), расположеніемъ и довѣріемъ коихъ я пользовался, я чувствовалъ себя какъ бы на ходуляхъ при трепетѣ, производимомъ мною на чиновный людъ средней руки, когда я, по порученію начальства, а иногда по собственному своему усмотрѣнію (или вслѣдствіе извѣщенія посторонняго лица) запускалъ носъ въ дѣла администраціи, и по моему указанію случалось, что ненадежныя служащія личности бывали удалены отъ своихъ мѣстъ.

Тепловскій господскій домъ былъ каменный трехъ-этажный, квадратный и неоштукатуренный, безъ ненавистныхъ мнѣ колоннъ: зданіе довольно грандіозное и строгой безъ орнаментовъ архитектуры, нѣчто въ родѣ заграничныхъ зáмковъ, внутри несовершенно доконченный. Онъ буквально утопáлъ въ зелени окружавшаго его со всѣхъ сторонъ довольно пространнаго парка и въ цѣломъ напоминалъ Англійскія вельможныя усадьбы *). Ближнія къ дому насажденія были изъ массивныхъ уже полу-южныхъ Грецкихъ орѣховыхъ и шелковичныхъ деревьевъ (послѣднія безъ всякой на зиму покрышки). За домомъ, въ одномъ концѣ парка, былъ обширный прудъ, почти что маленькое озеро, съ островкомъ въ серединѣ, гдѣ водилась стая лебедей, которые, по наступленіи ночи, подымали дружное гармоническое гоготанье. Если сама усадьба поражала чѣмъ-то великолѣпнымъ, за то по выходѣ изъ ея предѣловъ разстилалась передъ глазами одна голая, плоская и необозримая степь, безъ всякихъ признаковъ растительности, кромѣ желтыхъ нивъ и залежныхъ полей. Покойный братъ мой особенно любилъ зрѣлище безконечной степи, находя, что она тоже что безпредѣльный океанъ; но я никогда не раздѣлялъ его вкуса и ненавижу (прости меня, великій Гоголь) эту наводящую скуку, однообразную плоскость. Величественнаго наравнѣ съ моремъ я въ ней ничего не вижу, тогда какъ на палубѣ парохода окружающая васъ стихія порождаетъ въ

*) Сужу по гравюрамъ и описаніямъ; самъ же я никогда не бывалъ въ Англіи.

душѣ что-то таинственно-страшное, неощущенное дотолѣ и восхитительное, и задаешь себѣ вопросъ: кѣмъ и когда сотворена эта могучая стихія? Степь же на меня наводитъ грусть и тоску по чему-то непонятному для меня самого.

Комнаты наши были въ третьемъ этажѣ; къ нимъ надо было проходить чрезъ одинъ небольшой залъ втораго этажа, изъ открытаго окна коего луна, въ 11 часовъ ночи, оживляла освѣщеніемъ, почти что «a giorno,» нахмуренную съ обнаженною полною грудью императрицу Анну Іоанновну, висѣвшую на противуположной къ окну стѣнѣ. Эта императрица наводила такой страхъ на мою милую женушку, что она ни за что не рѣшалась проходить одна подъ взглядомъ покровительницы Бирона.

Имѣніе это, состоявшее, кажется, изъ 2000 душъ, принадлежало первоначально Тепловымъ, отъ нихъ перешло къ графу Завадовскому, который задолжалъ большую сумму старику Осипу Игнатьевичу Понятовскому, вслѣдствіе чего завязалась многолѣтняя тяжба, по ходатайству моего брата въ Петербургѣ кончившаяся въ пользу его тестя, коему присуждено было это имѣніе. Но какъ цѣнность его превышала приданое невѣстки моей, графини Авроры Осиповны, то отецъ ея при передачѣ ей Тепловки обязалъ ее выплачивать ежегодно опредѣленную сумму старшей сестрѣ Матильдѣ Осиповнѣ Шимановской [1]), сверхъ того выдать извѣстную сумму на употребленіе, какое будетъ назначено въ духовномъ завѣщаніи ея отца. Въ семействѣ говорили, однакоже, что намѣреніемъ О. И. Понятовскаго было вовсе не взыскивать съ дочери этой уплаты. Братъ мой принялся было ревностно за это имѣніе, но вскорѣ по стеченію обстоятельствъ онъ съ семействомъ переселился въ чужіе края, а имѣніе перешло по купчей крѣпости къ Августу Осиповичу Понятовскому, который продалъ его въ 1844 году князю Долгорукову, женатому на Вишневской [2]). Въ непродолжительное владѣніе моимъ братомъ Тепловкою, онъ засѣялъ нѣсколько десятинъ желудями, и нынѣшній помѣщикъ пользуется по его милости тридцатилѣтними дубовыми рощами.

Меня съ женою предупредили пріѣздомъ туда Н. А. Диновъ съ женою, также и тетка моя Прасковья Артемьевна Тимофеева со всѣми

---

[1]) Мужъ г-жи Шимановской, участвовавшій въ Польскомъ возстаніи 1831 года, эмигрировалъ съ семействомъ въ Швейцарію. Сынъ его Освальдъ и племянникъ мой графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ суть единственные нынѣ наслѣдники всѣхъ пяти дядей своихъ Понятовскихъ.

[2]) Этотъ князь Долгоруковъ имѣлъ въ 40 годахъ роскошную дачу въ подмосковномъ Петровскомъ паркѣ, а жена его была тогда извѣстна подъ прозвищемъ „la princesse homme d'affaires.“ Другихъ о нихъ примѣтъ не могу дать.

дѣтьми, кромѣ Евгенія Александровича, находившагося въ Артиллерійскомъ училищѣ. Былъ также уже тамъ Иванъ Антоновичъ Кавецкій, много распрашивавшій меня о кончинѣ брата своего Антона Антоновича (управлявшаго Московскою удѣльной конторою), которая послѣдовала передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы [1]).

Зинаида Сергѣевна Дивова и моя жена, какъ молодыя модницы, носили по утрамъ высокіе конусообразные чепцы, теперь бы показавшіеся уродливыми колпаками, но тогда, подъ санкціею моды, именовавшіеся «bonnets à la cauchaise.» Съ Дивовыми пріѣхала проживавшая тогда у нихъ перезрѣлая дѣвица Надежда Михаиловна Юрьева, считавшаяся какъ-то въ дальнемъ съ нами родствѣ и возившаяся съ собачкою на рукахъ, барыня неглупая [2]).

Старшій изъ братьевъ Понятовскихъ, Евгеній Осиповичъ, находился также въ Тепловкѣ, куда онъ переѣхалъ изъ сосѣдняго своего имѣнія, верстъ за 50 на берегу Днѣпра, чтобы принять мою мать. Усадьба его была вся въ живописныхъ холмахъ и долинахъ, въ которыхъ онъ завелъ виноградныя и табачныя плантаціи, но ни тотъ, ни другой продуктъ не вызрѣвали: виноградъ былъ, по опредѣленію матери моей, ничто иное, какъ «du vinaigre en pillulles,» а выдѣланныя изъ его посѣвовъ Гаванскихъ сортовъ сигары, коими онъ меня потчивалъ, сбивались на капустные высушенные листы. Но онъ особенно любилъ садоводство, и была у него прекрасная теплица для экзотическихъ и тропическихъ растеній съ высокими экземплярами, и Англійскій садъ, въ родѣ небольшаго парка былъ разбитъ и посаженъ имъ съ отмѣннымъ вкусомъ. Имѣніе это звалось Пшенишники, и потому Тепловское временное общество прозвало владѣтеля онаго «Monsieur de Fromenville» [3]).

---

[1]) Изъ четырехъ дочерей А. А. Кавецкаго одна замужемъ за г. Виговскимъ, а другая за Рязанскимъ помѣщикомъ Венедиктомъ Павловичемъ Воскобойниковымъ, и разъѣхалась съ мужемъ, непонятно почему, чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы; она была очень хороша собою. Двѣ другія дочери Кавецкаго не вышли замужъ. Было у него также двое сыновей. Одна изъ сестеръ матери ихъ Надежды Андреевны, урожденной Гольцъ, была замужемъ, какъ прежде упомянуто, за Петромъ Ивановичемъ Жиллѐ; другая за Одесскимъ негоціянтомъ и овцеводомъ Французомъ Мари, пожилымъ уже человѣкомъ, оставившимъ женѣ значительное весьма состояніе. По смерти мужа она переселилась куда-то въ Южную Францію. Двѣ другія сестры Гольцъ остались старыми дѣвицами.

[2]) Мать ея была урожденная графиня Головкина. Она поселилась впослѣдствіи въ незначительномъ своемъ имѣніи Костромской губерніи и прекратила дальнѣйшія сношенія съ Дивовыми.

[3]) Въ Пшенишниковскомъ своемъ домѣ онъ устроилъ кабинетъ съ окномъ, во весь размѣръ коего вставлены были вмѣсто стеколъ полупрозрачныя *литофаніи* съ пейзажами и сюжетами извѣстныхъ Европейскихъ различныхъ галлерей, тогда какъ обыкновенно изъ этихъ литофаній дѣлались одни только транспаранты для свѣчей.

Изъ Тепловскаго брака знаменитаго нѣкогда при графѣ Завадовскомъ коннаго завода купилъ я за ничтожную цѣну четырехъ кобылъ, чтобы случать ихъ съ Англійскими, выписанными правительствомъ кровными жеребцами, на что я имѣлъ право, какъ записавшійся въ члены Московскаго скаковаго общества [1]). Изъ приплода отъ нихъ я имѣлъ впослѣдствіи двухъ хорошихъ упряжныхъ коней и верховую кобылу «Барщину,» подъ конецъ ослѣпшую, но по дружескому ко мнѣ расположенію покойнаго генералъ-маіора Аркадія Африкановича Болдырева (Рязанскаго коннозаводчика и обязательнѣйшаго изъ людей) кобыла эта взята была имъ на свой заводъ и на его иждивеніе для случекъ въ мою пользу, и послѣдніе отъ нея приплоды онъ же купилъ у меня за 350 или 400 рублей, сверхъ чего нашелъ мнѣ незадолго передъ тѣмъ покупателя на 5 лѣтнюю отъ этой кобылы дочь, за 500, кажется, рублей [2]). Всего же, изъ четырехъ старыхъ первоначальныхъ кобылъ, считая двухъ, служившихъ мнѣ, коренниковъ и верховой кобылы «Паризины», на которой я парадировалъ въ Москвѣ три года (и которая однажды разбила мнѣ голову въ кровь, но за то, усталости не знала), я выручилъ до 1500 рублей.

Недѣли черезъ двѣ всѣ семейные гости разъѣхались. Я съ моей матерью вскорѣ послѣ отправился также, первоначально въ Кіевъ, а оттуда въ Таганчу, къ старику Понятовскому. Въ Кіевѣ мы пробыли съ недѣлю и обѣдали разъ у тамошняго генералъ-губернатора тяжелослогаго графа Александра Дмитріевича Гурьева, уже знакомаго мнѣ по Одессѣ. Не помню, находилась-ли тогда въ городѣ эксцентричная его супруга графиня Авдотья Петровна (дочь графа Петра Александровича Толстаго), но слѣдующую зиму она провела съ мужемъ въ Кіевѣ. Въ числѣ немалыхъ разглашаемыхъ о ней странностей было то, что она

---

[1]) Какъ ярый англоманъ, я въ 1834 и 1835 г. усердно слѣдилъ за Московскими скачками. Чаще всѣхъ брали призы лошади завода г. Мосолова, отчасти искусствомъ его жокея Англичанина Дей, затѣмъ лошади какого-то кн. Гагарина (изъ нихъ отличилась въ 1834 г. кобыла „Матильда“) и лошади г. Панова. Являлись также на гиподромъ лошади г. Петровскаго, но не имѣли, помнится мнѣ, успѣха. Секретаремъ скаковаго общества былъ г. Мясновъ.

[2]) Заводъ А. А. Болдырева былъ Михайловскаго уѣзда въ с. Лѣсищѣ. Имѣніе это нынѣ принадлежитъ графу Дмитрію Андреевичу Толстому. Болдыревъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на графинѣ Еленѣ Павловнѣ Паленъ, мать коей была рожденная графиня Орлова-Денисова, по отцу родная сестра графини Юльи Павловны Самойловой. По смерти Аркадія Африкановича (въ 1858, кажется, году) она вышла за одного изъ сыновей Екатерины Дмитріевны Голубцовой. Отъ втораго брака, графа Павла Петровича Палена былъ сынъ, женатый на баронессѣ Соловьевой, и еще двѣ дочери; изъ нихъ одна была за княземъ Дадьяномъ Мингрельскимъ, а другая за княземъ Грузинскимъ. Всѣхъ ихъ, также и молодаго графа Палена и его жены, уже нѣть въ живыхъ, кромѣ поселившейся въ Кіевѣ Елены Павловны Голубцовой.

не спала будто бы въ своей спальнѣ и даже на кровати, и что каждый вечеръ, когда всѣ расходились на ночь, клали для нея матрасы и подушки на обѣденномъ столѣ въ столовой. Была она оригинальнаго и игриваго ума и не стѣснялась высказывать во всеуслышаніе что̀ приходило ей въ голову. Въ то время былъ одинъ изъ постоянныхъ ея партнёровъ въ карты, Кіевскій вице-губернаторъ нѣкій г. П. . . нъ, котораго она безуспѣшно тщилась произвести въ гражданскіе губернаторы, и разсказывала матери моей, что, въ видѣ утѣшенія этого господина за таковую неудачу, она предоставляла ему сводить всѣ счеты по окончаніи вечерней ея игры. Однажды она лихо огорошила нѣкую посѣтительницу изъ некоротко ей знакомыхъ дамъ, которая, воображая сказать любезность, замѣтила, что молодыя графини ея дочери удивительно какъ похожи на ихъ отца. «Вы ничего не могли мнѣ сказать болѣе непріятнаго,» замѣтила она на это. А на замѣчаніе одного изъ служившихъ при графѣ лицъ (это былъ, кажется, полковникъ Звѣгинцевъ), провожавшаго ее при отъѣздѣ ея изъ Кіева, «что, графъ скучать-де будетъ безъ нея,» она ему спѣла: «Да, мой милый, это такъ; вмѣстѣ тѣсно, а порознь тошно». Братъ мой, гдѣ-то за границею, пошелъ къ ней съ визитомъ, и при докладѣ о немъ она до того обрадовалась этой неожиданности, что приказала немедленно впустить его въ ея уборную, и тамъ безцеремонно приняла его въ корсетѣ и въ одной юбкѣ. Передано было мнѣ много позднѣе, что, проѣзжая однажды чрезъ Москву съ дочерью своей княгинею Куракиною, сочла она себя въ правѣ, по фамиліи зятя своего, остановиться въ странопріимномъ домѣ князей Куракиныхъ что̀ у Красныхъ воротъ.

Сентябрь 1835. Н. Н. Муравьевъ жилъ тогда съ женою въ Кіевѣ, гдѣ находился штабъ командуемаго имъ корпуса. Для матери моей эта встрѣча съ дочерью интимнаго бывшаго ея друга (графини Елисаветы Петровны Чернышевой) была радостнымъ событіемъ; да и сама Наталья Григорьевна и всѣ ея примѣрныя сестры, глубоко почитавшія память матери своей, перенесли свои дочернія нѣжныя чувства на свою тетку. Н. Н. Муравьевъ воспользовался правомъ новыхъ родственныхъ его съ нами связей, чтобы попытаться путемъ религіозной полемики, при помощи Кіевскаго викарнаго архіерея Владиміра (о коемъ будетъ впослѣдствіи рѣчь) привлечь мать мою обратно на нашу сторону, отъ каковой полемики она, какъ многоначитанная, не отказывалась. Много позднѣе, въ Москвѣ, Н. Н. Муравьевъ увѣрялъ меня, что мать моя будто бы уже начинала поддаваться, что еще бы немного, и онъ успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи; но кажется мнѣ, что онъ льстилъ только себя несбыточною надеждою. Латиняне стоятъ на своемъ, что Константино-

польская каѳедра была нѣкогда подчинена Римской, и потому отступниками мы, а не они. Уладься только этотъ чисто-историческій вопросъ, о догматахъ и обрядахъ они бы не спорили. Я же готовъ имъ твердить, что, допуская даже эту историческую невѣрность, для восточной церкви было бы долгомъ отторгнуться съ нарушеніемъ даже подчиненности отъ Западной, когда послѣдняя начала вводить догматическія нововведенія, не слыханныя дотолѣ; и наврядъ ли кто нибудь изъ Римскихъ первосвященниковъ расширилъ раздѣлявшую обѣ церкви пропасть, какъ нынѣшній папа Пій IX, двумя новыми своими догматами о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы и о личной непогрѣшимости Римскихъ первосвященниковъ въ качествѣ вселенскихъ учителей церкви [1]). Кстати поговоримъ здѣсь о Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, мнѣнія о коемъ расходятся даже въ военныхъ кружкахъ. Ведя обширную переписку по своимъ собственнымъ внѣ службы дѣламъ и съ своими друзьями, онъ имѣлъ привычку, по полученіи какого-либо письма, немедленно отмѣчать на немъ нумеръ и число дня полученія, и по порядку этой нумераціи отвѣчалъ на каждое, не перебивая очереди. Случилось однажды, въ бытность его главнокомандующимъ на Кавказѣ, что онъ получилъ письмо отъ какой-то фрейлины двора, написанное ею по порученію императрицы Александры Ѳеодоровны, но по какому дѣлу, не знаю. Прошло довольно уже времени, когда Наталья Григорьевна, случайно спросивъ его, отвѣчалъ-ли онъ на это письмо, узнала, что онъ еще не отвѣчалъ, «потому-де, что очередь не дошла до него» [2]). Вотъ каковъ былъ царедворецъ! Не дурна была также и слышанная мною царедворческая его выходка во время Красносельскихъ маневровъ, когда государь Николай Павловичъ, желая, какъ тогда разсказывали, испытать стратегическое искуство Н. Н. Муравьева, раздѣлилъ войска на двѣ половины, изъ которыхъ поручилъ одну Николаю Николаевичу, а самъ сталъ въ главѣ другой, и маневры кончились тѣмъ, что первый изъ нихъ окружилъ государеву армію и чуть ли не загналъ ее въ болото. Говорятъ, будто бы Государь долго питалъ скрытную злобу къ нему за это дѣло; если такъ, то жаль, что подобнаго рода мелочи могли помрачать душу этого царя. Защитникъ Карса, Англійскій генералъ Вилліамсъ, проѣзжая чрезъ Рязань, гдѣ я тогда служилъ по заключеніи мира въ 1856 году, говорилъ

---

[1]) Впрочемъ, новый этотъ догматъ ничто иное, надо сознаться, какъ логичный исходъ того, что папа выше всякаго вселенскаго собора и ему неподчиненъ, такъ какъ мы признаемъ непогрѣшимость семи вселенскихъ соборовъ. Многіе изъ Русской публики этого не понимаютъ и съ ироніею твердятъ, что папа воображаетъ свою особу непогрѣшимою. Это вовсе не вѣрно.

[2]) Передано мнѣ самой Натальею Григорьевною.

мнѣ, что, будучи лично знакомъ тридцать (кажется) лѣтъ съ Н. Н. Муравьевымъ, онъ знаетъ его за добрѣйшей души человѣка, но что онъ усиливается казаться злымъ для своихъ подчиненныхъ *).

Осенью того 1835 года корпусъ Н. Н. Муравьева перешелъ на другую стоянку, и его замѣнилъ въ Кіевѣ Паисій Сергѣевичъ Кайсаровъ.

Въ этотъ пріѣздъ мы пробыли въ Кіевѣ не болѣе двухъ недѣль и въ двухъ экипажахъ поѣхали скверпѣйшими проселками въ Таганчу на Еврейскихъ фурманскихъ лошадяхъ. Кучеръ-Еврей кареты, гдѣ я сидѣлъ съ женою, проѣзжая чрезъ лѣсъ, зацѣпилъ за сучекъ дерева, который, ударивши со всего размаху по поднятому стеклу окна со стороны моей жены, разбилъ въ дребезги толстое Бемское стекло, осколокъ котораго врѣзался подъ самый ея лѣвый глазъ; еще на нѣсколько линій выше, и она бы окривѣла. Въ порывѣ бѣшенства при видѣ окровавленнаго лица любимой женщины, я выскочилъ изъ кареты и, взобравшись на козлы, началъ тузить виновника бѣды. Мать моя, слѣдуя за нами въ своей коляскѣ и не зная ничего о случившемся, была изумлена Русскимъ моимъ судомъ и расправою, возможность каковаго она уже забыла послѣ 18 лѣтняго своего пребыванія въ Италіи. Вскорѣ все объяснилось. Она вынула осколокъ изъ щеки жены, промыла рану и приложила на нее Англійскаго пластыря, находившагося, къ счастію, при ней. Недѣли чрезъ три рана зажила, но шрамъ остался навсегда, и я долго не могъ успокоиться отъ мысли, что жена такъ близко подвергалась потерѣ своей красоты, каковымъ даромъ я, какъ уже сказалъ прежде, весьма дорожилъ.

Ѳ. И. Понятовскій, тогда за 70 лѣтъ, былъ еще столь же бодръ и дѣятеленъ какъ я его оставилъ въ 1826 году: ѣздилъ верхомъ каждый день по своимъ хуторамъ и овчарнямъ, или на охоту съ борзыми и гончими до самого обѣда, который былъ въ 5 часовъ, вставалъ въ 5 часовъ утра и ложился въ 9 вечера.

Во время нашего пребыванія въ Таганчѣ мать моя ѣздила однажды со мною и съ моей женою, а въ другой разъ жена и я, вдвоемъ, въ гости къ свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину въ его великолѣпный замокъ Корсунь, стоящій на гористомъ мѣстѣ и окру-

---

*) Первое знакомство генерала Вилліамса съ Н. Н. Муравьевымъ относится, если не ошибаюсь, къ эпохѣ, когда послѣдній былъ посылаемъ правительствомъ для какихъ-то переговоровъ къ Бухарскому хану, а генералъ Вилліамсъ служилъ офицеромъ въ Остъ-индскомъ Англійскомъ войскѣ.

женный высокими, обрывистыми скалами, выходящими изъ рѣчки, которая кольцеобразно обвиваетъ всю усадьбу, кажущуюся скорѣе перенесенною изъ Альпійскихъ странъ, нежели Русскою. Мѣстечко Корсунь было почти въ трехъ часовомъ разстояніи отъ Таганчи. Бездѣтный князь П. П. Лопухинъ и его жена (вдова Берлинскаго нашего посланника графа Алопеуса) жили въ вельможной обстановкѣ. Князь, будучи меломаномъ, составилъ пѣвческую капеллу, коею самъ не только что дирижировалъ, но сочинялъ музыку, не стѣсняясь иногда вставлять въ нее взятые изъ Итальянскихъ оперъ мотивы. Жена и я были у обѣдни въ его церкви, и онъ, радуясь случаю имѣть посторонпихъ слушателей, угостилъ насъ своими пѣвчими у себя въ домѣ; хоръ былъ дѣйствительно, на сколько помнится мнѣ, весьма изрядный. Князь и княгиня Лопухины составляли красивую еще, хотя пожилую, чету; глядя на княгиню (извѣстную нѣкогда своею красотою), трудно было повѣрить, что пять лѣтъ передъ тѣмъ, на Царскосельскихъ маневрахъ 1830 года, я видалъ ея сына молодаго графа Алопеуса уже кирасирскимъ офицеромъ. Была у нея также дочь, недавно передъ тѣмъ, кажется, овдовѣвшая отъ Француза Виконта де-ла-Феронѐ. Съ привлекательной наружностію, княгиня Лопухина соединяла таковыя же нравственныя и душевныя качества, была натуральна въ своемъ обращеніи, плавна и элегантна, такъ сказать, въ своихъ движеніяхъ; кротость и доброта, написанныя на ея лицѣ, дѣлали ее крайне симпатичною съ перваго на нее взляда; подобныхъ ей женщинъ зовутъ по англійски; «so lady-like.» Она уже тогда страдала глазами и подъ конецъ совершенно, какъ я слышалъ, ослѣпла. Въ Корсуньскомъ домѣ замѣчателенъ огромный залъ въ самой его серединѣ, безъ наружныхъ оконъ и со статуями, какъ бы въ музеѣ или въ академіи художествъ, освѣщенный только длинными продольными, но низкими окнами съ двухъ сторонъ, примыкающими почти что къ потолку, такъ что свѣтъ падаетъ сверху. Залъ равнялся вышиною двумъ этажамъ; вся же нижняя часть его стѣнъ была глухая. Изъ за верхнихъ поперечныхъ оконъ виднѣлась зелень тропическихъ и другихъ оранжерейныхъ растеній, чрезъ кои только и проникалъ свѣтъ, такъ что внизу въ залѣ было отчасти темно. Столъ и сервировка соотвѣтствовали вполнѣ обстановкѣ дома, и видно было сразу, что все это было не экстренное что нибудь, а ежедневный образъ жизни хозяевъ, и что для гостей ничего лишняго не дѣлалось; пріемъ же самихъ гостей былъ также радушенъ и простъ, какъ бы у степнаго помѣщика стараго Русскаго закала.

Въ Таганчѣ гостили тогда сестра г. Понятовскаго, г-жа Сѣраковская съ мужемъ и болѣзненнымъ сыномъ. Сѣраковскій былъ веселый,

пріятный и открытаго характера человѣкъ, красавецъ въ сѣдинахъ и съ сохранившимся еще у него пріятнымъ весьма голоскомъ. У сына его нервная система была до такой степени разслаблена, что голова не иначе могла поддерживаться на шеѣ какъ при помощи аппарата изъ металическаго обруча, обвивавшаго голову и прикрѣпленнаго пружиною къ спинѣ. Кромѣ семейства Сѣраковскихъ общество въ Таганчѣ состояло изъ Нѣмца-медика и чтицы (lectrice) г. Понятовскаго, немолодой Швейцарской дѣвицы Гросмееръ.

Послѣ болѣе мѣсячнаго, скучнаго таки, пребыванія, безъ всякихъ развлеченій кромѣ охоты, я, подъ предлогомъ дѣлъ въ Москвѣ и въ Порзняхъ, отправился съ моимъ Радзиковскимъ 21 Октября на колесахъ. Но въ теченіе этого и слѣдующаго дня, въ праздникъ Казанской Божіей Матери, снѣгъ началъ валить хлопьями съ сильной стужею ночью, и на 23 число, Днѣпръ, чрезъ который надо было переправляться, остановился: явленіе небывалое почти въ томъ краю. Я провелъ весь день въ Пшеничникахъ (хозяинъ коего Евгеній Осиповичъ Понятовскій гостилъ, кажется, въ Таганчѣ), плотно тамъ пообѣдалъ и не поцеремонился съ Шампанскимъ отсутствовавшаго хозяина. Переправа на паромѣ была прекращена, а ледъ былъ на столько еще тонокъ, что никто не брался меня доставить на другую сторону рѣки, и я не знаю, сколько пришлось бы мнѣ еще тутъ жить, если бы безстрашный священникъ сосѣдней церкви не взялся насъ перевести. Онъ шелъ впереди, постукивая передъ собою объ ледъ толстой палкою, а я и Радзиковскій шли за нимъ; лошадей отпрягли и повели въ рукахъ по одиночкѣ; оставили ли сани на этомъ берегу, или перетащили ихъ на другой, не помню. Нынѣ, при одной мысли объ опасности, которой подвергался я безъ всякой необходимости, деретъ меня морозъ по кожѣ; но молодость смѣла, и ей ничего почти невозможнымъ не кажется.

Поѣхали мы на перекладныхъ саняхъ до Чернигова, гдѣ для бо́льшаго комфорта я купилъ кибитку, но долженъ былъ отдать ее почти что за ничто въ Могилевѣ, потому что тамъ никакого еще саннаго пути не было. Не доѣзжая Могилева, я остановился погостить у графини Софьи Григорьевны Чернышовой-Кругликовой въ ея маіоратномъ имѣніи Чечерскѣ*), гдѣ она провела зиму съ мужемъ Иваномъ Гавриловичемъ и съ незамужнею еще своей сестрою графинею Надеждою Гри-

*) Чернышовскій маіоратъ былъ основанъ, какъ извѣстно, фельдмаршаломъ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ; ему же принадлежалъ нынѣшній домъ Московскихъ генералъ-губернаторовъ, отъ чего произошло названіе Чернышовскаго переулка. Старуха-фельдмаршальша умерла только въ 1836 году.

горьевной. Существовало еще тогда въ Чечерскѣ, хотя покачнувшееся отъ времени, деревянное двухэтажное строеніе, когда-то дворецъ, наскоро построенный фельдмаршаломъ графомъ З. Г. Чернышовымъ для пріема Екатерины II-й во время ея путешествія по Россіи. И. Г. Кругликовъ повелъ меня съ большею осторожностію по всѣмъ нѣкогда аванзаламъ и заламъ этого эфемернаго дворца съ провалившимся мѣстами поломъ. Лохмотья обоевъ, фольги, золотой и серебряной бумаги висѣли по стѣнамъ и на обнаженныхъ колоннахъ, колыхаясь отъ вѣтра или отъ трясенія оставшихся половицъ, но вмѣстѣ давали отчетливое довольно понятіе о прежнемъ декоративномъ эффектѣ всего зданія. Кругликовы ѣздили на короткое время въ Кіевъ повидаться съ моей матерью, которая вскорѣ по моемъ отъѣздѣ изъ Таганчи переѣхала туда на зиму съ моей женою.

Въ Могилевѣ меня обступили сыновья Израилевы съ предложеніемъ пріобрѣсти по дешевой цѣнѣ контрабандное Голандское полотно. Я прогналъ было ихъ, но мой Радзиковскій польстился перспективою выгодно перепродать таковое полотно въ Москвѣ, и на эту спекуляцію упросилъ меня дать ему денегъ въ счетъ будущаго жалованья; и вотъ Жиды, оглядываясь и подъ секретомъ, повели его въ отдѣльную пустую комнату и, тамъ поторговавшись съ ними, онъ вышелъ съ своею покупкою, тщательно обернутою въ бумагѣ и съ ярлыкомъ, какъ слѣдовало быть заграничному холсту. Полячокъ мой уже мѣтилъ на шурина моего Алексѣя Ивановича Нарышкина, какъ на готоваго покупателя, зная его наклонность франтить туалетными принадлежностями *); но каково было въ Москвѣ его разочарованіе, когда знатоки этого товара нашли, что контрабандный холстъ былъ православнаго Ярославскаго издѣлія, какое можно было купить въ Москвѣ дешевлѣ, чѣмъ слупили съ Радзиковскаго Могилевскіе Евреи. Въ Могилевѣ я опять попалъ на санный путь и поѣхалъ на Оршу, Красный и Смоленскъ. По дорогѣ я заѣхалъ немного въ сторону къ Николаю Ѳедоровичу Гурьеву, женатому на Ваксель, знакомому мнѣ по Москвѣ, хотя я не собственно ихъ хотѣлъ видѣть, а проживавшую у брата своего Екатерину Ѳедоровну Гурьеву, съ которою жена моя была весьма дружна съ того времени, когда она съ замужнею своею сестою Спичинской гостила въ Тарускомъ уѣздѣ у одной ихъ родственницы. Е. Ѳ. Гурьева была умнѣйшая и пріятнѣйшая дѣвушка, но собою не особенно хо-

*) Шуринъ мой до конца жизни одѣвался изящно. Въ описываемую мною эпоху, на него шилъ Сатіасъ, первая тогдашняя Московская знаменитость. Затѣмъ, модными портными (статскаго платья) были Шелингъ и Тенферъ (на Тверской), Занфтлебенъ, Англичанинъ Пиготъ и Французъ Матьё; у послѣдняго я тратилъ много, но безъ толку.

роша; говорятъ, что она глубоко, но безнадежно полюбила шурина моего А. И. Нарышкина, будучи однакоже немного старше его, и въ угодность ли ея семейнымъ, или чтобы не остаться безъ поддержки въ жизни, вышла за г. Ѳаворскаго, къ коему была совершенно равнодушна. Этого господина я никогда не видалъ и ничего не знаю о его свойствахъ; но, судя по его левито-звучащей фамиліи, не думаю, чтобы онъ могъ быть достойною партіею для столь интересной особы, имѣвшей въ добавокъ свое независимое состояніе.

Эта была третья моя поѣздка по Бѣлорусскому тракту, и я уже прежде удивлялся, по какому случаю нѣкій старый Итальянецъ содержалъ гостиницу со сноснымъ весьма столомъ въ глуши на почтовой станціи, до или послѣ Краснаго. Дѣло это было разъяснено мнѣ въ 40-ыхъ годахъ хозяиномъ гастрономическаго магазина на Софійской улицѣ, Петромъ Петровичемъ Пикколи, нынѣ умершимъ, человѣкомъ всѣми почтаемымъ въ Москвѣ, съ которымъ я случайно разговорился о загадочномъ его соотечественникѣ. Этотъ человѣкъ былъ солдатомъ въ Наполеоновскихъ войскахъ и возилъ полковой ящикъ во время бѣдственнаго отступленія Французской арміи въ 1812 году; улучивъ удобную минуту зарыть въ землю деньги что были въ ящикѣ (чтобы не достались нашимъ войскамъ, шедшимъ по пятамъ), онъ такъ отчетливо запомнилъ то мѣсто, что когда по заключеніи мира пріѣхалъ опять въ Россію, то отыскалъ это мѣсто, выкопалъ свой кладъ и открылъ потихоньку тамъ же гостинницу.

Въ Москвѣ я остановился у бывшаго моего однополчанина М. А. Долгова, на Ордынкѣ, гдѣ жилъ Леонъ съ перваго времени своего пребыванія въ Москвѣ; во флигелѣ того дома онъ уже успѣлъ открыть главную домовую мою контору съ бухгалтерною обстановкою, свойственною торговому дому, вообразивъ себѣ, что этимъ пусканіемъ пыли въ глаза можетъ много выиграть въ кредитномъ отношеніи, тогда какъ нерѣдко случалось, что въ кассѣ блестящей моей конторы не было и 25 рублей.

Около перваго дня новаго 1836 года я отправился съ Леономъ въ свои Порзни чрезъ Владиміръ, Суздаль и Шую при стужѣ, каковой я не помню: термометры замерзали, птицы падали окоченѣвшими, и морозъ доходилъ, какъ говорили, до 38 и 40 градусовъ. Невозможно было выдержать переѣзда отъ станціи до станціи, не заходя по нѣскольку разъ въ крестьянскую какую нибудь избу отогрѣться; дыханіе становилось тяжелымъ. Мы ѣхали въ закрытой повозкѣ. Каково было ямщику? Въ средней полосѣ Россіи вымерзло той зимою мно-

жество фруктовыхъ садовъ, въ томъ числѣ у тещи моей въ Знаменскомъ, гдѣ уцѣлѣло только два-три десятка деревъ стараго пространнаго фруктоваго сада [1]).

Прежній мой сослуживецъ А. А. Мироновъ, узнавъ о моемъ прибытіи въ Порзни, не замедлилъ меня навѣстить; онъ не былъ исправникомъ въ Юрьевецпольскомъ уѣздѣ, а жилъ у тещи своей, Натальи Титовны Кетовой, моей сосѣдки. Когда мы разстались во время войны 1829 года, въ голову намъ не входило, что суждено будетъ намъ встрѣчаться въ Костромской губерніи сосѣдями. Въ Порзняхъ я вовсе не занимался ревизіею своей вотчинной конторы, а только возился съ пѣвческимъ хоромъ. Уже съ годъ какъ жилъ у меня въ имѣніи медикъ-Полякъ г. Торчинскій, отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, рекомендованный мнѣ Леономъ; ему препорученъ былъ въ то же время поверхностный надзоръ за имѣніемъ [2]), но полнымъ управляющимъ онаго былъ любимецъ мой старикъ-бурмистръ Макаръ Ивановъ, изъ тѣхъ даровитыхъ встрѣчающихся иногда Русскихъ крестьянъ, что, родись они въ иномъ сословіи, могли бы быть министрами. Я, какъ говорится, души въ немъ не чаялъ, и ради этой безграничной почти моей привязанности къ этому человѣку, Леонъ не посмѣлъ смѣнить его изъ бурмистровъ во время моего трехлѣтняго отсутствія за границей, хотя, помнится мнѣ, ему хотѣлось было это сдѣлать; потому что умный этотъ крестьянинъ не всегда безусловно принималъ его приказы изъ Москвы и иногда былъ зубъ за зубъ съ нимъ. За то и былъ мой Макаръ авторитетомъ и почетною личностію во всей округѣ; даже сосѣдніе дворяне и уѣздныя власти сажали его рядомъ съ собою, звали его Макаромъ Ивановичемъ, а не Ивановымъ, и говорили ему *вы*. Нелады между нимъ и Леономъ, мнѣ извѣстные, нравились мнѣ, потому что казались какъ бы контролемъ одного надъ другимъ; смѣтливый старикъ, зная мое къ нему расположеніе, дѣйствовалъ поэтому иногда

---

[1]) Въ 1846 и послѣдующихъ годахъ я принялся съ ревностью возобновлять этотъ фруктовый садъ, выгодный въ денежномъ отношеніи. Садъ былъ у меня почти на 3-хъ сороковыхъ десятинахъ, и всѣхъ корней со старыми въ началѣ 60-ыхъ годовъ до тысячи. Подобная почти описываемой зима съ 1867 на 1868 годъ уничтожила мои 20 лѣтніе труды и пощадила не болѣе какъ одну сотню корней, да и изъ нихъ многіе въ страдальческомъ положеніи по сію пору; я отказался отъ дальнѣйшей борьбы съ нашимъ суровымъ климатомъ и болѣе не намѣренъ заниматься плантаціями фруктовыхъ деревьевъ.

[2]) Докторъ Торчинскій, отошедшій отъ меня, въ концѣ 1839 года былъ взятъ Дивовымъ, въ подмосковное его имѣніе Зенино, но не остался долго тамъ, а въ 1846 или 1847 году поступилъ на коронную службу и былъ командированъ въ одну изъ дальнихъ губерній по случаю открывшейся тамъ сильной холеры, но едва пріѣхалъ онъ туда, какъ самъ на второй или третій день заразился ею и умеръ. Въ Порзняхъ его весьма любили какъ сосѣдніе, такъ и мѣстные крестьяне.

совершенно самостоятельно. Говорили мнѣ впослѣдствіи, что онъ не былъ будто чуждъ отъ принятія крестьянскихъ приношеній; но если это и было въ дѣйствительности, то мнѣ не удалось въ этомъ его уличить.

Доживалъ у меня въ Порзняхъ вѣкъ свой любимый отца моего камердинеръ Андрей Антоновичъ Кашинцовъ, возвратившійся изъ Флоренціи въ Россію въ 1822 году. Хотя я конечно никакой службы отъ него не требовалъ, но старикъ, по старой привычкѣ, считалъ долгомъ являться ко мнѣ и прислуживать во время моего стола, не иначе какъ въ бѣломъ галстухѣ и сорочкѣ тонкаго холста съ жабо. Онъ умеръ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Кромѣ него жилъ еще тогда въ одной изъ дальнихъ моихъ деревень, у родственниковъ своихъ, другой старый дворовый нашъ человѣкъ, по имени Василій Шенюховъ. О лѣтахъ его можно было приблизительно догадываться изъ того, что когда, бывало, начнетъ онъ разсказывать, что былъ-де тамъ и тамъ со старымъ графомъ, а я ему замѣчу, что отецъ мой никогда, на сколько извѣстно мнѣ, въ этихъ мѣстахъ не бывалъ, онъ скажетъ мнѣ: «Да развѣ я тебѣ говорю о твоемъ родителѣ? Я вѣдь говорю о старомъ графѣ», то есть о дѣдѣ моемъ графѣ Петрѣ (иначе Іонѣ) Александровичѣ, умершемъ въ малолѣтство моего отца. Бесѣды мои съ нимъ повторялись по воскреснымъ только днямъ, когда онъ пріѣзжалъ къ обѣднѣ въ Порзни. По выходѣ отъ меня онъ отправлялся на базаръ и ко своимъ знакомымъ; тамъ, бывало, онъ налижется до положенія ризъ, и его отвезутъ за мертво въ деревню, гдѣ онъ и остается до слѣдующаго воскреснаго дня.

Въ Кинешемскомъ уѣздѣ, смежномъ съ Юрьевецпольскимъ, Леонъ купилъ для меня отъ 700 до 800 десятинъ лѣсу и луговъ, по 4 рубля (кажется) за десятину. Онъ сдѣлалъ это, чтобы, причисливъ эту пустошь, называемую Подрамки, къ Порзненской и получить изъ Опекунскаго Совѣта добавочные по 50 р. на душу, какихъ не выдавали по малоземелью въ Порзненскомъ имѣніи. Но извороть этотъ ему не удался по причинѣ, если не ошибаюсь, того, что земля эта была въ общемъ моемъ съ двумя другими лицами владѣніи и осталась чуть-ли не до конца моего помѣщичьяго быта неразмежеванною. Была тамъ, какъ я слышалъ, какая-то рѣченка по имени Мерь; по ней во время весенняго разлива можно будто бы было сплавлять лѣсъ, коего было тамъ немало; Леонъ отправилъ туда рекомендованнаго ему одного господина, чисто изъ Русскихъ, снабдивъ его довѣренностію для этой операціи. Господинъ этотъ, пріѣхавъ первоначально въ Порзни, взялъ денегъ изъ вотчиннаго правленія для расхода по этому дѣлу и, кажется, нуж-

ное ему число крестьянъ, чтобы рубить лѣсъ; весною онъ благополучно сплавилъ заготовленный имъ зимою матерьялъ, но затѣмъ, самъ пропалъ безъ вѣсти, не отдавъ никакого отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, и куда дѣвался сплавленный лѣсъ, осталось покрыто мракомъ дальнѣйшей неизвѣстности. И не одинъ таковъ случай былъ у дѣльнаго моего Еврейскаго повѣреннаго.

Обратно въ Москву мы (т. е. Леонъ и я) поѣхали необыкновеннымъ путемъ чрезъ Кинешму, Кострому, Ярославль и Ростовъ. Стужа почти что не уменьшалась во все это время, и по моему (надо правду сказать) постоянно болѣе, чѣмъ по желанію моего спутника, мы останавливались подогрѣвать желудокъ спиртуозностями. Только между Переславлемъ-Залѣскимъ и Троицкимъ Посадомъ холода спустились до 16 градусовъ, и я помню, что это пониженіе температуры показалось мнѣ какъ будто термометръ стоялъ только на точкѣ замерзанія. Переночевавъ въ Троицкомъ посадѣ, я на разсвѣтѣ отправился съ Радзиковскимъ въ Лавру отслужить молебенъ, по окончаніи коего и покуда я шарилъ въ своемъ кошелькѣ что̀ заплатить іеромонаху за службу, онъ подошелъ къ одной мѣстной иконѣ, спустилъ висѣвшую на блокѣ лампадку, почерпнулъ ложкою лежавшею тамъ наготовѣ цѣлую ложку деревяннаго масла и къ ужасу моему проглотилъ ее. Говорю къ ужасу моему, потому что у меня такое враждебное отвращеніе ко всѣмъ возможнымъ масламъ изъ растительныхъ веществъ, даже къ прованскому маслу, что въ постное время для меня все готовятъ почти на водѣ или на миндальномъ молокѣ, а прибавляютъ подсолнечное или горчичное масло въ такомъ маломъ размѣрѣ, чтобы не было отъ него запаха. Я переглянулся съ Радзиковскимъ, знавшимъ мою антипатію къ жидкостямъ, въ недоумѣніи что̀ мнѣ дѣлать, если монахъ пригласитъ меня послѣдовать его примѣру; ибо я предполагалъ, что таковое его дѣйствіе было обрядовымъ признакомъ набожности: по отказу моему монахъ могъ бы меня причесть къ числу ненабожныхъ; а проглотить, да и на тощакъ, цѣлую ложку деревяннаго, сирѣчь фонарнаго, масла... Къ счастію, онъ не сдѣлалъ мнѣ этого предложенія.

Въ Москвѣ, по приглашенію искреннихъ моихъ друзей А. Д. Черткова и его жены, я остановился у нихъ на Мясницкой, гдѣ пробылъ недѣль около двухъ. Будущій фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій (не болѣе, кажется, тогда, какъ армейскій поручикъ), лѣчившійся въ Москвѣ отъ жестокой, полученной на Кавказѣ, раны, былъ почти ежедневнымъ тамъ гостемъ. Елисавета Григорьевна сохраняла еще

тогда всю полноту своего обширнаго и звучнаго голоса; но не знаю, изъ какого каприза, не иначе пѣвала, какъ въ полголоса, даже при близкихъ ей людяхъ, и это приводило меня въ отчаяніе. Досадно было также мнѣ видѣть, что она начинала усвоивать наклонности, привычки и отчасти туалеты почти что старушечьи, тогда какъ старшей ея дочери Елисаветѣ Александровнѣ (нынѣ княгинѣ Голицыной) было едва семь лѣтъ. Меньшая ея дочь, Александра Александровна (впослѣдствіи Винтулова) была уже тогда тщедушная, блѣдненькая и какъ бы предвѣщала что ей не долго быть жилицею сего міра. Григорій Александровичъ, коему было тогда 3 или 4 года, хотя заимствовалъ прекрасныя глаза своей матери, но не ея взглядъ; онъ смотрѣлъ исподлобья и дичился общества.

Я засталъ еще въ живыхъ, но тяжко уже больною, тетку мою графиню Екатерину Артемьевну Воронцову. Она умерла мѣсяца два спустя, твердою въ православіи; слѣдовательно не всегда воспитаніе на иностранный ладъ бывало причиною совращенія въ католичество нашихъ Русскихъ дамъ въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ нынѣшняго вѣка, и я не ошибаюсь, предполагая, что отпаденію другой моей тетки, графини Маріи Артемьевны, способствовало ея сближеніе съ принцессою Тарантъ, съ тогдашнимъ Петербургскимъ оракуломъ графомъ Іосифомъ де Местромъ, и, можетъ быть, съ Софіею Петровною Свѣчиною. Графиня Екатерина Артемьевна жила тогда въ домѣ князя С. М. Голицына на Пречистенкѣ, съ сестрою коего, княжною Еленою Михайловною, добрѣйшимъ въ мірѣ существомъ, она давно была въ тѣсной дружбѣ и чуть ли не съ нею путешествовала за границей въ послѣднее время. Когда я навѣстилъ тетку, она подергала меня за ухо, въ шутку, за то-молъ, что я женился; этого я точно заслуживалъ, хотя не за выборъ спутницы моей жизни, а за то, что таковому вѣтреннику, каковымъ я былъ, не взирая на мои 29 лѣтъ, не слѣдовало жениться. Въ одно изъ моихъ посѣщеній къ ней взошелъ хозяинъ дома князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, а вслѣдъ за нимъ князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, и между ними завязался разговоръ о быломъ времени; князь Сергѣй Михайловичъ началъ подшучивать надъ княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ, напоминая ему о его ссылкѣ изъ Петербурга въ Москву императоромъ Павломъ Петровичемъ за то, что, будучи тогда еще молодымъ офицеромъ, онъ не приложился съ подобающею любовію къ царской рукѣ на одномъ куртагѣ, въ которомъ церемоніялъ этотъ былъ установленъ.

Княгиня Татьяна Васильевна (жена князя Дмитрія Владимировича), которую я долгомъ счелъ навѣстить, устроивала тогда въ домѣ у себя

оперу Севильскаго Цирульника Московскими дилеттантами. Роль Розины исполняла хорошенькая собою и талантливая по голосу Александра Дмитріевна Давыдова [1]); Альмавивою былъ мѣстный Рубини, Н. И. Пашковъ; докторомъ Бартоло былъ Александръ Яковлевичъ Скарятинъ [2]), а меня княгиня просила взять на себя роль Фигаро. Надо сказать, что сыграть эту роль на сценѣ было давнишнею моею мечтою, къ тому же я почти всю ее зналъ наизусть; но я извинился передъ княгинею и отказался отъ принятія участія въ ея спектаклѣ, потому что торопился къ женѣ и матери въ Кіевъ. Когда по прибытіи туда я разсказалъ о томъ матери, она, дорожившая всякимъ моимъ успѣхомъ въ хорошемъ обществѣ, сказала, что я напрасно не принялъ предложенія княгини Голицыной. Мѣсто мое занялъ тамъ Ѳеофилъ Матвѣевичъ Толстой (братъ бывшаго послѣ и недавно умершаго министромъ почтъ графа Ивана Матвѣевича), и сценическое это сближеніе съ привлекательною Розиной-Давыдовой не замедлило кончиться ихъ бракомъ.

На обратномъ пути въ Кіевъ я заѣхалъ въ Знаменское взять съ собою, по желанію жены, молодую дворовую дѣвушку, ея крестницу, по имени Настиньку, а также уговорилъ ѣхать со мною къ женѣ Ларису Ростиславовну Голубицкую, отецъ коей незадолго передъ тѣмъ умеръ. Ни тещи моей, ни О. А. Тридона не было тогда въ Знаменскомъ: они были у шурина моего Нарышкина въ его Орловскомъ имѣніи по случаю его женитьбы (ему было всего 20 лѣтъ отъ роду) на Марьѣ Сергѣевнѣ Цуриковой, нѣсколькими годами старше его.

Изъ Знаменскаго я тронулся съ своими спутницами въ двухъ кибиткахъ и остановился на три, на четыре дня погостить у новобрачныхъ Нарышкиныхъ. Новый тесть шурина моего, Сергѣй Васильевичъ Цуриковъ, давнишній мой знакомый (со временъ юнкерства моего въ Орлѣ), принялъ меня дружески и родственно, и въ мою честь далъ обѣдъ у себя въ с. Лебедкѣ, смежномъ почти съ имѣніемъ А. И. Нарышкина. Онъ славился въ околоткѣ образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ.

Въ Кіевѣ, между тѣмъ, жена моя успѣла, подъ попечительнымъ крыломъ моей матери, познакомиться съ лучшимъ обществомъ. Естественно, что графиня Анна Артемьевна Бутурлина, не взирая на двад-

---

[1]) Одна изъ сестеръ Давыдовыхъ, также хороша собою, вышла замужъ много позднѣе за князя Долгорукова, извѣстнаго сочинителя Родословной Русскихъ дворянскихъ фамилій.

[2]) Нынѣ генеральнымъ консуломъ въ Неаполѣ.

цатилѣтнее почти отчужденіе свое изъ Россіи, заняла сразу въ Кіевѣ, то почетное мѣсто, какое ей слѣдовало, хотя она рѣдко выѣзжала въ гости. И какъ бы ни глумилась демократія (глумленіе отчасти лисицы надъ виноградомъ) надъ сословіемъ, выше ея по рожденію поставленнымъ, есть какой-то неизгладимый отпечатокъ на людяхъ обоего пола той касты, узнаваемый всѣми ея сочленами безъ различія національностей при первой встрѣчѣ.

Склонная къ наблюдательности, мать моя слѣдила за измѣненіями, происшедшими въ Русскомъ обществѣ (судя по небольшому Кіевскому образчику) съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ него, и весьма мѣтко нашла, что въ дѣлѣ воспитанія юношества религіозное ученіе высказывалось преимущественно въ знаніи обрядовой болѣе, чѣмъ нравственной стороны. Къ столь вѣрному ея замѣчанію прибавлю отъ себя, что и въ догматическомъ отношеніи (не говоря уже объ исторіи церкви, столь немногимъ извѣстной) усматривается нерѣдко у насъ таже упущенность. Встрѣчалъ я дамъ весьма набожныхъ, озадаченныхъ неожиданнымъ моимъ вопросомъ, на каковомъ основаніи церковь наша молится за усопшихъ, если она не признаетъ существованія чистилища, какъ Западная церковь? Вѣдь понятно, что изъ ада нѣтъ выхода. Да и многіе ли, пожалуй, укажутъ на тотъ моментъ въ литургіи, когда пресуществляются Святые Дары *) и даже могутъ не запинаясь отвѣчать, сколько въ церкви нашей таинствъ съ наименованіемъ каждаго изъ нихъ; или истолковать точный смыслъ столь часто слышанныхъ ими словъ на эктеніи «Елицы оглашенніи изыдите,» или болѣе для міряны затруднительныхъ, «ангельскими невидимо дориносима чинми.» Я даже слышалъ отъ одной дамы, будто бы требуется не менѣе шестинедѣльнаго промежутка между однимъ и другимъ причащеніемъ Святыхъ Таинъ, когда никакого для этого срока не положено церковію. Подобное невѣдѣніе своего вѣроисповѣданія прискорбно рознится съ знаніемъ катихизиса и основныхъ правилъ Западной церкви во всѣхъ сословіяхъ съ ранняго возраста ея чадъ.

Кіевское общество было немалочисленное. При генералъ-губернаторѣ графѣ Гурьевѣ состоялъ полковникъ Платонъ Ивановичъ Голубцовъ, женатый на графинѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Толстой (нынѣ вдова и начальница Кіевскаго женскаго института) и полковникъ Звягин-

*) Не мнѣ впрочемъ это говорить, ибо я къ стыду своему не болѣе какъ два-три года назадъ узналъ, что пресуществленіе Св. Даровъ совершается во время пѣнія на клиросѣ „Тебе поемъ, Тебе благословимъ“, когда священникъ говоритъ „и сотвори убо хлѣбъ сей,“ и проч.

цевъ, мужъ одной изъ тамошнихъ красавицъ (дѣвичьяго ея имени не помню). Жили довольно открыто Трощинскіе. Онъ былъ племянникъ извѣстнаго дѣятеля этой фамиліи; а она, урожденная Кудрявцова, добрѣйшее созданіе, хотя собою нехороша, но имѣла неудачное поползновеніе быть пѣвицею Итальянскихъ арій, каковыя, не смотря на мои артистическіе совѣты и указанія, выходили у ней очень дурно, и не потому только, что голосъ ея былъ самъ по себѣ незавидный и что она не имѣла случая слышать хорошихъ оперныхъ пѣвцевъ, но она составила себѣ идею, что слова въ операхъ вещь совершенно второстепенная, не имѣющая важнаго значенія, и потому вмѣсто напечатанныхъ словъ партиціи, она импровизировала какія-то сочетанія буквъ и слоговъ, столь же похожихъ на Итальянскія слова, какъ на Китайскія. Другой гостепріимный домъ былъ князя Кудашева, женатаго на графинѣ Шуазёль-Гуфье; она была сестра того графа Эдуарда Шуазёля подполковника въ Фердинандовомъ (Изюмскомъ) гусарскомъ полку, о которомъ уже прежде говорено. Общество собиралось также у графа и у графини Бержинскихъ. Онъ былъ Полякъ и меломанъ на скрыпкѣ, а она рожденная княжна Долгорукова. Черты лица были у нея правильны и пріятны при высокомъ ростѣ, но чрезмѣрная ея тучность портило все это [1]). Дочь ея, Марія, тогда еще ребенокъ 6 или 7 лѣтъ, была уже типъ Итальянской или Греческой красоты [2]). Гражданскимъ губернаторомъ былъ только что назначенный тогда нѣкто г. Переверзевъ, вопреки ходатайству графини Евдокіи Петровны Гурьевой доставить это мѣсто ея обычному партнёру въ картахъ вице-губернатору г. П... ну. Польскій элементъ игралъ немаловажную роль въ Кіевскомъ высшемъ обществѣ. Губернскимъ предводителемъ былъ камергеръ графъ Тышкевичъ, человѣкъ съ средствами, у коего бывали вечера (помнится мнѣ, разъ въ недѣлю), съ роскошно сервированнымъ ужиномъ и съ Итальянскимъ мэтръ д'отелемъ. Уѣзднымъ предводителемъ былъ Ламбертъ (правильнѣе Маврикій) Осиповичъ Понятовскій. Тамъ же я опять повстрѣчался съ Одесскимъ моимъ знакомымъ графомъ Густавомъ Олизаромъ. Онъ былъ крайне забавенъ въ обществѣ, смѣшилъ своими анекдотами и, сверхъ всего, владѣлъ небывалымъ искусствомъ рвать пальцами бумагу безъ пособія ножницъ, изъ коей удивительно хорошо у него выходили всякія фигуры, животныя и деревья. Жена его была пресимпатичная барыня, съ которою пріятно бывало мнѣ пѣть, такъ

---

[1]) Графиня Екатерина Андреева Бержинская была родная сестра нынѣшняго (въ 1869 г.) Московскаго военнаго генералъ-губернатора.

[2]) Она вышла въ концѣ 40-хъ или въ началѣ 50-хъ годовъ за нѣкоего (кажется) г. Склингера.

какъ она усовершенствовала свой талантъ въ Италіи [1]). Но звѣздою Польскаго и всего вообще Кіевскаго общества была прелестная графиня Евелина Ханская, рожденная графиня Ржевуцкая, сестра графини Каролины Собаньской и генералъ-адъютанта графа Адама Ржевуцкаго. Въ бытность ея передъ тѣмъ въ Парижѣ она произвела глубокое впечатлѣніе на знаменитаго литератора Бальзака, и онъ изобразилъ ее, какъ говорятъ, въ своей повѣсти «Le lys de la vallée.» Она вела съ нимъ переписку и по смерти своего старика мужа вышла замужъ въ въ 40-хъ годахъ за знаменитаго этого Француза. Излишняя полнота тѣлосложенія вредила отчасти ея красотѣ; но бархатный взглядъ (regard velouté) имѣлъ что-то идеальное, не описанное, также какъ и ея улыбка, выражающая спокойствіе сердца, привѣтливость къ каждому и какую-то дѣтскую веселость. Она шапронировала двухъ мужниныхъ племянницъ, сестеръ Вележинскихъ, очень милыхъ дѣвушекъ, но не отличавшихся красотою. Старшій всѣхъ изъ Ржевускихъ былъ графъ Генрихъ, извѣстный Польскій писатель и оригинальнаго ума человѣкъ. Я познакомился съ нимъ не ранѣе 1845 года въ Петербургѣ, гдѣ онъ проживалъ въ стѣсненномъ, повидимому, положеніи по какому-то, помнится мнѣ, тяжебному дѣлу, и гдѣ онъ бывалъ ежедневнымъ почти гостемъ у дальняго моего родственника князя Петра Дмитріевича Черкаскаго [2]). Разговоръ его былъ игривый и сатирическій; жилъ онъ на скромной квартирѣ, на Васильевскомъ острову, и увѣрялъ, что когда ему случалось заболѣвать, то онъ просилъ хозяйку свою призвать къ нему доктора изъ самыхъ неизвѣстныхъ и почти что негодныхъ, на томъ-де основаніи, что мало мальски извѣстный медикъ захотѣлъ бы, пожалуй, дѣлать надъ нимъ, никому неизвѣстнымъ субъектомъ, какой-нибудь опытъ новаго способа лѣченія, дабы, если оно удастся, примѣтить этотъ способъ въ случаѣ болѣзни графа Петра Андреевича Клейнмихеля или кого другого изъ Петербургскихъ тузовъ; тогда какъ прозябающій въ своемъ темномъ уголкѣ эскулапъ уже по своему общественному положенію, не могъ бы позволить себѣ таковыхъ честолюбивыхъ замысловъ. Изъ Кіева онъ писалъ князю П. Д. Черкаскому, что городъ и весь юго-западный край въ большемъ недоумѣніи по причинѣ смѣщенія г. П—ва (правителя канцеляріи генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова), потому что во время могущества этого госпо-

---

[1]) Слышно было что графъ Олизаръ когда-то былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей генерала Раевскаго и за нее сватался; почему ему было отказано, не знаю. Братъ графа Олизара участвовалъ въ Польскомъ возстаніи 1831—1832 г. и эмигрировалъ за границу.

[2]) Князь П. Д. Черкаскій былъ въ началѣ 50-хъ годовъ Симбирскимъ губернаторомъ и умеръ холерою въ Петербургѣ, осенью 1852 года. Жена его, княгиня Марія Семеновна, была рожденная Аладьина.

дина извѣстно было, по крайней мѣрѣ, кому нужно было давать, а теперь неизвѣстно кому. (Само собою разумѣется, что Д. Г. Бибиковъ не могъ быть причастенъ взяточничеству правителя своей канцеляріи, который хотя и назначенъ былъ куда-то губернаторомъ, но карьера его скоро оборвалась какимъ-то служебнымъ скандаломъ).

Меньшой изъ графовъ Ржевуцкихъ, недавно передъ тѣмъ вышедшій въ отставку изъ кирасирскаго принца Альберта полка, женился немного позже на нѣкоей Ивановской, родной сестрѣ жены Даріуса Осиповича Понятовскаго *). Была еще другая той фамиліи Ивановская, богатая наслѣдница, но родня ли двумъ вышесказаннымъ, не знаю, вышедшая замужъ, около этого же времени за одного изъ тогда молодыхъ князей Витгенштейновъ. Мать ея была подвержена какой-то спячкѣ, находившей на нее внезапно и продолжавшейся чуть ли не по цѣлымъ суткамъ; о ней разсказывали что, отправившись съ дочерью-невѣстою къ мѣсту, назначенному для свадьбы послѣдней, она заснула на одномъ переѣздѣ, о чемъ дали знать жениху, и пришлось отложить бракъ на нѣсколько дней, пока она проснулась и можно было ей продолжать путь.

Пріѣзжалъ тогда также въ Кіевъ на короткое время родственникъ Понятовскихъ, помѣщикъ того края, красавецъ Дзіяконскій, съ женою старше его, и не подъ пару своему мужу, урожденною Пшездзецкою. Онъ подверженъ былъ хандрѣ и лѣчился, не знаю отъ какой болѣзни, у одной извѣстной тогда ясновидящей, предписавшей ему между прочимъ вскарабкаться на площадку, нарочно для того устроенную на столбу и тамъ сидѣть опредѣленное время, сверхъ чего глотать въ извѣстныхъ пріемахъ крупный рѣчной песокъ (gravier), и онъ слѣпо исполнялъ это. Жену его я помнилъ въ моемъ отрочествѣ въ Италіи, еще незамужнею; о ней разсказывали, что, полюбопытствовавъ посѣтить какую-то мужскую обитель въ южной Италіи или Сициліи, куда входъ женщинамъ былъ запрещенъ, она переодѣлась въ мужское платье, но ростъ и корпуленція выказали настоящій ея полъ, и она была выпровождена со скандаломъ.

Мы нанимали домъ въ концѣ улицы (кажется, Липки) противъ графа Януша Ильинскаго (впослѣдствіи сенатора). По наслышкѣ я

---

*) Даріусъ Осиповичъ и его жена Діонизія, когда-то красавица, по совершенному разстройству здоровья обоихъ провели послѣдніе года жизни за границей: онъ умеръ въ 1867 г., а жена скоро послѣдовала за нимъ. Дѣтей у нихъ никогда не было. Болѣзнь этой женщины была странная: мнѣ разсказывали, что во Флоренціи, въ знойный Іюльскій день, она зябла и не покидала почти никогда мѣховаго верхняго платья.

зналъ, что онъ былъ ярый меломанъ, воображалъ себя композиторомъ и будто бы посвятилъ папѣ одну свою оркестрированную мессу, но не добился знаменитости; въ нашемъ обществѣ онъ не показывался, у себя весьма немногихъ принималъ. Онъ былъ владѣльцемъ извѣстнаго въ юго-западномъ околоткѣ помѣстья Романова, то есть Рома-нова (Roma nuova), иначе Новый Римъ; названіе это придумано было еще его отцемъ, начавшимъ строить тамъ костелъ, имѣвшій будто бы соперничать съ церковью Св. Петра въ Римѣ. Насколько было выполнено столь гигантское предпріятіе, мнѣ неизвѣстно; но я слышалъ, что, въ бытность замысловатаго строителя въ Италіи, онъ добился разрѣшенія у Римской куріи пріобрѣсти и вывесть для своего храма мощи какихъ-то святыхъ, раки коихъ были нагружены на корабль; но во время плаванія сдѣлалась сильная буря, и изувѣрные матросы, приписывавшіе взолнованіе стихіи присутствію мощей, хотѣли было выкинуть ихъ въ море. Было ли это ими совершено или нѣтъ, не знаю.

Показывался также временно въ Кіевѣ, но не жилъ тамъ постоянно, молодой князь Любомирскій, помолвленный на красавицѣ Зинаидѣ Голынской, мать коей была рожденная графиня Толстая, сестра Екатерины Дмитріевны Голубцовой; условіемъ его женитьбы (состоявшейся въ теченіе лѣта 1836 г.) было, чтобы молодая Голынская перешла въ Римскую церковь, что̀ и сбылось *).

Паисій Сергѣевичъ Кайсаровъ жилъ тогда въ Кіевѣ по случаю пребыванія тамъ штаба 4-го корпуса. Мать моя была коротко знакома съ женою и дочерью Кайсарова, проживавшими по причинѣ здоровья въ Италіи, вслѣдствіи чего онъ сдѣлался частымъ у насъ посѣтителемъ. Онъ былъ добрѣйшій и обязательнѣйшій человѣкъ, по службѣ, кажись, не педантъ и, помнится мнѣ, любимъ подчиненными; словомъ, не подходилъ къ картоннымъ генераламъ Николаевскаго времени.

Въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ корпуса П. С. Кайсарова служилъ офицеромъ умершій нынѣ Евграфъ Ростиславовичъ Голубицкій, братъ привезенной мною въ Кіевъ Ларисcы Ростиславовны. Лишь только она намекнула при Паисіи Сергѣевичѣ, что нѣсколько уже лѣтъ какъ она не видалась съ братомъ, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе вытребовать въ корпусную квартиру этого офицера, и тѣмъ привелъ въ крайнее изумленіе его самого и весь полкъ, въ которомъ онъ

*) Причиною таковаго условія могъ быть законъ о смѣшанныхъ бракахъ, по которому если одна изъ брачущихся сторонъ принадлежала православному исповѣданію, то всѣ дѣти имѣли быть того же исповѣданія, чего, вѣроятно, не допускала Польская аристократія.

служилъ, такъ какъ о причинѣ вызова не было объяснено. Когда г. Голубицкій явился въ Кіевѣ къ своему генералу, послѣдній разъяснилъ ему, въ чемъ дѣло, прибавивъ, что онъ можетъ оставаться въ Кіевѣ сколько ему будетъ угодно, и просилъ приходить обѣдать у него безъ церемоніи, когда заблагоразсудится. Жена и я часто хаживали въ походную церковь Кайсарова, гдѣ четверо изъ нижнихъ чиновъ удивительно какъ стройно пѣвали, подъ управленіемъ одного изъ нихъ, замѣчательнаго тенора, изъ тѣхъ теноровыхъ голосовъ, что потрясаютъ всю внутренность души; онъ былъ когда-то пѣвчимъ въ придворной капеллѣ и за какую-то провинность попалъ въ рядовые. Узнавъ о частомъ нашемъ посѣщеніи походной церкви, Паисій Сергѣевичъ распорядился, чтобы тѣ пѣвчіе всегда пѣвали при тамошнихъ службахъ и позволялъ имъ приходить къ намъ въ домъ; помнится мнѣ, что мать моя была взволнована этимъ пѣніемъ, столь много вѣроятно ей напоминавшимъ. Повторяю сказанное прежде: не ускользнуло отъ моихъ наблюденій, что семейныя наши прозелитки не могли и не могутъ заглушить окончательно въ себѣ взрывовъ національной религіозности, притаившейся до поры до времени *).

Жена моя имѣла полный успѣхъ въ Кіевѣ, чѣмъ я былъ совершенно счастливъ. Она была лелѣяннымъ ребенкомъ въ этомъ обществѣ, не говорю львицею, потому что была слишкомъ молода и неопытна для такой ея роли. Она въ то время видимо похорошѣла, и признаки первой беременности, оказавшіеся въ серединѣ лѣта, дѣлали ее еще интереснѣе. Мнѣ кажется, что я именно тогда болѣе влюбился въ нее, чѣмъ будучи женихомъ. Къ тому же, неискушаемый приманкою разгула съ невзрачными моими Московскими знакомыми, я чувствовалъ, что добрые инстинкты натуры брали свое, да и присутствіе матери моей поставило меня сразу, такъ сказать, въ колею прежней моей семейной жизни, и однимъ изъ благотворныхъ слѣдствій того было, что я весь предался молодой моей женѣ. Она подружилась съ ровесницею ей по годамъ Елисаветою Матвѣевной Могилянскою. Это была милая, натуральная до наивности, хотя не глупая, дѣвушка. Родители ея, мѣстные старо-

---

*) Въ послѣднюю бытность мою въ Италіи въ 1862—1863 году, сестра моя Марія Дмитріевна Дини съ радостію приняла отъ меня изданіе Новаго Завѣта порусски (1859 г.) только спросила, не изданіе ли это Библейскаго Общества, въ чемъ я ее успокоилъ; при чемъ надо пояснить, что изданія библейскія у Латинянъ не допускаются, какъ произведенія протестантизма. Она заявила также мнѣ желаніе имѣть книгу описанія всѣхъ чудотворныхъ иконъ Пресвятыя Богородицы, признаваемыхъ нашею церковью. Подобныя проявленія противорѣчатъ нетерпимости Римской церкви ко всему *схизматическому*, доходящей до того, что Латиняне (покрайней мѣрѣ въ Италіи) не допускаютъ нашихъ иконъ въ свои образные кивоты.

жилы, никуда не выѣзжали, по причинѣ своихъ лѣтъ и, думаю, невеликихъ своихъ житейскихъ средствъ, и потому дочь ихъ появлялась въ свѣтѣ подъ эгидою Е. Д. Голубцовой и достойнѣйшей ея сестры, незамужней и не первой уже молодости, графини Анны Дмитріевны Толстой *). У Могилянскихъ была своя загородная небольшая дача, куда Елисавета Матвѣевна обѣщалась насъ свозить полюбоваться роскошными посадками розъ, но ошиблась временемъ ихъ цвѣтенія и привезла насъ въ свой садъ, когда уже рабатки были осыпаны лепестками отцвѣтшихъ розъ, при видѣ чего она бѣдняжка до того сконфузилась, что почти со слезами просила нашего прощенія не за свою ошибку, а за невѣжливость, такъ сказать, царицы цвѣтовъ. Это была натура тихая, робкая, какъ бы недовѣрчивая къ самой себѣ, привлекательная не столько складомъ лица, какъ своею женственностію, залогомъ супружескаго счастія человѣка, коему она имѣла вручить навсегда свою судьбу, и каковой залогъ оправдался вѣроятно на дѣлѣ, когда эта милая дѣвушка вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Кіева вышла замужъ. Она, бывало, на балахъ какъ бы пугалась приглашенія кавалера изъ холостыхъ мало ей знакомаго, и радостно принимала мое приглашеніе, какъ мужа своего друга. Въ числѣ бальныхъ посѣтительницъ заведенія минеральныхъ водъ (гдѣ нынѣ отстроенъ дворецъ), не входившихъ, не знаю почему, въ составъ нашего общества, были сестры Бѣлокопытовы и ихъ родственницы Вишневскія; одна изъ послѣднихъ вышла позднѣе за князя Долгорукова. Рядомъ почти съ нами жила молодая чета какихъ-то Лопухиныхъ, никуда не выѣзжавшая изъ боязни церковнаго преслѣдованія по поводу того, что двѣ родныя сестры, дѣвичьей фамиліи коихъ не помню, вышли замужъ за двухъ родныхъ братьевъ, вещь недопускаемая, какъ извѣстно, каноническими правилами. Чѣмъ дѣло ихъ кончилось, не знаю; но обѣимъ четамъ сочувствовала публика. Сосѣдка наша, которую я видалъ мелькомъ сидящею съ работою у своего окна, показалась мнѣ дивно хорошенькою; мужъ ея былъ адъютантомъ у какого-то генерала. Не договорилъ я, что Польскій элементъ уживался, какъ рѣдкое исключеніе, съ Русскимъ въ Кіевскомъ высшемъ обществѣ.

Мать моя отыскала прежнюю свою Московскую до 1812 года знакомую старушку г-жу Хвостову, когда-то проживавшую тамъ при

---

*) Графиня А. Д. Толстая была болѣзненнаго сложенія и давно умерла. Напоминаю, что сестрами ея были графиня Влодекъ (мать красавицы графини Заводовской) и г-жи Лачинова и Голынская. Изъ братьевъ, коихъ было нѣсколько, я знавалъ только графа Николая Дмитріевича, получившаго огромное наслѣдство отъ дяди своего Рязанскаго помѣщика генерала Измайлова, и графа Константина Дмитріевича поручика л.-гусарскаго полка въ 1830 г., умершаго въ молодости отъ аневризма.

роскошной обстановкѣ, а въ Кіевѣ прозябавшую въ нуждающемся почти положеніи на скромной весьма квартиркѣ. Житейскія свои невзгоды она переносила съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и предалась религіозному подвижничеству, сохранивъ въ преклонныхъ лѣтахъ всѣ умственныя способности и даже веселость характера. Жена и я навѣстили ее однажды; меня поразила непринужденная назидательность ея бесѣды, чуждая сухости и религіознаго мистицизма. Весьма теперь сожалѣю, что по тогдашнему моему легкомыслію я не позаботился получить отъ матери моей болѣе подробныхъ біографическихъ свѣдѣній объ этой личности, а нынѣ не къ кому для этого прибѣгнуть. Какъ религіозное направленіе, такъ и моральный взглядъ на жизнь были одинаковыми у обѣихъ этихъ женщинъ, лѣта и также свѣтское отчасти положеніе почти что тѣже, и потому общія имъ воспоминанія молодости и житейской измѣненной на столько обстановки должны бы были, кажется, сблизить обѣихъ при этой неожиданной встрѣчѣ, между тѣмъ онѣ обѣ остались въ этомъ случаѣ на ногѣ свѣтскихъ только учтивостей. Отъ чего же это случилось, если не отъ различія религіозныхъ убѣжденій, коимъ обѣ всецѣло предались?

Изъ студентовъ Кіевскаго университета [1]) кавалерами были на балахъ меньшой братъ выше упомянутаго князя Любомирскаго, нѣкто г. Бутовичъ изъ богатыхъ Малороссійскихъ помѣщиковъ того края, и Дмитрій Алексѣевичъ Сверчковъ, сынъ бывшаго нашего повѣреннаго во Флоренціи, родной племянникъ генералъ-губернатору графу Гурьеву. Этотъ молодой человѣкъ былъ вѣтренникъ и попадался въ студенческія исторіи, кромѣ чего проглядывались уже тогда въ его разговорахъ какія-то странности, кончившіяся много позднѣе тѣмъ, что онъ, уже женатый, впалъ въ умопомѣшательство, въ каковомъ онъ по позднѣйшимъ моимъ о немъ свѣдѣніямъ находится и по сіе время [2]). Болѣе интимными кавалерами нашего кружка были нѣкто Николай Петровичъ Бибиковъ, тогда адъютантъ при графѣ А. Д. Гурьевѣ (а позднѣе Симбирскій губернаторъ) и молодой Лифляндецъ или Курляндецъ г. Эвенсъ, чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Изъ бальныхъ кавалеровъ былъ нѣкто Иванъ Ивановичъ Роде, служившій тогда гдѣ-то въ Кіевѣ.

---

[1]) Попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа былъ г. Фонъ-Брадке.

[2]) Сестра его, какъ и онъ самъ, родилась при мнѣ во Флоренціи, была одна изъ Петербургскихъ красавицъ начала 40-хъ годовъ, вышла тамъ замужъ за иностранца Гуерреро, разъѣхавшись съ нимъ вышла, помнится мнѣ, при жизни еще мужа за г. Зиновьева и жила съ нимъ въ Ярославлѣ.

Имѣлась тогда въ Польскомъ театрѣ порядочная весьма, хотя малолюдная, Французская водевильная труппа, содержавшаяся по подпискѣ: обстоятельство, доказывающее цивилизованный уровень мѣстнаго общества и денежные его рессурсы. Когда въ городѣ не было ни баловъ, ни вечеринокъ, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ былъ театръ. Намъ обоимъ такъ весело жилось въ Кіевѣ, что не хотѣлось ѣхать съ матерью моею въ Италію, и особенно женѣ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ лѣта теща моя не утерпѣла и пріѣхала къ дочери въ Кіевъ, гдѣ и оставалась до отъѣзда нашего въ Августѣ за границу....

Покойница крѣпко любила меня, горячо заступалась за меня и не разъ поддерживала мое мнѣніе въ противность мнѣнію своей дочери.

Возвращаюсь къ Кіевскимъ событіямъ.

Митрополитомъ давно уже былъ мастистый Евгеній Болховитиновъ, извѣстный археологъ. Про его отношенія въ молодости къ моему семейству я уже говорилъ подробно въ первой части сихъ записокъ. Викарнымъ архіеремъ, съ титломъ епископа Чигиринскаго, былъ не старый еще, и съ привлекательною наружностью, преосв. Владиміръ, уроженецъ Владимірской епархіи, а имя его въ мірѣ было Василій Ѳедоровичъ Алавдинъ. Онъ былъ между прочимъ замѣчателенъ блистательнымъ даромъ слова и заготовленныя свои проповѣди говорилъ наизусть яснымъ и звонкимъ голосомъ. Слогъ его былъ не дюжинной семинарской рутины, а смѣлъ мыслію; слышалось живое слово, и нравоученіе прямо обращалось на пороки встрѣчающіеся въ наклонностяхъ и ежедневныхъ привычкахъ разносословныхъ его слушателей. Монаху строгой жизни, ему пріятно было видѣть Кіевскихъ дамъ у себя за чаемъ, послѣ литургіи по воскресеніямъ въ Михайло-Архангельской златоглавной своей обители, и дамы усердно посѣщали архіерейскую его службу. Замѣтивъ однажды, что жена моя не была у него у всенощной наканунѣ какого-то большого праздника, онъ спросилъ у нея, когда на слѣдующій день мы оба посѣтили его послѣ обѣдни, о причинѣ ея отсутствія, и она съ дѣтскою наивностію отвѣчала, что не была въ церкви, потому, что захотѣлось ей быть въ тотъ вечеръ въ театрѣ. Іерархъ этотъ, казавшійся предназначеннымъ занять видное мѣсто въ ряду архипастырей нашей церкви, по стеченію непріязненныхъ и по мнѣнію моему незаслуженныхъ имъ обстоятельствъ, сошелъ преждевременно съ церковнаго поприща и умеръ въ силѣ лѣтъ въ 1843 или 1844 году въ почетной ссылкѣ епископомъ одной изъ Сибирскихъ епархій, куда его упекли, вѣроятно, по недоброжелательству

изъ Костромы. Я имѣлъ счастіе сблизиться съ нимъ и пользовался дружественнымъ, смѣю сказать, его расположеніемъ. Начатое мое съ нимъ знакомство въ Кіевѣ продолжалось въ Костромѣ, гдѣ случалось мнѣ, какъ помѣщику той губерніи, навѣщать его. Будучи за границей съ женою, я переписывался съ нимъ. Его обвиняли въ кругу высшей церковной администраціи за крутость будто бы характера и излишне-строгую взыскательность съ подчиненнаго ему духовенства; другихъ упрековъ я противъ него не слыхалъ, между тѣмъ какъ самъ А. Н. Муравьевъ, служившій тогда въ Сѵнодѣ и коего я просилъ ходатайствовать за преосвящен. Владимира, сказалъ мнѣ что имъ были не довольны въ Петербургѣ [1]). Тщетно силился я убѣдить его, что іерархъ этотъ оклеветанъ: слабая моя адвокатура, неподкрѣпленная никакими доказательными фактами, была гласомъ въ пустынѣ. При первомъ моемъ свиданіи съ преосв. Владимиромъ, послѣ этого моего разговора съ А. Н. Муравьевымъ, я передалъ ему въ точности его слова и совѣтовалъ принять мѣры къ оправданію, на что онъ отвѣчалъ, что готовъ встрѣтить все худшее и, кажется, добавилъ, что ему не остается ничего болѣе дѣлать. А тутъ, какъ вѣнецъ всего, было несчастное слѣдующее приключеніе отъ его неосторожности. Онъ взялъ на себя постройку хозяйско-экономическимъ способомъ, помимо подрядовъ, новаго храма въ Ипатьевскомъ монастырѣ [2]), и только что довершался куполъ, какъ онъ и часть строенія обрушились, что̀ и вызвало формальное о томъ слѣдствіе. Касательно упрека его въ чрезмѣрной строгости я освѣдомился отъ Костромскихъ жителей, что однажды въ первый день Пасхи онъ отправился будто бы во время вечерень обозрѣвать нѣсколько церквей въ самой Костромѣ, чтобы удостовѣриться лично въ степени трезвости ихъ причтовъ. Спрашиваю: развѣ это можетъ служить къ его обвиненію? По разсказамъ очевидцевъ, онъ былъ отваженъ до неустрашимости, углубляясь во время своихъ ревизій по епархіи въ сплошныя селенія самыхъ закоснѣлыхъ раскольниковъ, каковыхъ чуть-ли не большинство въ иныхъ изъ-заволжскихъ уѣздовъ,

---

[1]) Кстати о Муравьевѣ передамъ слышанное отъ него самаго, что, чувствуя сильное влеченіе поступить въ духовный санъ (вѣроятно въ черноризничество), онъ говорилъ о томъ съ графомъ Протасовымъ, который ему объявилъ рѣшительно, что пока онъ (гр. Протасовъ) останется оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода, онъ никогда не допуститъ Андрея Николаевича поступить въ духовный санъ, по какой причинѣ, не знаю. А между тѣмъ какъ плодотворно было бы для Русскаго высшаго общества, еслибы Муравьевъ посвященъ былъ во епископы!

[2]) Обитель эта, подгородное пребываніе Костромскихъ архіереевъ, знаменита въ исторіи по укрывательству въ ея стѣнахъ Михаила Ѳедоровича Романова. Комнаты, имъ занимаемыя въ той обители, въ родѣ терема, были реставрированы въ 1839 году и изданы въ литографіи братьями Чернецовыми, уроженцами Костромскаго города Луха.

съ цѣлію увѣщеванія сихъ заблудшихъ, въ чемъ не имѣлъ, помнится мнѣ, никогда поддержки со стороны мѣстной высшей губернской администраціи, склонной почти что мирволить раскольникамъ. Изъ этого выходило, что архіерей былъ поставленъ между двухъ огней, ибо въ то Николаевское время изъ Петербурга предписывались строгія противъ сектантовъ мѣры. Сопровождавшій его въ одной изъ таковыхъ поѣздокъ исправникъ разсказывалъ послѣ, что онъ самъ не на шутку струсилъ при видѣ недружелюбныхъ физіономій увѣщеваемой публики; а какъ время подходило къ ночи, да и въ глуши, безъ всякой надежды внѣшней помощи въ случаѣ открытыхъ враждебныхъ дѣйствій крестьянъ-сектантовъ, то онъ наотрѣзъ объявилъ преосвященному, что если не поспѣшитъ немедленно удалиться, то онъ (исправникъ) не ручается за послѣдствія. Передано было также мнѣ изъ вѣрнаго источника, что, посѣтивъ однажды Тихоновскую-Луховскую обитель, онъ говорилъ монахамъ, что они-де «не монахи, а пивные котлы». Скажутъ, быть можетъ иные, такъ почему же онъ терпѣлъ подобное зло? А какъ бы, спрашиваю, могъ онъ одинъ искоренить его? Дѣло заглазное и укрѣпившееся молчаливою санкціею нѣсколькихъ, можетъ быть, поколѣній; а онъ управлялъ епархіею всего пять - шесть лѣтъ: «Одинъ въ полѣ не воинъ». Помню особенно въ общихъ чертахъ одну его проповѣдь противъ пьянства въ рабочьемъ людѣ и запоя, сказанную въ уровень съ ихъ понятіемъ и развитостью, съ употребленіемъ даже ихъ слога, безъ всякихъ метафоръ и риторическихъ украшеній *). И вотъ этого-то человѣка Н. Н. Муравьевъ выбралъ было себѣ въ помощники, въ бытность нашу предыдущей осенью въ Кіевѣ, чтобы фактами доказать моей матери объ отступничествѣ Римской церкви отъ апостольскаго православія. Мать моя не избѣгала этихъ преній и даже по отбытіи изъ Кіева Муравьева посѣтила (можетъ быть, даже болѣе раза) преосв. Владимира; но ничего изъ сего не произошло.

Всѣ мои біографическія свѣдѣнія о достойномъ этомъ іерархѣ, заслуживавшимъ лучшей участи, ограничиваются тѣмъ, что онъ былъ (какъ я уже сказалъ) уроженецъ Владимирской губерніи; свѣтское его имя было Василій Өедоровичъ Алавдинъ, въ родствѣ съ знаменитымъ М. М. Сперанскимъ; въ 1830 году онъ былъ ректоромъ Калужской духовной семинаріи, когда архіереемъ былъ тамъ, если не ошибаюсь, Гавріилъ, впослѣдствіи Рязанскій архіепископъ.

---

*) Проповѣди и рѣчи преосв. Владимира были напечатаны въ 2-хъ томахъ около 1840 года, но, конечно, онѣ много теряютъ при чтеніи. Не помню, чтобы я когда нибудь слыхалъ подобную его дикцію.

Счастливымъ себя считаю, принося эту лепту памяти непреклоннаго въ правдѣ и недоступнаго страху владыки, каковыхъ желательно бы чаще встрѣчать въ рядахъ нашей іерархіи *).

Кіевъ представлялъ ученому митрополиту Евгенію обширное поле любимымъ его археологическимъ изслѣдованіямъ, и онъ не преминулъ тѣмъ воспользоваться. Ему обязаны открытіемъ памятниковъ Владимировой и Ярославовой старины, Золотыхъ Воротъ, безслѣдно зарытыхъ до того времени въ валу окружавшемъ первобытный княжескій городъ. Кстати упомяну, что вандализмомъ графа Левашева, предмѣстника графа А. Д. Гурьева, срыта была до основанія часть вала стараго Кіева, и тотъ же администраторъ срубилъ пирамидальные тополи, окаймлявшіе по обѣимъ сторонамъ нѣкоторыя улицы. Во фронтовомъ своемъ рвеніи соблюдать, елико возможно, прямую линію, онъ выровнялъ бугроватыя откосы одной изъ гористыхъ улицъ, и работа эта исполнена была столь поспѣшно и повидимому неожиданно, что въ одномъ мѣстѣ, какъ передано было мнѣ, одинъ несчастный аптекарь лишился будто бы всякаго приступу къ своему дому, потому что обрывъ горы подходилъ къ самому его крыльцу.

Подъ наблюденіемъ митрополита Евгенія раскопаны былъ также фундаментъ и все нижнее основаніе стѣнъ церкви св. мученицы Ирины, отъ которой не было въ виду никакихъ слѣдовъ и о которой жители не имѣли даже понятія; а по отрытымъ останкамъ можно было ясно усмотрѣть все внутреннее расположеніе храма. Имъ же отысканы основанія Ярославовой знаменитой Десятинной церкви; къ сожалѣнію, выстроена вмѣсто нея вновь церковь того же имени, но воздвигнута не на прежнемъ своемъ фундаментѣ и не въ прежнихъ размѣрахъ, по экономическимъ, вѣроятно, разсчетамъ, и древній ея фундаментъ снова зарытъ въ землю. Не договорилъ я, что часть древняго вала, окружавшая Софійскій соборъ и Злато-Верхо-Михайловскій монастырь, была срыта, подъ предлогомъ, что она стѣсняла проѣздъ, какъ будто полупустынная эта часть древняго Кіева кишѣла экипажами и пѣшеходами, какъ Ильинка

*) Слыхалъ я отъ современниковъ о другомъ, несклонномъ къ лести іерархѣ Пензенскомъ Амвросіи, которому также якобы не посчастливилось по той же самой причинѣ. Разсказывали, что во время царскаго (при Александрѣ 1-мъ) смотра подъ Пензою 2-го пѣхотнаго корпуса, въ 1823 или 1824 году, когда Государь долженъ былъ возвратиться въ городъ, этотъ архіерей готовился встрѣчать его съ крестомъ и со смѣло-поучительною рѣчью; но такъ какъ эти торжественныя часто повторяющіяся встрѣчи надоѣли наконецъ Царю, то преосв. Амвросій былъ отозванъ отъ своей епархіи; дальнѣйшая его участь мнѣ неизвѣстна. Я глубоко сочувствую всякимъ личностямъ, а наипаче церковнымъ, которые неустрашимы предъ сильными сего міра.

въ Москвѣ. Часть того же вала, выходившая на Крещатикъ, съ крѣпостными воротами, также срытыми, была будто бы не древняя, а воздвигнута фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, и потому не стоила сожалѣнія; какъ будто бы и Елисаветинская эпоха не составляетъ уже для насъ старины? Въ описываемое время отъ Елисаветинскаго же дворца, сооруженнаго архитекторомъ Растрелли, оставался одинъ нижній каменный этажъ, обращенный въ заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, съ залами, гдѣ разъ въ недѣлю бывали танцовальные вечера; верхній же деревянный этажъ дворца сгорѣлъ еще въ 20-ыхъ годахъ. Я однакоже помню его мелькомъ во время семейнаго нашего проѣзда чрезъ Кіевъ въ Италію въ 1817 году, и кажется мнѣ, что тогда жилъ въ немъ съ своимъ семействомъ одинъ изъ героевъ отечественной войны двѣнадцатаго года, генералъ Раевскій, командиръ корпуса, штабъ коего былъ тогда въ Кіевѣ. Въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ двухъ каменныхъ флигелей дворца была гостинница, гдѣ мы съ матерью приставали на пути въ Таганчу осенью 1835 года.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о наружности митрополита Евгенія, которая, впрочемъ, была отнюдь не изъ таковыхъ, чтобы на его челѣ, чертахъ лица и въ небольшихъ синихъ (помнится мнѣ) его глазахъ выражалось присутствіе особеннаго ума; или, точнѣе сказать, никакого особеннаго выраженія онъ не имѣлъ. Тѣлосложенія былъ онъ тучнаго, хотя минуло ему за семьдесятъ лѣтъ, лице совершенно круглое; на одной щекѣ, около носа, была большая бородавка и весь черепъ лысый.

Ректоромъ Духовной Академіи (въ Братскомъ монастырѣ на Подолѣ) былъ архимандритъ Иннокентій, обѣщавшій уже тогда статъ на ту точку церковнаго краснорѣчія, которая впослѣдствіи пріобрѣла ему имя современнаго Златоуста. Даръ этотъ онъ выказалъ въ надгробномъ словѣ, экспромптомъ, весною 1836 года, при похоронахъ артиллерійскаго генерала князя Яшвиля. Свидѣтели разсказывали мнѣ, что онъ весьма эффектно сдѣлалъ паузу въ своей рѣчи, во время которой послѣдовалъ залпъ изъ орудій, и затѣмъ онъ продолжалъ, указавъ на эту почесть какъ на послѣднюю житейскую дань военнымъ заслугамъ покойника отечеству.

Престарѣлый, но еще бодрый фельдмаршалъ князь Сакенъ не выѣзжалъ почти никуда, и мнѣ не случилось видѣть его. Когда мать моя первоначально проѣзжала одна чрезъ Кіевъ изъ Флоренціи въ Тепловку, то онъ счелъ однакоже долгомъ навѣстить ее, что̀ самое сдѣлалъ

тогда и графъ А. Д. Гурьевъ, къ немалому удивленію хозяйки постоялаго двора, гдѣ мать моя изъ экономическаго разсчета остановилась. «И кто бы подумалъ», говорила ей хозяйка, «что къ такой скромницѣ, какъ ты, ѣздятъ такіе тузы!»

Между фельдмаршаломъ кн. Сакеномъ и княземъ Яшвилемъ шла, какъ утверждали, куріознѣйшая городская переписка, дружеская и вмѣстѣ съ тѣмъ переполненная, ради силы слога, болѣе чѣмъ площадными бранными словами, въ видѣ любезностей. При князѣ Сакенѣ состоялъ молодой еще генералъ Густовцовъ или Густомиловъ, незаконнорожденный будто бы его сынъ, жена коего была одна изъ первыхъ Кіевскихъ красавицъ, но какъ-то мало выѣзжала въ свѣтъ.

У графа Гурьева былъ столовымъ дворецкимъ, иначе метръ д'отелемъ, Итальянецъ, нѣкто Лоренцо Джіорданенго, котораго я позднѣе видѣлъ во Флоренціи аматёромъ-артистомъ на публичномъ театрѣ Альфіери, въ главной роли какой-то трагедіи, въ коей онъ весьма плохо себя выказалъ. Я уже говорилъ, что у губернскаго предводителя графа Тышкевича былъ также метръ д'отель изъ Итальянцевъ *), и потому немалою было находкою для нашего Итальянца Конспліо (вѣрнаго слуги матери моей), не знавшаго ни слова порусски, встрѣтить въ Кіевѣ двухъ своихъ соотечественниковъ. Проживалъ въ Кіевѣ еще третій Итальянецъ изъ Милана, по фамиліи Верга, заброшенный туда кѣмъ-то случайно и выдававшій себя за портретнаго артиста и за пѣвца. Познакомившись съ нимъ въ кондитерской Финка, я пригласилъ его къ себѣ и попросилъ его спѣть со мною изъ Беллиневой оперы «Страніеры», дуэтъ «Sulla salma del fratello», принявъ на себя теноровую партію, хотя слишкомъ для меня высокую. Должно быть, въ Италіи онъ пѣвалъ только въ оперныхъ хорахъ, потому что басовый оглушительный его ревъ, при весьма непріятной интонаціи голоса, потрясъ нервы матери моей до такой степени, что я съ тѣхъ поръ уже болѣе не приглашалъ его пѣвать у насъ. Вскорѣ потомъ онъ отправился въ Москву, гдѣ кое-какъ перебивался профессіею по портретной живописи, а въ 1840 году я уже встрѣтилъ его въ Петербургѣ попавшимъ, не знаю по чьей протекціи, въ число реставраторовъ картинъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ каковой должности онъ и оставался до своей

*) Было одно время какъ бы въ модѣ въ иныхъ аристократическихъ домахъ имѣть при себѣ Итальянцевъ. При покойникѣ графѣ Иванѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ долго былъ старшимъ камердинеромъ нѣкто Тампорили, а у княгини Кочубей (вдовы Бѣлосельской), со времени коронаціи нынѣшняго Государя въ 1856 году до 1862 года, былъ метръ д'отелемъ тотъ самый Паоли, который въ концѣ 20-ыхъ годовъ служилъ камердинеромъ при покойномъ моемъ братѣ, а съ 1837 по 1843 годъ при мнѣ.

смерти. Мнѣ сказывали, что послѣ него найденъ былъ въ его гардеробѣ полный женскій костюмъ, для какой цѣли, неизвѣстно: ему онъ могъ идти какъ коровѣ сѣдло, потому что онъ не только былъ весьма неказистъ и уже немолодъ, но съ огромными усами.

Жили мы въ Кіевѣ, какъ я уже говорилъ, въ постоянномъ вихрѣ общественныхъ удовольствій и выѣздовъ. Въ продолженіе весны и лѣта, когда удушливо было собираться въ городскихъ бальныхъ залахъ, устроивались загородные пикники по подпискѣ въ живописныхъ мѣстностяхъ, Вышгородѣ близъ Выдубицкаго монастыря и въ Китаевской пустынѣ. Танцоманія дошла до того, что, перепробовавъ почти всѣ способныя къ тому мѣстности, избрали наконецъ зданіе въ Броварахъ за Днѣпромъ, гдѣ помѣщался грязный трактиришка, одною степенью выше кабака, во второмъ этажѣ, и гдѣ половицы гнулись подъ нашими плясками. Запѣвалою и распорядителемъ этихъ сборищъ былъ иногда Ламбертъ Осиповичъ Понятовскій, тогда Кіевскій уѣздный, какъ я уже говорилъ, предводитель. Въ него втюрилась нѣжносердечная компаньонка жены моей Л. Р. Въ этихъ загородныхъ прогулкахъ она собирала букеты полевыхъ цвѣтовъ; замѣтивъ, что Ламбертъ Осиповичъ, какъ вѣжливый кавалеръ, помогалъ ей въ этой работѣ, она сушила и прятала полученные изъ рукъ его цвѣты и злаки, и по отъѣздѣ ея изъ Кіева съ тещей моей обратно въ Тарусу, найдена была подъ ея тюфякомъ, къ удивленію всѣхъ непосвященныхъ въ сердечныя ея тайны, цѣлая охапка изсохшаго сѣна.

Братъ мой пріѣзжалъ на короткое время изъ за границы въ Кіевъ одинъ. Это было послѣднее мое пребываніе съ нимъ на отечественной почвѣ. Въ Кіевѣ я ни въ какія распоряженія по домашнему хозяйству не вмѣшивался; ими мать моя вполнѣ завѣдывала, возложивъ покупку провизіи на камердинера моего Александра Пашкина, сдѣлавшагося потому столовымъ дворецкимъ, а мое лишь дѣло было въ уплатѣ матери причитавшейся на меня и мою жену части расходовъ за столъ, квартиру и содержаніе людей, изъ денегъ, отъ времени до времени высылаемыхъ мнѣ Леономъ изъ Москвы. У жены были теперь двѣ горничныя; старшая изъ нихъ, жена Александра Пашкина, была столь искусною портнихою, что всѣ бальныя женины платья были ея работы, и въ магазины ничего для этого не отдавалось. Мой Радзиковскій, коему тогда уже минуло 20 лѣтъ, ростомъ и шаловливыми привычками казался совершенно еще мальчикомъ, и мое баловство, ему по старой привычкѣ оказываемое, непріятно удивляло мою мать, непривыкшую къ таковымъ, напримѣръ, его выходкамъ, какъ дразнить до нельзя ея Итальянца Консиліо, бросая въ него землею и грязью,

когда онъ садился за каретой моей матери. Однажды въ театральномъ буфетѣ Радзиковскій началъ какую-то исторію, чуть ли не драку, за что его повели въ полицейскій домъ, и не будь короткія матери моей отношенія къ генералъ-губернатору, дѣло бы не совсѣмъ пріятно могло кончиться для него; между тѣмъ я смотрѣлъ на все это какъ на ребяческія проказы.

Мать моя назначила нашъ отъѣздъ за границу во второй половинѣ Августа, и извѣщенный мною о томъ Леонъ не замедлилъ явиться въ Кіевъ, чтобы насъ проводить. Я уже говорилъ, что, снабдивъ его полною по моимъ дѣламъ довѣренностію, я тѣмъ не менѣе ограничилъ его право кредитоваться цифрою 60 тысячъ р. асс., каковая гарантія казалась вполнѣ для меня успокоительною, и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточною для его оборотовъ и кредитныхъ фокусовъ. Послѣдствія не оправдали этой мнимой моей осторожности. Положимъ, что я былъ вѣтренникъ и мотъ, но остается непонятнымъ, какими способностями владѣлъ этотъ сумасбродный аферистъ, чтобы впослѣдствіи окончательно отуманить человѣка, столь трезваго сужденія, какимъ былъ И. А. Кавецкій, который почти успокоилъ мою мать, заранѣе и не безъ основанія предубѣжденную противъ Леона. Не поддался ему одинъ мой Радзиковскій, который во все время дѣятельности Леона, съ самаго начала до его паденія, не переставалъ громогласно честить его мошенникомъ; вмѣсто опытности было у него чутье, основанное на безпредѣльной преданности моимъ интересамъ.

Прибылъ Леонъ въ Кіевъ не одинъ, а въ сопровожденіи, весьма неумѣстномъ, Московской мѣщанки, нѣкой Александры Михайловны, составлявшей предметъ насмѣшекъ въ его Русско-еврейскомъ кружкѣ; потому что эта толстая и нерѣдко пьяная баба колотила его иногда не на шутку, бранила Жидомъ, а за нетрезвость и неприличное поведеніе на публичныхъ гуляньяхъ сиживала въ сибиркѣ на съѣзжей. Отъ пріѣзда въ Кіевъ этой интересной особы Леонъ естественно еще болѣе упалъ въ мнѣніи о немъ моей матери.

Я разсчелъ и отпустилъ Александра Пашкина и его жену. Радзиковскаго я было первоначально задумалъ взять съ собою за границу, но впослѣдствіи раздумалъ; онъ вмѣстѣ съ Леономъ проводилъ насъ до Бердичева или немного далѣе и, разставаясь съ этимъ вѣрнымъ слугою, почти что моимъ воспитанникомъ, я въ награжденіе далъ ему переводъ на домашнюю мою контору въ 1000 рублей асс. Ничтожный этотъ знакъ моей признательности и ходатайство мое о немъ предъ вліятельными Кіевскими лицами отыскать въ мѣстномъ депутатскомъ со-

браніи [1]) документы на его дворянское званіе, въ чемъ я и успѣлъ: вотъ все то немногое, сдѣланное мною въ его пользу, и за что онъ во сто кратъ отплатилъ мнѣ въ послѣдующія болѣе двадцать лѣтъ. Молодая горничная жены моей Настинька и Лариса Ростиславовна Голубицкая отправились назадъ, вмѣстѣ съ тещею моею, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда изъ Кіева, а для сопровожденія жены за границу я заблаговременно выписалъ изъ Порзней Знаменскую дворовую дѣвушку Елену Шумаеву, болѣе степенныхъ лѣтъ, уже находившуюся при моей женѣ со времени ея дѣтства и остающуюся по сю пору неразлучною при ней. Когда я покончилъ съ Московскимъ Бибиковскимъ домомъ, эта дѣвушка, вмѣстѣ съ пожилою женщиною изъ Знаменской двории, Маріею Васильевною, отправлена была мною съ обозомъ въ Порзни, гдѣ и оставалась. Эта Елена Андреевна выняньчила обоихъ моихъ дѣтей, и нынѣ, въ старости, представляетъ рѣдкій сохранившійся типъ прислуги стараго закала, сроднившейся съ радостями и печалями своихъ господъ какъ бы съ собственными. Когда передъ отъѣздомъ изъ Кіева я ходилъ для полученія напутственнаго благословенія преосвященнаго Владиміра, то онъ мнѣ сказалъ: «Берегитесь, не заражайтесь въ Италіи Латинскимъ ученіемъ».—«Будьте покойны, владыко», отвѣчалъ я, «не заразился я въ дѣтствѣ и въ юношествѣ и съ Божіею помощіею не заражусь и впередъ; теперь же это труднѣе, чѣмъ прежде было. А Италія манитъ меня въ художественномъ только отношеніи.»

Тронулись мы изъ Кіева въ концѣ Августа чрезъ Бердичевъ, гдѣ смѣтливый Леонъ сразу снюхался съ тамошнимъ одноплеменнымъ ему банкиромъ Гальпериномъ, сохранившимъ всецѣло свой Польско-еврейскій костюмъ, съ пейсиками и въ ермолкѣ, при всемъ томъ что велъ обширныя банкирскія дѣла по всей Европѣ [2]). У него я взялъ чрезъ Леона переводъ на заграничную банкирскую контору, въ значительной довольно суммѣ. Ѣхали мы въ двухъ экипажахъ, какъ въ предыду-

---

[1]) Онъ уроженецъ мѣстечка Любаря, Кіевской или Житомирской губерніи. Въ то время производилась строгая по документамъ повѣрка по Югозападному краю всѣхъ называемыхъ себя шляхтичами, изъ коихъ не доказавшіе своего дворянскаго происхожденія перечислены въ однодворцы.

[2]) Старикъ Понятовскій, а впослѣдствіи его сыновья искони вели большія дѣла съ этимъ Гальпериномъ. Въ началѣ 60-ыхъ годовъ, обороты сего банкира какъ-то запутались, чѣмъ воспользовались, какъ передано было мнѣ, завистники его той же коммерческой части, и по условной между ними стачкѣ они предъявили къ платежу въ его контору векселя, на сумму много значительнѣе, чѣмъ онъ былъ въ силѣ удовлетворить. Тогда онъ обратился къ помощи Августа Осиповича, который возможнымъ счелъ, вслѣдствіе собственныхъ своихъ съ нимъ разсчетовъ, поддержать его и открыть ему кредитъ много болѣе, помнится мнѣ, ста тысячъ р. сер.; но этимъ онъ не отстоялъ своего кліента сдѣлавшагося несостоятельнымъ, а самъ лишился этихъ денегъ.

щемъ году изъ Тепловки въ Таганчу: мать моя съ Е. Н. Леруа въ ея коляскѣ, а я съ женою въ нашей каретѣ, съ тою лишь разницею, что я переселился на задніе козлы, такъ какъ въ интересномъ положеніи жены моей ей сподручнѣе было имѣть при себѣ свою горничную, а мнѣ свободнѣе было курить тамъ, чѣмъ сидя въ каретѣ. Этотъ порядокъ не измѣнялся во весь путь до Флоренціи.

Границу мы переѣхали не въ Радзивиловѣ, какъ водилось обыкновенно, а южнѣе, въ Волочискѣ, потому, помнится мнѣ, что увѣрили мою мать, что тамъ гг. таможенные чиновники были будто бы снисходительнѣе. Мы заѣхали по пути дня на два къ Кесарю Осиповичу Понятовскому, имѣніе коего было близъ самой границы, и черезъ Галицкій городъ Тарнополь направились на Львовъ, гдѣ провели нѣсколько дней. Отъ Бердичева, гдѣ я разстался съ Радзиковскимъ, мужской прислуги при насъ не было до Львова, гдѣ я нанялъ въ камердинеры Поляка, знавшаго порусски, который сопутствовалъ намъ до самой Флоренціи; онъ тѣмъ болѣе былъ намъ необходимъ, что говорилъ свободно понѣмецки, на языкѣ, которымъ ни жена моя, ни я не владѣли.

Кончаю настоящую главу дополненіемъ нѣсколькихъ, опущенныхъ мною подробностей, относящихся къ нашей Кіевской жизни. Я тамъ принялся было опять за пѣніе при Полякѣ-акомпаніаторѣ, и также написалъ музыку на прекрасныя строфы Баратынскаго.

„Не искушай меня безъ нужды,
Возвратомъ нѣжности твоей“, и проч.

и тамъ же напечаталъ этотъ романсъ. Хотя, сколько помнится мнѣ, въ снисходительныхъ глазахъ нѣкоторыхъ близкихъ мнѣ особъ романсъ мой встрѣченъ былъ полу-успѣхомъ; но, разбирая его впослѣдствіи, когда утихъ композиторскій мой пылъ, я убѣдился, что онъ никуда не годился, да и самое эффектное въ немъ мѣсто (allegro-agitato) было безъ зазрѣнія совѣсти цѣликомъ взято изъ нѣкой старинной и забытой Итальянской оперы.

Въ то время впервыя явилось во Французскихъ газетахъ описаніе удачныхъ опытовъ Дагера въ свѣтописаніи; но тогда содѣйствіе солнечныхъ лучей казалось условіемъ необходимымъ. Какъ почти единовременно съ этимъ, появилась въ той же печати статья, описывавшая какой-то вновь изобрѣтенный телескопъ такой силы, что ясно усматривались на лунѣ дикіе, обросшіе волосами люди: то мы всѣ съ гр. Олизаромъ, привезшимъ намъ эту газету, единогласно рѣшили, что все это журнальная утка.

(*Продолженіе будетъ.*)

КАРГАЛА ИЛИ СЕИТОВСКІЙ ПОСАДЪ.

(Изъ дѣлъ Оренбургскаго Центральнаго архива).

Читатели, знакомые съ исторіей Пугачовскаго бунта, помнятъ про эту Каргалу, прозванную Пугачевымъ и его сообщниками Петербургомъ [1]). Пародія эта, конечно, придумана въ шутку, и бунтовщики не придавали ей существеннаго значенія; но если присмотрѣться къ этому поселенію и особенно теперь, то, пожалуй, придешь къ мысли, что оно для окружныхъ туземцевъ, Чувашъ, Татаръ и Башкиръ, представляетъ дѣйствительно какъ бы столицу, нѣчто подобное Меккѣ, для всѣхъ послѣдователей Магомета, или хоть Самарканду для Средне-Азіятскихъ народовъ. Въ свое время Каргала давала наставленія и предписанія своимъ „приверженцамъ", исполняемыя точнѣе, нежели насылаемыя изъ дѣйствительнаго Петербурга. Башкиры и другіе инородцы, исповѣдующіе Магометову вѣру, почитаютъ Каргалу болѣе, нежели свой старинный городъ Уфу или „муй баринъ" (Казань).

Можно догадываться, что такая симпатія къ Каргалѣ произошла отъ того, что большинство этихъ туземцевъ никогда не видѣли Казани, которая, за отдаленностью ея и еще благодаря уже болѣе полуторовѣковому [2]) неподчиненію ихъ ей, не представляетъ теперь той притягательной силы, той „поэтической заманчивости", сосредоточенія всей Магометанской учености или, наконецъ, хоть бы такого единственнаго мѣста обмѣна купли и продажи, гдѣ бы Башкиру можно было найти все, что пожелаетъ его душа, нѣчто въ родѣ того какъ Чувашину „Чистополь—всѣмъ городамъ городъ" (а въ сущности замѣчательный только своими лаптями). Уфа же, не смотря на центральное положеніе среди инородческихъ поселеній Башкиріи и другихъ Магометанскихъ нарѣчій Оренбургскаго края, никоимъ образомъ, какъ предназначенная съ самаго начала своего возникновенія (1574) служить опорой Русской власти, не могла быть для Магометанъ тѣмъ удобнымъ мѣстомъ торжища и различныхъ сборищъ, тѣмъ „священнымъ городомъ", или, скорѣе, той сокровищницей, откуда можно было бы позаимство-

---

[1]) Пушкинъ, "Истор. Пугач. бунта." VI, пр. 15 къ гл. III. — Сообщники Пугачева называли еще Бердскую казачью слободу—Москвой, Сакмарскій городокъ—Кіевомъ.

[2]) До 1728 года Башкирія (съ 1556 г.) была въ вѣдомствѣ Казанскаго воеводы, когда указомъ отъ 27 Іюля этого года подчинена непосредственно Сенату, а потомъ въ 1741 году включена въ составъ вновь организованной Оренбургской комиссіи (т. е. губерніи).

вать какія либо высшія идеи, найти источникъ „воды живой“ или разрѣшить встрѣчающіеся въ житейской суетѣ вопросы, хотя въ ней и существовалъ съ давняго времени глава Заволжскихъ Магометанъ—муфтій съ духовнымъ Магометанскимъ собраніемъ [1]). Въ Уфѣ преобладало Русское населеніе, а за Магометанскимъ былъ нѣкоторый надзоръ въ лицѣ Русской духовной власти и губернской администраціи [2]).

Каргала, хотя гораздо меньше по объему Казани и Уфы, но въ данномъ случаѣ, какъ мѣсто сосредоточенія Магометанской мудрости и предпріимчивости, могла имѣть первенствующее значеніе во всемъ обширномъ Оренбургскомъ краѣ, такъ какъ она была населена исключительно мусульманами (и Русскимъ въ него могъ быть развѣ одинъ письмоводитель въ посадскомъ управленіи). По типу построекъ, по процвѣтанію торговли, по значительности Магометанскихъ молитвенныхъ домовъ и медрессе и отчасти по управленію своему, она представляла и представляетъ по настоящее время совсѣмъ обособленный Азіатскій городокъ, какихъ врядъ ли еще можно встрѣтить въ другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. Если же къ этому прибавить, что Каргала со дня своего существованія была предназначена для развитія мѣстной торговли (а съ ней вмѣстѣ, слѣдовательно, и производительности) и для укрѣпленія основъ Магометанскаго вѣроученія въ новомъ краю среди подвластныхъ и неподвластныхъ намъ инородческихъ племенъ (еще до сей поры слабыхъ въ Магометовой вѣрѣ): то всякому будетъ понятно, почему туземцы тяготѣютъ болѣе къ ней, нежели къ другимъ городамъ этого края.

Почтенный авторъ труда „Неплюевъ и Оренбургскій край“ г. Витевскій, имѣвшій полную возможность по архивнымъ источникамъ [3]) охарактеризовать роль Каргалы въ составѣ прежней Оренбургской губерніи, не хотѣлъ почему-то сказать намъ этого, хотя, при описаніи дѣятельности перваго Оренбургскаго губернатора, трудно было забыть о Каргалѣ, возникшей по его почину, съ цѣлью умножить значеніе вновь торжественно заложеннаго 19-го Апрѣля 1743 года, на р. Уралѣ при сліяніи съ р. Сакмарой, города Оренбурга [4]) среди туземныхъ племенъ не только Башкиріи, но и Киргизской степи и прочихъ Азіатскихъ владѣній, чтобы пріохотить ихъ къ мирнымъ занятіямъ и, посредствомъ торговли, увеличить ихъ производительность. Для этого Неплюевъ признавалъ даже полезнымъ имѣть въ новомъ

---

[1]) Оренбургское Магометанское собраніе для Приволжскихъ и Зауральскихъ Мусульманъ учреждено высочайшимъ указомъ 22 Сентября 1788 года.

[2]) Съ 1784 года въ Уфѣ сосредоточено было все гражданское управленіе края, а въ 1799 г. открыта архіерейская каѳедра.

[3]) Судя по предисловію къ IV выпуску монографіи его (стр. XV), онъ пользовался документами архивовъ Государственнаго, Сенатскаго, Тургайскаго и другихъ.

[4]) Дѣло Тургайскаго Областнаго архива № 20,605, листъ 1.

краю такихъ купцовъ или такихъ торговыхъ людей, которые бы, понимая выгоды, взгляды и вкусы Азіатцевъ, могли въ тоже время свободно владѣть туземнымъ языкомъ. Вѣковой же опытъ доказалъ, что въ Россіи соотвѣтствующимъ торговымъ людомъ, ближайшимъ къ Оренбургу, были Казанскіе и Вятскіе Татары. На нихъ-то Неплюевъ и обратилъ свое вниманіе и въ томъ же году ходатайствовалъ у императрицы Елисаветы о переводѣ нѣсколькихъ семей изъ нихъ въ Оренбургскій край.

Согласно этого его представленія „о способахъ устройства Оренбургской торговли на лучшихъ основаніяхъ", 13-го Марта 1744 года послѣдовалъ Сенатскій указъ, коимъ разрѣшалось Неплюеву вызвать изъ Казанской губерніи „торговыхъ зажиточныхъ Татаръ съ ихъ семьями и работниками въ числѣ 200 семей". По первому же зову явился торговый Татаринъ „Сеитъ Хаялинъ съ товарищами", которому по высочайше дарованной Елисаветой Петровной привилегіи отъ 8-го Августа 1745 года за № 5439 дано было въ пользованіе 64 тысячи десятинъ земли вверхъ по р. Сакмарѣ до крѣп. Пречистенской [1]) съ правомъ по „силѣ указа 1739 года договариваться еще о землѣ добровольно съ Башкирами и владѣльцами другихъ дачь" [2]), а для поселенія отведено мѣсто въ 18-ти верстахъ [3]) отъ нынѣшняго Оренбурга по пути въ Башкирію, на устьѣ р. Верхней Каргалки, впавшей въ р. Сакмару, гдѣ они основали особую слободу, наименовавъ ее по имени своего представителя Сеитовскою, хотя въ простонародьѣ она болѣе извѣстна подъ именемъ Каргалы, происшедшей отъ названія той рѣки, на которой Татары эти поселились.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, очевидно благодаря своему обособленному положенію по части торговли на границѣ степей, а также обширности земельныхъ угодій, дававшей возможность въ широкихъ размѣрахъ заниматься хлѣбопашествомъ и сѣнокошеніемъ (въ чемъ, на первыхъ порахъ съ устройствомъ Оренбурга и окрестныхъ крѣпостей, ощущался сильный недостатокъ) Каргала развилась, разрослась и увеличилась и отъ естественнаго прироста населенія, и отъ стекавшихся сюда ради скорой наживы другихъ поселенцевъ [4]), такъ что въ 1784 году признано было ее переименовать въ посадъ

---

[1]) Нынѣ станица Пречистенская, Оренбургскаго казачьяго войска.

[2]) Впослѣдствіи, пользуясь этимъ правомъ, какъ видно, изъ двухъ крѣпостныхъ записей Уфимской провинціальной канцеляріи 19-го Іюля 1749 и 22 Февраля 1751 г., Татары эти пріобрѣли покупкой у Башкиръ еще нѣсколько сотъ десятинъ.

[3]) Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Оренбург. губ. 1892, стр. LXII почему-то показано разстояніе ея отъ Оренбурга 22 версты.

[4]) Кромѣ 200 вышепоказанныхъ семействъ сюда переселялись еще выходцы изъ Казанской и Вятской губерній. Впослѣдствіи Екатерина II, рескриптами на имя барона Игельстрома (1 Сентября и 27 Ноября 1785 г. и 3-го Іюня 1786 г.), обязывала вызывать въ Оренбургскій край еще Казанскихъ или другихъ „вѣрныхъ" (?) Татаръ для „снабдѣнія Киргизскихъ родовъ муллами" и строить для нихъ караванъ-сараи (или гостиные дворы) и мечети.

съ придачей ей особаго, приравненнаго къ городскому благоустройству, управленія, чѣмъ она, подъ именемъ „Сеитовскаго посада“, остается и по настоящее время.

Но принесло ли какую либо существенную пользу для Оренбургскаго края это поселеніе въ торговомъ отношеніи, архивныя данныя говорятъ очень мало. Въ дѣлѣ же распространенія религіозныхъ убѣжденій среди мѣстныхъ инородцевъ Татары сдѣлали большой шагъ впередъ. Вмѣсто ожидаемаго „укрѣпленія Киргизцевъ въ вѣрности и удержанія ихъ отъ набѣговъ и хищничества въ границахъ нашихъ“, Каргала чуть не первая начала распространять ненависть къ Россіи, въ ущербъ развитію православія, которое легко могло привиться къ плохо-укрѣпленнымъ въ Магометовой вѣрѣ инородцамъ, если бы правительство Русское обращало на это побольше вниманія. Достаточно указать на то, что даже теперь изъ числа всѣхъ инородцевъ въ Оренбургскомъ краѣ [1]) исповѣдуютъ православную вѣру только 144,915 челов., остальные же Магометане (1,354,663 чел.) или язычники. Ясно, что послѣдователи Магомета и въ настоящее время имѣютъ еще большой перевѣсъ въ своей численности [2]). Но что же было, когда Оренбургскій край только что заводился, а для Магометанскихъ муллъ было открыто широкое поле дѣятельности?

Неплюевъ въ этомъ случаѣ первый [3]) сдѣлалъ ошибку предоставленіемъ права переселяться сюда другимъ инородцамъ, когда въ этомъ краю и своихъ-то хоть отбавляй, и къ тому же такихъ поселенцевъ, которые враждебно относились къ Россіи, ко всему Русскому вообще и къ христіанству въ особенности; ибо, намъ кажется, никто не отвергнетъ, что магометанство идетъ въ разрѣзъ съ основой Евангельскаго ученія, преслѣдующаго конечную цѣль—„возлюби ближняго, какъ самого себя“, чего нѣтъ въ Алькоранѣ, научающемъ своихъ послѣдователей: „око-за-око, зубъ-за-зубъ“.

Слѣдуя этому завѣту, Казанскіе, или Вятскіе, или какіе либо другіе Татары, какъ бы они ни были обласканы Россіей, и какъ бы ни были стѣснены въ строгихъ рамкахъ подчиненія, никакимъ образомъ и никогда не могутъ забыть того благодатнаго времени, когда ихъ предки владѣли чуть не всей вселенной и когда слава о ихъ величіи гремѣла отъ одного конца свѣта до другаго. Вѣдь и у нихъ есть своя исторія, хотя подъ часъ съ вы-

---

[1]) По отчетамъ за 1892 г. Уфимск. миссіонер. Общества и Михайло-архангельск. братства (въ г. Оренбургѣ) насчитывается всего 1,599,014 д. туземнаго населенія: Башкировъ Татаръ, Чувашей, Мордвы, Черемисъ, Вотяковъ, Мещеряковъ (кромѣ Киргизъ Тургайской и Уральской областей).

[2]) Всего населенія въ двухъ губерніяхъ, Уфимской и Оренбургской, считается 3,335,731 человѣкъ.

[3]) До него переселеніе Магометанъ не допускалось.

мышленными эпизодами, но за то съ картинными описаніями героизма ихъ богатырей, ихъ былой силы и мощи. Погромъ Казани, разгромъ Астрахани, потомъ окончательное уничтоженіе Яицкими казаками Золотой Орды еще живутъ въ ихъ сердцахъ мечтою снова когда нибудь возстановить прежнее величіе Татарскаго царства, къ чему со стороны инородцевъ не разъ были попытки даже въ позднѣйшія времена. Стоитъ вспомнить мятежи Башкировъ 1645 г., 1662 г., 1676 г., 1704 г., 1735 г., 1740 г., 1755 г. и наконецъ 1773 и 1774 годовъ и волненія Киргизовъ, не перемежающіяся почти со дня присоединенія ихъ въ 1734 г. къ Россіи до покоренія ханствъ Коканскаго и Бухарскаго, когда такимъ образомъ широкая Зауральская степь была обведена новыми Русскими владѣніями. И во всѣхъ этихъ волненіяхъ главными руководителями и подстрекателями непремѣнно такъ или иначе замѣшивались Татары и Магометанскіе муллы (т. е. священники).

Однако, не смотря на это зло, правительство Русское, видимо, не сознавало его и при дальнѣйшихъ нововведеніяхъ на этой окраинѣ руководилось также Неплюевской „мудрой" политикой. И хотя потомъ, указомъ императрицы Екатерины II на имя Уфимскаго губернатора, генералъ-поручика Пеутлинга отъ 15-го Іюня 1792 г., изъ числа Сеитовскихъ жителей „не состоятельныхъ (?) къ узаконенному платежу сбора" и было причислено къ Уфимскимъ нерегулярнымъ войскамъ 686 душъ крестьянъ, 168 мѣщанъ и 1820 купцовъ „для употребленія въ свойственную ихъ званію службу", почему „рекрутовъ съ нихъ не брать, но при томъ не препятствовать, буде кто изъ нихъ пожелаетъ записаться въ купечество или мѣщанство"; но этой мѣрой перечисленія Каргалинцевъ въ казаки для усиленія вновь организуемаго Оренбургскаго казачьяго войска врядъ ли достиглась какая либо существенная польза въ смыслѣ воспрепятствованія вліянію Сеитовскаго посада на остальныхъ туземцевъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Слова нѣтъ, усиленіе служилаго элемента въ Оренбургскомъ, какъ пограничномъ съ Киргизской степью и Средней Азіей краѣ, было крайне необходимо, и сами мѣстные туземцы не отказывались нести всѣ тягости безпокойной сторожевой службы и даже охотно, какъ это видно изъ того, что, когда высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 5-го Января 1819 года повелѣно было „изъ казачьяго званія" 4-го кантона Оренбургскаго войска *Каргалинской* станицы исключить 467 человѣкъ съ обращеніемъ въ податное сословіе „въ такой родъ жизни какой сами они изберутъ", то они не захотѣли снова быть „мужиками" и вновь зачислились въ Башкирско-мещерякское конное войско; но это еще далеко не доказываетъ въ нихъ особеннаго усердія къ Россіи. Зарубежные поселенцы Киргизы были ближе имъ по духу, племени, вѣрѣ и обычіямъ... А старинная Русская пословица говоритъ: „свой своему по неволи братъ". И усиленіе такимъ образомъ войсковыхъ частей тѣмъ населеніемъ, которое само нуждалось въ правительственномъ надзорѣ и которое при первой возможности,

не задумываясь, готово встать на сторону противника, было страшною аномалiей....

По высочайше утвержденному 3-го Iюля 1836 года мнѣнiю Государственнаго Совѣта, землемѣромъ Монахтинымъ произведено было генеральное обмежеванiе Сеитовскихъ дачъ, и изъ числа ихъ (по судебному рѣшенiю) было выдѣлено 32 тыс. десятинъ въ собственность владѣльцевъ мѣдиплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ гг. Пашковыхъ, а у Сеитовцевъ осталось лишь 32,294 дес. 331 саж. во владѣнiи [1]), при чемъ 363 челов. Башкиръ оказались безземельными [2]). Каргала была поставлена въ самыя благопрiятныя рамки безъ посредничества посторонних вести сношенiя не только съ Казанью и другими мѣстностями Россiи, но и съ Хивой, Бухарой и Коканомъ. Для торговли въ ней былъ свой особый гостиный дворъ (караванъ-сарай), сохранившiйся по сiю пору, съ 260-ю лавками, изъ которыхъ 15-ть даже каменныя. Въ нихъ можно было найти все, что нужно туземцу, которому поэтому не было никакой надобности тащиться еще за 18-ть верстъ въ Оренбургъ или на Мѣновой дворъ за Ураломъ, такъ какъ въ Каргалѣ къ тому-же былъ каждодневный базаръ. Выгода въ торговлѣ на сторонѣ ея была еще та, что на Оренбургскомъ мѣновомъ дворѣ за привозимые изъ Киргизской степи и Средне-Азiатскихъ ханствъ товары платилась таможенная пошлина, между тѣмъ какъ въ Каргалѣ публично и частенько сбывалась контрабанда. Въ числѣ Сеитовскихъ купцовъ значились такiе тузы, которые ворочали милiонными оборотами, получали товары изъ первыхъ рукъ, прямо изъ Москвы или съ Нижегородской ярмарки, и сами отправляли въ Азiятскiя страны торговые караваны.

Расположившись очень удобно, какъ разъ на трактѣ изъ Уфы въ Оренбургъ, бокъ-о-бокъ съ Прiуральской Башкирiей и всего въ 20-ти верстахъ

---

[1]) Изъ числа этихъ оставшихся угодiй 32 т. были пожалованныя по привилегiи Елисаветы Петровны въ числѣ 64 тыс. дес., а остальныя прiобрѣтены, какъ сказано выше, покупкою у Башкиръ.

[2]) Впослѣдствiи эти Башкиры ходатайствовали о надѣленiи ихъ землей особо отъ прочихъ; но управляющiй 10 кантономъ въ донесенiи своемъ 5-го Iюня 1849 г. № 2494 на имя управляющаго Башкирскимъ войскомъ пояснялъ, „что всѣ жители Сеитовскаго посада, какъ то купцы, мѣщане, государственные крестьяне и Башкирцы, на состоящiя при посадѣ земельныя угодья имѣютъ одинаковыя права; потому что всѣ жители этихъ 4-хъ сословiй происходятъ отъ тѣхъ же 200 семействъ, которыя, по указу императрицы Елисаветы Петровны въ 1745 году, были вызваны сюда изъ Казанской и Вятской губернiй, поселены въ этой мѣстности для распространенiя торговли и надѣлены тогда землею, которая и нынѣ состоитъ въ общемъ всѣхъ посадскихъ жителей владѣнiи; поэтому, въ случаѣ перечисленiя проживающихъ въ посадѣ государственныхъ крестьянъ въ Башкиро-Мещерякское войско, никакого затрудненiя въ пользованiи ими земли встрѣтиться не должно: они должны остаться при тѣхъ же самыхъ участкахъ, какими пользуются нынѣ, на равнѣ съ находящимися“. Руководствуясь, видимо, этимъ, Оренбургское губернское по крестьян. дѣламъ присутствiе постановленiемъ 10-го Ноября 1883 г. на просьбу Сеитовскаго Башкира Хасянова опредѣлило: „сдѣлать распоряженiе о надѣленiи просителя съ прочими (363-мя) безземельными Башкирами установленнымъ количествомъ земли“.

отъ Киргизской степи, Каргала вела непрерывныя сношенія съ туземцами, которые никоимъ образомъ, ѣдучи по какимъ либо надобностямъ въ г. Оренбургъ (столицу своего края), не могли миновать ее. Нескончаемые обозы Башкиръ и Чувашей съ лыкомъ, мочаломъ, углями и дровами тянулись сюда изъ Башкиріи, а отсюда туда съ товарами или изъ Илецкой Защиты съ солью. Киргизы также не забывали ея и пріѣзжали сюда не только для сбыта своихъ произведеній, но и воздать должное Высшему Существу Худаю [1]): потому что въ Оренбургѣ раньше не было ни одной Магометанской мечети [2]); въ Каргалѣ же, со дня перваго ея основанія, какъ говоритъ Рычковъ, „о срединѣ жила на каменномъ фундаментѣ сдѣлана такая *мечеть*, которой больше и лучше, какъ сказываютъ, во всей *Казанской* губерніи нынѣ нѣтъ“ [3]).

Обширный кругъ покупателей, значительные торговые обороты, конечно, способствовали быстрому росту населенія, съ возведеніемъ лучшихъ построекъ для домовъ молитвы. Къ сожалѣнію, о численности жителей Сеитовскаго посада, домовъ и прочихъ сооруженій въ архивахъ мѣстныхъ не имѣется точныхъ свѣдѣній; только въ Топографіи Рычкова (стр. 255) показано, что при первомъ поселеніи Каргалы жителей насчитывалось 1158 душъ муж. п., изъ которыхъ 998 д. платили подушныя деньги въ Оренбургскую губернскую канцелярію, „а за 160 душъ до будущей ревизіи отсылаются на прежнія ихъ жилища“. „Двороваго числа въ оной слободѣ имѣется до трехъ сотъ дворовъ“.

Въ настоящее время, по переписи спеціально произведенной особой комиссіей отъ мѣстнаго статистическаго комитета, въ 1889 году [4]), въ Каргалѣ насчитывается жителей всего 7625 д. об. п., изъ нихъ 3828 муж. и 3797 жен., раздѣляющихся по сословіямъ на мѣщанъ—3590 чел., купцовъ—171, почетн. гражданъ 34, казаковъ—4, Башкировъ 3709 и непоказавшихъ сословія (такъ называемыхъ разночинцевъ) 117 человѣкъ. Домовъ—1203, которые по матеріалу постройки распредѣляются такъ: каменныхъ—259, деревянныхъ—467, смѣшанныхъ—268, мазанковыхъ—73 и плетневыхъ 136. Не смотря на такую сравнительную малочисленность жителей, въ посадѣ, кромѣ гостинаго двора съ 260 лавками для богомоленія и проповѣдыванія Магометанскаго ученія имѣется *девять* мечетей, изъ коихъ три

---

[1]) Киргизы называютъ Бога—Худай.

[2]) Первая мечеть въ Оренбургѣ построена въ 1785 г. См. высочайшій рескриптъ на имя Симбирско-Уфимскаго генералъ губернатора барона Игельстрома отъ 4 Сентября 1785 года.

[3]) Топографія Оренбур. губ. по изд. 1887, стр. 256. Свѣдѣнія, собранныя Рычковымъ объ этомъ въ 1748 г., напечатаны въ первый разъ въ 1762 г. въ ежемѣсячномъ изданіи Миллера „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе“.

[4]) См. отчетъ Оренбур. губ. стат. комит. за 1889 г. стр. 33—37.

каменныя [1]) съ такимъ же количествомъ (т. е. девять же) медресе при нихъ. И еще 5 каменныхъ и 2 деревянныхъ мукомольныхъ мельницъ, водяныхъ и вѣтряныхъ, куда для помола наѣзжаютъ окрестные жители за пятьдесятъ и больше верстъ.

Такимъ образомъ, только вслѣдствіе этого обилія мечетей и школъ Татарскихъ (а Русскихъ школъ ни одной, чего нѣтъ въ другихъ ближайшихъ инородческихъ поселеніяхъ), Каргала имѣетъ полную возможность привлекать къ себѣ окрестныхъ инородцевъ, помимо торговли, своей „ученостью“ и какъ бы „святостью“ своего поселенія: ибо въ школахъ ея преподаются грамота и вѣроученіе чисто—Татарскія, что́ болѣе всего по душѣ туземцамъ - Мусульманамъ. Достаточно указать на то, что изъ числа 905 душъ об. пола грамотныхъ [2]), только 38 человѣкъ обучены порусски и потатарски, а остальные 867 д. не знаютъ другой грамоты, кромѣ Татарской. Если же къ этому добавить, что въ этихъ школахъ обучается каждогодно около 500 мальчиковъ отъ 10 до 14 лѣтъ, т. е. почти всѣ мальчики школьнаго возраста [3]), то будетъ понятно, что уже съ молодыхъ лѣтъ Каргалинцы идутъ по стезямъ отцовъ и научаются различнымъ, надо думать, премудростямъ въ Магометанскомъ духѣ. Никому неизвѣстно, что́ тамъ преподается и какое муллы-учителя даютъ подростающему поколѣнію направленіе... Но трудно повѣрить, чтобы тамъ, въ ущербъ завѣтамъ Магомета, проповѣдывалась любовь къ ближнимъ, любовь или хоть уваженіе къ остальнымъ народамъ, не исповѣдующимъ Магометову религію.. [4]) И можно-ли, послѣ этого, встрѣтить въ нихъ истинныхъ друзей христіанства, православія и Россіи?... А сколько-же такихъ грамотѣевъ распространилось по лицу земли родной со дня существованія Каргалы по сію пору?.. Увы!, о томъ молчитъ исторія...

Корнетъ Степановъ.

---

[1]) По отчету 1891 г. число каменныхъ мечетей показано шесть.

[2]) По переписи 1889 года, стр. 86.

[3]) По переписи 1889 г., мальчиковъ отъ 10 до 15 лѣтъ въ Каргалѣ насчитано только 364 чел.; остальные же, недостающіе до нормы 136 человѣкъ, видимо, изъ другихъ Магометанскихъ деревень.

[4]) Вспомнимъ, что самымъ тяжелымъ преступленіемъ передъ Аллахомъ является посягательство на его единство, и поэтому ученіе о Св. Троицѣ ненавистно магометанину; для него *мюшрикъ*-презрѣннѣйшее существо; вся вселенная раздѣлена на міръ ислама (Даръ-уль-Исламъ) и міръ войны (Даръ-уль-Харабъ) и *газаватъ* или *джигадъ* (священная война) является для него первою обязанностью. Замѣчательно слѣдующее мѣсто изъ завѣщанія Омара: „мы и наши потомки должны поѣдать христіанъ до тѣхъ поръ пока существуетъ исламъ“. Ю. Б.

НОВЫЯ СООРУЖЕНІЯ ВЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ.

Непщую, яко во днѣхъ княженія князя великаго Ивана, сына Ивана, тогда начаша приходити христіане и обходити сквозѣ вся лѣсы оны, сотвориша себѣ различные многіе починцы и преждереченную *исказиша пустыню, и не пощадьша*, и составиша села и дворы многи. (Епифаній Премудрый, Житіе преподобнаго Сергія).

Въ послѣдніе годы, около Троице-Сергіевой Лавры производятся громадныя постройки, заслуживающія особаго вниманія со стороны всѣхъ, кому дороги славная обитель преподобнаго Сергія и ея древности. Этотъ знаменитый монастырь, столь близкій Русскому сердцу, окруженный ореоломъ святости, замѣчателенъ также и своими историческими памятниками, цѣнными какъ для образованнаго любителя древности, такъ и для простеца-богомольца. Нѣтъ сомнѣнія, что древности эти надлежитъ тщательно сохранять и, если возможно, то и возстанавлять въ прежнемъ видѣ.

Богомольцы, посѣщающіе Троице-Сергіеву Лавру, могутъ и не замѣтить тѣхъ громадныхъ зданій, которыя воздвигнуты за послѣднія 4—5 лѣтъ за Лаврой и примыкаютъ къ ея западной стѣнѣ. Извѣстія объ этихъ постройкахъ почти не появлялись въ печати *). Западная стѣна Лавры проходитъ по берегу неглубокаго оврага, по которому протекаетъ рѣчка Кончура; за оврагомъ расположена такъ называемая Ильинская слобода (Въ старое время мѣстность эта называлась Красной горою; она памятна по осадѣ Лавры Поляками, 1608—1610 гг.: здѣсь стояли укрѣпленія непріятелей и отсюда они обстрѣливали монастырь). По другую сторону оврага нынѣ сооружено громадное 3-хъ этажное зданіе (со стороны оврага оно даже въ 4 этажа), увѣнчанное куполами, потому что въ немъ находятся двѣ церкви, изъ которыхъ одна—въ нижнемъ этажѣ, а другая—въ 3 этажѣ, въ два свѣта. Зданіе это имѣетъ до 36 саж. въ длину и 15 въ ширину. Когда подъѣзжаешь къ Лаврѣ по желѣзной дорогѣ, лишь одни купола виднѣются изъ-за деревьевъ Пафнутьева сада, прилегающаго къ Лаврѣ съ южной стороны. Въ это зданіе переведены изъ Лавры больница и богадѣльня для иноковъ и монастырскихъ „трудниковъ" (слугъ), помѣщенія которыхъ въ самой Лаврѣ были слишкомъ

---

*) Лишь „Церковныя Вѣдомости" сообщили не такъ давно свѣдѣнія объ этихъ постройкахъ по поводу освященія церкви въ главномъ зданіи.

тѣсны и неудобны. Одна изъ церквей, верхняя, во имя св. Іоанна, Списателя Лѣствицы, была освящена 10 Ноября прошлаго (1896) года. Зданіе это соединяется съ древними стѣнами Лавры другимъ длиннымъ и узкимъ, которое переброшена черезъ оврагъ и поднимается у самой ограды въ видѣ башни надъ воротами, чрезъ которые могутъ проходить крестные ходы, совершаемые вокругъ Лавры. Въ верхнемъ этажѣ этой башни помѣщены библіотека покойнаго о. намѣстника Лавры архимандрита Леонида (Кавелина) и библіотека редакціи „Троицкихъ Листковъ". Въ этомъ двухъ этажномъ зданіи находятся разныя мастерскія, типографія для печатанія „Троицкихъ Листковъ", переплетная, столярная, малярная и другія, а верхній этажъ занятъ разными кладовыми. Къ Сѣверу отъ этихъ зданій большое пространство по оврагу и его склонамъ обнесено высокой каменной оградой съ чугунной рѣшеткой, близъ которой выстроенъ особый домъ для заразныхъ больныхъ. Ограда эта примыкаетъ къ сѣверо-западному углу Лавры. Здѣсь, а равно и между новыми зданіями и Пафнутьевымъ садомъ, предполагается также развести садъ.

Такимъ образомъ, за Лаврой возникаетъ какъ-бы другой монастырь.

Всѣ эти грандіозныя постройки произведены быстро, благодаря неутомимой энергіи настоящаго о. намѣстника Лавры, архимандрита Павла. Говорятъ, что стоимость ихъ простирается до 300.000 р., не считая работъ, произведенныхъ хозяйственнымъ способомъ.

Безъ сомнѣнія, всѣмъ этимъ учрежденіямъ, вынесеннымъ нынѣ изъ древнихъ стѣнъ обители преподобнаго Сергія, было тѣсно въ Лаврѣ; въ новыхъ зданіяхъ они размѣстятся гораздо удобнѣе; съ открытіемъ собственной типографіи дѣло изданія „Троицкихъ Листковъ" должно еще расшириться (типографію ранѣе было негдѣ помѣстить въ стѣнахъ Лавры, а открыть ее въ посадѣ не разрѣшало высшее духовное начальство). Какъ извѣстно, Троице-Сергіева Лавра занимаетъ сравнительно небольшую площадь (длина монастырской ограды 642 саж.); въ Лаврѣ находится Московская Духовная Академія, занимающая весь сѣверовосточный уголъ монастыря; тѣснота и невозможность капитально перестроить лаврскія зданія, при расширившемся хозяйствѣ обители, давно уже озабочивали монастырскія власти. Говорятъ, будто одно время возникло предположеніе о переводѣ Академіи изъ Лавры на другое мѣсто (напр. въ зданіе новой Лаврской гостинницы или въ г. Москву). Поэтому нельзя не отнестись весьма сочувственно къ энергіи лицъ, разрѣшившихъ эти затрудненія и сумѣвшихъ изыскать средства для сооруженія такихъ грандіозныхъ зданій.

Тѣмъ не менѣе, любителю старины какъ-то грустно смотрѣть на всѣ эти новыя постройки, примкнувшія къ древнимъ стѣнамъ Лавры, какъ бы красивы, внушительны и полезны онѣ ни были; потому что нынѣ нарушена съ Запада цѣлость древней обители, освященная вѣками, измѣнился видъ ея, столь дорогой и знакомый Русскому сердцу. Какія воспоминанія соединяются

съ этимъ видомъ, именно здѣсь! Отсюда, съ Запада, благодаря оврагу, монстырь всего болѣе представлялся „городомъ“, крѣпостью, каковою онъ нѣкогда и былъ (XVI—XVII вв.). Съ этой стороной, по преимуществу, связаны воспоминанія о славной осадѣ Лавры, спасшей Россію. Нынѣ же величественный видъ обители искажаютъ новыя постройки, пристроенныя къ ея древнимъ стѣнамъ.

Намъ скажутъ—и въ древности стѣны Лаврскія были окружены пристройками; здѣсь, на Западѣ подъ стѣною монастыря находились напримѣръ два двора, бочаренный и солодовенный, называемые Аврааміемъ Палицынымъ въ его описаніи осады Троице-Сергіева монастыря Пивнымъ дворомъ. Сюда вели изъ Лавры черезъ Пивную башню ворота. Пивной дворъ былъ уничтоженъ въ концѣ прошлаго или началѣ нынѣшняго столѣтія; тогда же, вѣроятно, были закрыты и ворота. Но мы замѣтимъ, что Пивной дворъ, а затѣмъ баня, находившаяся на его мѣстѣ, не стѣсняли монастырскихъ стѣнъ, такъ какъ находились на днѣ оврага и не могли быть высоки. При обозрѣніи этихъ новыхъ зданій мы невольно вспомнили слова жизнеописателя пр. Сергія, Епифанія Премудраго, жаловавшагося на заселеніе мѣстности около монастыря вскорѣ послѣ его основанія: „*исказиша пустыню и не пощадѣша*“. И нынѣ исказили и не пощадили вѣковую древность! Мы далеки отъ того, чтобы осуждать полезную хозяйственную дѣятельность лаврскаго начальства и не желаемъ сказать строителямъ новыхъ зданій около Лавры слово укора, но не можемъ скрыть своего впечатлѣнія при видѣ ихъ, потому что нельзя не сознаться, что,при сооруженіи этихъ новыхъ построекъ, очевидно, не была принята во вниманіе та сѣдая старина, которая придавала особое значеніе и особенную прелесть обители препод. Сергія, что́ чувствуютъ даже иностранцы!... Съ историческими воспоминаніями нельзя не считаться, памятники древности должно тщательно хранить и оберегать во всей ихъ неприкосновенности, а тѣмъ болѣе памятники церковные. Западныя стѣны Лавры подвергались особенно жестокому натиску враговъ во время осады. Батареи, поставленныя на верху Красной горы, осыпали стѣны обители ядрами. Сильнѣйшіе приступы Поляковъ были обращены на западную стѣну, и отсюда осажденные дѣлами вылазки; тщетно пытались враги овладѣть Пивнымъ дворомъ. Можемъ ли мы живо представить себѣ эти картины, глядя нынѣ на Лавру съ Запада? Намъ кажется, что если необходимость заставила вывести изъ Лавры нѣкоторыя учрежденія и помѣстить ихъ близъ монастыря, то отчего бы не построить зданія для нихъ къ Югу отъ обители, въ Пафнутьевомъ саду, или къ Сѣверу-Западу, на мѣстѣ коннаго двора, не пристраивая ихъ къ старинной монастырской оградѣ, сооруженной еще при Грозномъ? Замѣтимъ кстати, что эти мѣста болѣе сухія, чѣмъ оврагъ, затопляемый весною р. Кончурой, протекающей подъ однимъ изъ недавно сооруженныхъ зданій.

Обратимъ вниманіе также на страннопріимный домъ для мужчинъ-богомольцевъ. Это громадное трехъ этажное зданіе сооружено близъ южной

стѣны Лавры, противъ Пятницкой церкви*), въ 1892 году, къ 500-лѣтію со дня кончины препод. Сергія. Въ такомъ страннопріимномъ домѣ давно чувствовалась настоятельная необходимость. Въ то время, какъ для приходящихъ къ Троице-Сергію богомолокъ давно уже была устроена на Виѳанской улицѣ довольно помѣстительная страннопріимная при Домѣ Призрѣнія, гдѣ имъ предлагается удобный пріютъ, для ночлега богомольцевъ до недавняго времени существовалъ лишь небольшой домъ на Воскресенской площади, близъ станціи желѣзной дороги, пожертвованный обывателемъ Сергіевскаго посада Румянцовымъ. Домъ этотъ былъ весьма невеликъ, тѣсенъ и неудобенъ и находился притомъ въ отдаленіи отъ Лавры. Потому сооруженіе столь прекраснаго новаго страннопріимнаго дома для богомольцевъ составляетъ большую заслугу его строителей; но, къ сожалѣнію, нельзя опять таки не замѣтить, что это зданіе нѣсколько загораживаетъ самый красивый видъ на Лавру съ юго-восточной стороны, открывающійся, когда ѣдешь напр. въ Лавру съ вокзала желѣзной дороги; оно закрываетъ большую часть трапезной и древнія стѣны Лавры, чего не было бы, еслибы домъ этотъ былъ поставленъ южнѣе, въ Пафнутьевскомъ саду. (Замѣтимъ, что мѣсто, на которомъ стоитъ это зданіе, неудобно; оно сыро, потому, вѣроятно, что нѣкогда здѣсь, около Пятницкой церкви, были пруды, впослѣдствіи засыпанные, и страннопріимный домъ до сихъ поръ отличается сыростью). Скажутъ, стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ, о какомъ-то видѣ на монастырь? Нѣтъ, это далеко не пустяки, когда столько вѣковъ Русскіе люди съ умиленіемъ взирали на этотъ видъ, привыкли имъ любоваться. Видъ этотъ знакомъ по фотографіямъ и литографіямъ многимъ и не бывавшимъ въ Лаврѣ, а нынѣ онъ уже не тотъ... Кто можетъ поручиться, что подобнымъ же образомъ Лавру не застроятъ и съ другихъ сторонъ?!

Впрочемъ всѣ эти зданія выстроены внѣ Лавры. Но и въ самой Лаврѣ сооружено недавно зданіе, поставленное совершенно не на мѣстѣ. Мы разумѣемъ здѣсь лавку для продажи изданій „Троицкихъ Листковъ“, иконъ, картинъ, крестиковъ и т. п. Это довольно большое каменное зданіе пристроено слѣва къ св. воротамъ, надъ которыми находится церковь св. Іоанна Предтечи. Конечно, для торговли мѣсто это очень удобно; но нельзя не пожалѣть о томъ, что это зданіе пристроено къ древнимъ св. воротамъ и является совершенно неумѣстнымъ придаткомъ къ нимъ, потому что нисколько не гармонируетъ ни съ ними, ни съ надворотной церковью, которая устроена 200 лѣтъ тому назадъ. Эта лавка значительно выступаетъ во дворъ и загораживаетъ видъ, который открывается на монастырскій дворъ, храмы и зданія лаврскія, когда вы проходите святые ворота; часть большой липовой аллеи, посаженной еще по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны, была, конечно, безъ пощады вырублена. Самая торговля, столь широко рас-

*) Церковь эта, бывшая до недавняго времени приходскою, передана нынѣ въ вѣдѣніе Лавры и къ ней приписана въ прошломъ году. На этомъ мѣстѣ находился Пятницкій или Подольный (женскій) монастырь, принадлежавшій нѣкогда Лаврѣ. А. Н. О. Въ немъ доживала злосчастный вѣкъ свой царевна Ксенія Борисовна, дочь Годунова. П. Б.

кинувшаяся здѣсь, на святомъ мѣстѣ, по нашему мнѣнію, совершенно неумѣстна; ее слѣдовало бы отнести куда-нибудь подальше, на другое мѣсто.

Замѣтимъ кстати, что мы были удивлены, когда, посѣтивъ недавно Лавру, увидѣли, что всѣ старинныя надгробія и обветшалые кресты на могилахъ около церкви Сошествія Св. Духа и Трапезной нынѣ уничтожены, и остались лишь болѣе цѣнные памятники; около Трапезной разбитъ на ихъ мѣстѣ цвѣтникъ. Спору нѣтъ, эти мѣста стали красивы; но врядъ ли справедливо подобное отношеніе къ умершимъ, за могилы которыхъ въ свое время были заплачены деньги, тѣмъ болѣе, что надгробныя плиты потомъ валялись на берегу рѣчки, недалеко отъ колодезя преп. Сергія (иныя впрочемъ были сложены во впадинахъ надъ трапезной).

Намъ кажется, что обители преп. Сергія не слѣдовало бы руководствоваться подобными торговыми взглядами, строить и ломать лишь соотвѣтственно съ выгодой и удобствомъ, но что ей необходимо считаться и съ требованіями художественнаго вкуса и съ уваженіемъ къ старинѣ. Мало того, намъ кажется, что такой монастырь, какъ наша знаменитая святая Лавра Сергіева, и своими рамами, и зданіями, и стѣнами съ башнями, должна представлять своего рода церковно-археологическій музей, священный для Русскихъ людей, которые дорожатъ своимъ прошлымъ, и цѣнный для археологической науки.

А. Н. О.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРЫ ОСИПОВНЫ СМИРНОВОЙ

(ур. Россетъ).

1855-й годъ.

Новое царствованіе.

Нижеслѣдующія выдержки изъ писемъ, въ которыхъ А. О. Смирнова передавала одному Московскому пріятелю своему новости политическія и дворскія, сообщены въ „Русскій Архивъ“ ея дочерью Надеждою Николаевной Сорѣнъ, нашедшею ихъ въ бумагахъ, унаслѣдованныхъ ею отъ сестры ея Ольги Николаевны Смирновой (наслѣдники того лица, къ которому письма эти писаны, возвратили ихъ А. О. Смирновой). Подлинники писаны большею частью пофранцузски, иногда понѣмецки и порусски. П. Б.

I.

8 Марта (1855, С.-Петербургъ).

Мы съ вами еще не сказали другъ другу слова со времени великаго событія, которымъ пораженъ весь міръ. Въ жизни народовъ словно произошла минутная задержка, и они какъ будто задаютъ себѣ вопросъ, какъ имъ быть теперь. Таково, на самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе, произведенное этою великою вѣстью, которая, благодаря телеграфу, облетѣла, какъ молнія, весь образованный свѣтъ. Не стало того, на кого были устремлены съ тревогой взоры всего міра, того, кто при своемъ послѣднемъ вздохѣ сдѣлался столь великой исторической фигурой. Смерть его меня несказанно поразила христіанской простотой всѣхъ его послѣднихъ словъ, всей его обстановки. Подробности вамъ извѣстны; я узнала ихъ отъ Мандта, отъ Гримма, его стараго камердинера, и наконецъ отъ Государыни и Великой Княгини Маріи. Мандтъ сообщалъ мнѣ о теченіи болѣзни (у меня самой былъ въ это время гриппъ, и я лежала въ постели). Я пошла посмотрѣть эту комнату, скорѣе келью, куда, въ отдаленный уголъ своего огромнаго дворца, онъ удалился, чтобы выстрадать всѣ мученія униженной гордости своего сердца, уязвляемаго всякою раною каждаго солдата, чтобы умереть на жесткой и узкой походной кровати, стоящей между печкой и единственнымъ окномъ въ этой скромной комнатѣ. Я видѣла потертый ко-

верчикъ, на которомъ онъ клалъ земные поклоны утромъ и вечеромъ передъ образомъ въ очень простой серебряной ризѣ. Откуда этотъ образъ, никому неизвѣстно. Въ гробъ ему положили икону Божіей Матери Одигитріи, благословеніе Екатерины при его рожденіи. Сильно подержанное Французское Евангеліе, подарокъ Александра Павловича (его онъ, какъ самъ мнѣ говорилъ, читалъ каждый день, съ тѣхъ поръ какъ получилъ его въ Москвѣ послѣ бесѣды съ братомъ Александромъ у Храма Спасителя); экземпляръ Ѳомы Кемпійскаго, котораго онъ сталъ читать послѣ смерти дочери [1], нѣсколько семейныхъ портретовъ, нѣсколько батальныхъ картинъ по стѣнамъ (онъ ихъ собственноручно повѣсилъ), туалетный столъ безъ всякаго серебра, письменный столъ, на немъ прессъ-папье, деревянный разрѣзательный ножъ и Одесская бомба: вотъ его комната. Онъ покинулъ свои прекрасные апартаменты для этого неудобнаго угла, затеряннаго среди тѣсныхъ коридоровъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы приготовить себя для еще болѣе тѣснаго жилища. Эта комната находится подъ воздушнымъ телеграфомъ. Гриммъ, служившій при немъ съ ранней молодости, заливаясь слезами, говорилъ мнѣ, что онъ послѣ Альмы долго не спалъ, а только два часа подъ рядъ проводилъ въ сонномъ забытьи. Онъ ходилъ, вздыхалъ и молился даже громко среди молчанія ночи [2]. Мнѣ кажется, что онъ въ это время именно раскрылся какъ человѣкъ вполнѣ Русскій.

Гизо разсуждая какъ-то о его дѣйствіяхъ во время войны: сказалъ про него чрезвычайно замѣчательную вещь, [3]): «онъ никогда не умѣлъ быть ни вполнѣ Русскимъ, ни вполнѣ Западнымъ человѣкомъ». Это совершенно вѣрно; но понялъ ли Гизо, что въ продолженіе тридцати лѣтъ никто не задавался вопросомъ, Западнымъ или Русскимъ человѣкомъ былъ Императоръ Россіи. Было ясно, что властитель цивилизованъ, а страна варварская и что властитель велъ ее къ цивилизаціи. Въ настоящее время это варварство преодолѣло самаго абсолютнаго государя въ свѣтѣ, и двойственность, столь раздирающая страну, обнаружилась въ усиленной степени въ фигурѣ властителя этой необъятной страны, на глазахъ изумленной и испуганной Европы. Это

[1]) Александры Николаевны. род. 12 Іюля 1825, 16 Янв. 1844 вступила въ бракъ съ принцемъ Фридрихомъ Гессенскимъ, ск. 29 Іюля того же 1844 года.

[2]) Анна Ѳедоровна Аксакова передавала намъ, какъ позднею осенью 1854 года, въ Гатчинѣ, засидѣвшись вечеромъ позже обыкновеннаго и заглянувъ въ окно, выходившее на тамошнюю дворцовую площадь (гдѣ памятникъ императору Павлу), она увидала чью-то долгую тѣнь. Это былъ Николай Павловичъ: онъ ходилъ по площади и, останавливаясь передъ церковью, клалъ земные поклоны. П. Б.

[3]) 1828—1829 годовъ.

напоминаетъ мнѣ слова Гоголя (да будутъ они пророческими!): другія государства почтительно сторонятся, чтобъ дать Россіи надлежащую дорогу.

Конечно главнымъ образомъ пьедесталъ, на который Богъ помѣстилъ Николая, содѣлывалъ его фигуру столь величественною, и смерть Александра, какова бы ни была его личность, также взволнуетъ Европу, и это волненіе не прекратится до тѣхъ поръ, пока *великій вопросъ* не будетъ порѣшенъ. Когда Европа пойметъ, что съ вопросомъ кончено, что громкія фразы о прогрессѣ, гуманности и цивилизаціи не касаются болѣе насъ въ нашемъ отдѣленіи отъ другихъ, она мало по малу перестанетъ обращать на насъ исключительное вниманіе. Интересно узнать, когда мы поймемъ этотъ вопросъ. И если императоръ Николай подчинялся временному вліянію, то въ какой степени другіе вынуждены будутъ подчиниться совершившейся нравственной революціи въ Россіи? Ясно, что они погибнутъ, если ей не подчинятся. Мнѣ кажется, что жизнь бьется во всѣхъ порахъ Россіи и что послѣднія пятнадцать лѣтъ подавленія произвели дѣйствіе какъ разъ обратное тому, чего желали и что̀ дѣлали, слѣдуя инстиктивно внушеніямъ въ высшей степени абсолютной натурѣ. Именно тамъ, гдѣ предполагали полную смерть, чувствуется возрожденіе.

Перейдемъ теперь къ юному императору, къ его столь трудному положенію и будемъ терпѣливы, чтобы не нарушить справедливости. Онъ несетъ бремя часто тягостное, но оно—бремя его отца, и онъ долженъ его чтить. Эти человѣческія отношенія первѣйшій долгъ, какъ вы сами знаете. Не будемъ удивляться, если протекутъ даже года, прежде чѣмъ изгладится привычка къ прошлому, которое уважаютъ по принципу и по убѣжденію.

Но вѣдь мы не привыкли идти по стезѣ благоразумія и даже не знаемъ, какъ поступать съ тѣнью того, что̀ называется свободою. И такъ не будемъ осуждать первыхъ шаговъ.

II.

1855 г. (конецъ Марта, послѣ Пасхи).

Я видѣла жениха-Милютина [1]); онъ сжегъ ваше письмо и благодаритъ васъ за копію, которую вы ему дали снять. Мнѣ говорили,

---

[1]) Говорится про Н. А. Милютина: онъ женился на Маріи Агѣевнѣ Абазѣ (нынѣ за Англичаниномъ Стилемъ) въ Апрѣлѣ 1855 года.

что Бибиковъ [1]) будетъ всегда имѣть въ виду раскольниковъ, и вотъ почему. Закревскій [2]), пріѣхалъ отсюда въ Москву и, увѣренный изъ разговора съ Орловымъ [3]), что дѣло [4]) всецѣло кануло въ воду, приказалъ разыскать Гучкова [5]) и сказалъ ему: «Вотъ видишь, дуракъ. Я тебѣ говорилъ не спѣшить, теперь и раскаеваешься! На старости лѣтъ вздумалъ вѣру мѣнять изъ угодности министру, а теперь вотъ увидишь, какая будетъ жизнь расколу.» Гучковъ ему отвѣчалъ, что перешелъ въ церковь по убѣжденію и, такъ какъ Закревскій его бранилъ и заставлялъ распространять среди купцовъ слухи объ измѣненіи въ мысляхъ правительства, то Гучковъ, вернувшись домой, написалъ ему письмо, гдѣ, изложивъ основанія, побудившія его оставить безпоповщину, въ заключеніе сказалъ: «я счастливъ, что принадлежу къ церкви Царя, которому служу и присягалъ на вѣрность.» Копію съ этого письма Гучковъ отправилъ Д. Г. Бибикову, а тотъ конечно, отослалъ къ Государю. Это чрезвычайно поразило высшія сферы. У заболѣвшаго Орлова занимались этимъ; на дняхъ соберется комитетъ подъ предсѣдательствомъ самого Государя. Милютинъ мнѣ передавалъ, что на адресѣ Остзейскихъ дворянъ Государь написалъ: поблагодарить ихъ, но зачѣмъ не по-русски? Надо надѣяться, что онъ это сдѣлалъ въ назиданіе Балтійцамъ. Въ городѣ говорятъ, что В. Д. Олсуфьевъ внушилъ ему это *по-русски*; не думаю [6]).

Вообще же ничего выдающагося не было ни сказано, ни сдѣлано. Замѣтили, что, обращаясь къ войскамъ, онъ сказалъ *вы* и *я*. Такъ какъ

---

[1]) Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, род. 1792 г., герой Турецкой и Отечественной войнъ, подъ Бородинымъ потерялъ руку. Съ 1825 по 1835 директоръ департамента внѣшней торговли, съ 1837 Кіевскій, Волынскій и Подольскій генералъ-губернаторъ. Имъ введены такъ называемые инвентари. Съ 1852 по 30 Августа 1855 г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Сконч. 22 Февраля 1870 г. Ю. Б.

[2]) Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, Московскій генералъ-губернаторъ въ 1848 по 1859 годъ, издавна благоволилъ къ старообрядцамъ. Ю. Б.

[3]) Т. е. съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ, начальникомъ Третьяго Отдѣленія Государевой канцеляріи, гдѣ вѣдались главнѣйшія дѣла внутренняго управленія. П. Б.

[4]) Т. е. дѣло о преслѣдованіи старообрядцевъ. Въ виду Крымскихъ неудачъ и въ предупрежденіе разныхъ возможностей, почитались необходимыми всякія стѣснительныя мѣры. На Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ чиновникъ Мозжаковъ дошелъ до того, что запрещалъ пѣніе и молитвы вслухъ. Въ ночь съ 18 на 19 Февраля 1885 года, новый государь телеграфировалъ въ Москву объ отмѣнѣ этого запрещенія. Объ этомъ сказывалъ мнѣ М. Н. Лонгиновъ, который служилъ тогда при графѣ Закревскомъ. Вскорѣ въ завѣдываніе Лонгинова поступило Рогожское кладбище, и тамошніе прихожане долго не могли надивиться его обращенію съ ними, имъ еще казалось, что это подвохъ. П. Б.

[5]) Ивана или Ефима? Они оба приняли единовѣріе; отецъ ихъ Ѳедоръ Гучковъ нѣкогда главное лицо на Преображенскомъ кладбищѣ, сосланный въ Петрозаводскъ, умеръ тамъ въ 1857 году. Ю. Б.

[6]) В. Д. Олсуфьевъ, женатый на Спиридовой (мать которой была урожденная Швебсъ) причисленъ съ потомствомъ къ Эстляндскому рыцарству, и гербъ его красуется въ Ревельской дворянской залѣ на Вышгородѣ. Это не мѣшало ему и не мѣшаетъ его дѣтямъ оставаться вполнѣ Русскими людьми. Ю. Б.

я состою въ числѣ ужасныхъ женщинъ, то на вопросъ, *почему* мой мужъ вернулся тотчасъ послѣ кончины Государя, я сказала правду: такъ какъ онъ хотѣлъ еще разъ его увидѣть, да къ тому же ему нечего было больше дѣлать въ Москвѣ по раскольничьимъ дѣламъ. Онъ былъ посланъ для нихъ самимъ Императоромъ, на что Закревскій негодовалъ и спросилъ его: «каковы ваши инструкціи?» На это мой мужъ отвѣчалъ: «я долженъ дать отчетъ лишь тому, кто меня послалъ» [1]).

А каковъ мой пріятель Гучковъ? Семь лѣтъ тому назадъ[2]) онъ мнѣ предлагалъ взятку, а теперь какія письма пишетъ! Онъ даже извинялся передъ моимъ мужемъ, «что онъ его и меня обидѣлъ.» Затѣмъ онъ сказалъ ему: «Александра Осиповна меня обругала подлецомъ даже за то, что я имъ деньги предлагалъ; я Александру Осиповну и васъ очень уважаю». Этимъ подробностямъ очень удивлялись *тамъ*, гдѣ не знаютъ многихъ любопытныхъ вещей.

Во дворцѣ нѣтъ болѣе чего-то такого, что́ придавало церемоніямъ важность и величіе. Какъ эти люди плохо воспитаны! Громко болтаютъ, смѣются, толкаются! Какъ страшно будетъ, когда спадетъ эта внѣшность, какая ужасная пустота обнаружится передъ всѣми!

Даже Віельгорскіе недовольны повидимому своимъ настоящимъ положеніемъ, но они найдутся, будьте увѣрены. Мишель (отецъ) говорилъ мнѣ: «я больше ничего не знаю; я потерялъ руководящую нить новостей; при этомъ дворѣ все дѣлается таинственно и втихомолку.»

III.

Апрѣль 1855 г.

Повидимому всѣ были очень удивлены, что я провела два часа съ государыней Маріей Александровной, конечно въ качествѣ ужасной женщины. Ну а вы, какъ находите мои царедворческія придворныя способности? Что́ уже продралась! Прошу вспомнить, что эта симпатія уже давно существуетъ, почти съ моего возвращенія изъ Парижа въ 1844 году; я часто говорила о ней вамъ и Гоголю.

Графъ Блудовъ печаленъ. Онъ вчера мнѣ признавался: каждодневно молюсь я Богу, чтобы онъ простилъ мнѣ то чувство презрѣнія, кото-

---

[1]) Къ сожалѣнію мы ничего болѣе не знаемъ объ этомъ порученіи, которое Николай Павловичъ далъ Н. М. Смирнову, состоявшему тогда причисленнымъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ послѣ губернаторства въ Калугѣ. П. Б.

[2]) Т. е. въ 1848 году, когда Н. М. Смирновъ управлялъ Калужскою губерніею, въ Боровскомъ уѣздѣ которой такъ много старообрядцевъ. П. Б.

рое я испытываю противъ всѣхъ людей въ настоящее время. Въ пасхальную ночь Киселевъ сказалъ ему съ явнымъ намѣреніемъ его уколоть: «вотъ два вымирающіе Русскіе варварскіе обычаи, пасхальныя лобзанія и кареты въ четыре лошади.» (Блудовъ еще ѣздитъ четверикомъ).

Я урывками опорожнила передъ вами мой коробъ новостей, такъ какъ ко мнѣ приходитъ много народу.

Мой будущій зять [1]) поступилъ въ ополченіе, и мои дочери разучили егерскіе боевые сигналы, а вашъ другъ Надежда Николаевна ихъ насвистываетъ, что̀ для барышни не совсѣмъ элегантно; но вы знаете что въ ней всегда сидитъ какое-то мальчишество. Конторщикъ Николая Михайловича передастъ вамъ это письмо; во всякомъ случаѣ пишите часто *съ оказіей*. Мнѣ сообщаютъ изъ Москвы, что тамъ разсказываютъ мою сцену съ Ф. Ф. Вигелемъ [2]) съ прикрасами; объ этомъ Соболевскій писалъ Н. М. [3]) Ей нѣтъ никакой надобности въ прикрасахъ, она и безъ того была довольно хороша; а такъ какъ Петербургъ самый маленькій городъ въ свѣтѣ, то исторія на слѣдующій день прошлась по набережнымъ, по Морской и Невскому; объ ней говорили на Сергіевской, на Литейной и даже на Васильевскомъ острову, такъ какъ М. Голицынъ пріѣхалъ поговорить со мною объ ней. Лишь Пески и Охта ея игнорировали. Тютчевъ, А. Поповъ, Шеншинъ, Константиновъ, Григорій Щербатовъ и другіе присутствовали при *исполненіи*; но однако я не бросала лампы въ Вигеля и даже не напоминала про стихи Соболевскаго [4]).

Что̀ дѣлаете вы въ Москвѣ? Стыдно сидѣть дома! Отправляйтесь на Дунай, лѣнтяй, присоединитесь къ Ковалевскому.

---

[1]) Князь Андрей Васильевичъ Трубецкой, вскорѣ за тѣмъ женившійся на (старшей изъ трехъ дочерей), Софьѣ Николаевнѣ Смирновой. П. Б.

[2]) Ф. Ф. Вигель, выразившій неприличную радость при извѣстіи о смерти Николая Павловича, сталъ бранить покойнаго въ гостинной Александры Осиповны; та заявила, что она сама не разъ говорила Государю горькую правду *въ глаза*, но поносить умершаго не позволитъ и велѣла Вигелю выйти вонъ. Блудовы также отказали ему отъ дому. Вотъ что писалъ К. Н. Лебедевъ: „Неблагодаренъ и не стоитъ довѣрія вѣкъ нашъ. Едва похоронили Государя, какъ начались толки, пересуды и порицанія открытыя и притомъ лицами мелкими, личностями, которыя пресмыкались и не смѣли дозволить себѣ рта разинуть... Память Николая, если найдетъ оправданіе, то у историковъ за его стремленіе къ единству; *современники были стѣснены этимъ стремленіемъ*." Ю. Б.

[3]) Т. е. Николаю Михаиловичу, мужу А. О. Смирновой. Ю. Б.

[4]) О Филипъ Филипичъ Вигель, тяжела судьба твоя и пр. П. А. Плетневъ писалъ Я. К. Гроту про Вигеля, 31 Января 1845 г. Извѣстенъ особенно эпиграммою Соболевскаго, гдѣ ему рифмуетъ портной Бригель, будто бы шьющій для него нижнее платье"...

IV.

Апрѣль 1855 г.

Знаете, что я снова губернаторша, въ этотъ разъ безъ затруднительнаго положенія въ провинціальномъ городѣ. Въ одинъ прекрасный день мой мужъ, только что пріѣхавъ, былъ назначенъ въ Черниговъ. Онъ изложилъ министру, что не можетъ уѣхать изъ Петербурга по семейнымъ дѣламъ. Государь написалъ на бумагѣ: «Анненкова вмѣсто Смирнова». Два дня спустя Императрица Марія Александровна потребовала меня къ себѣ. Я пробыла у нея уже около часа; мы говорили о брошюрѣ [1]) Хомякова и о письмѣ Гакстгаузена къ королевѣ Ольгѣ (Базаровъ отвѣчалъ Гакстгаузену, я вамъ дамъ съ письма копію). Взошелъ Государь. Разговаривая со мною очень милостиво, онъ сказалъ между прочимъ: «Вы знаете, что вы не будете въ Черниговѣ?» Когда я хотѣла объяснить ему причины, побудившія Николая Михайловича отказаться, онъ мнѣ отвѣчалъ: «это очень просто, я ихъ понимаю». Онъ говорилъ со мною о многихъ вещахъ долгое время и сказалъ: до свиданія! Ему представили списокъ для Петербурга, онъ написалъ сверху *Смирнова*, а тамъ не было имени Н. М. Я ничего не дѣлала для такаго рѣшенія, такъ какъ мнѣ больше хотѣлось, чтобы мой мужъ, ради его дѣлъ и имѣній, сдѣлался предводителемъ дворянства въ Москвѣ или даже въ Петербургѣ. Ему придется здѣсь чрезвычайно много работать, даже для ополченія: больницы, тюрьмы, все это Авгіевы конюшни, которыя онъ хочетъ очистить. Но вообще онъ доволенъ. Я полагаю, что Бибиковъ также стоялъ за него при этомъ назначеніи, чтобы сыграть шутку съ Закревскимъ.

V.

Апрѣль 1855 г.

Мнѣ хочется сообщить вамъ кое-что о физіономіи Петербурга за послѣднія двѣ недѣли, послѣ того какъ я вамъ послала книгу о Севастополѣ, о Вѣнской конференціи и [2]) о всемъ томъ, что́ Александръ Трубецкой разсказывалъ послѣ своего возвращенія изъ Вѣны. Но прежде всего,

[1]) Вторая изъ трехъ богословскихъ, за границею изданныхъ книжекъ А. С. Хомякова, великое значеніе которыхъ было цѣнимо покойной государыней. П. Б.

[2]) Созванная въ Вѣнѣ конференція подъ предсѣдательствомъ Австрійскаго министра графа Буоля выставила слѣдующія условія мира: 1) замѣна совокупнымъ ручательствомъ державъ Русскаго протектората надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей; 2) свобода плаванія по Дунаю; 3) закрытіе проливовъ съ цѣлью обезпечить независимость Оттоманской имперіи и положить конецъ преобладанію Россіи на Черномъ морѣ, 4) отказъ Россіи отъ права покровительства христіанамъ, подданнымъ Султана. Русскими уполномоченными на конференціи были князь А. М. Горчаковъ и В. П. Титовъ. Ю. Б.

представьте себѣ, что Петербургъ меня считаетъ въ большомъ фаворѣ при всѣхъ дворахъ; говорятъ, что я интриговала и добилась всего черезъ бѣдную Анну Тютчеву, состоящую при молодой Императрицѣ. На Аннѣ сосредоточена ненависть всѣхъ партій враждебныхъ старику Блудову. Этотъ бѣдный старикъ слыветъ за подстрекателя. За «войну во что бы то ни стало», такъ какъ онъ присоединился къ мнѣнію великаго князя Константина, и они вдвоемъ утверждали, что невозможно сдѣлать дальнѣйшія уступки; что лишь только мы уступимъ по первому пункту, Наполеонъ найдетъ способъ опять повести войну, такъ какъ война есть sine qua non его дальнѣйшаго существованія во Франціи. Мнѣ даже дѣлали съ горечью упреки за мою любовь къ Константину. Мнѣ сообщили то, чтò произошло въ Совѣтѣ, и прибавили: вашъ дорогой любимецъ Константинъ поддержалъ Блудова. Я отвѣчала: Я въ восторгѣ отъ этого и, когда я его увижу, я его поздравлю. А вотъ танцмейстеръ [1]) меня ненавидитъ, Богъ знаетъ за что, можетъ быть потому, что его посредственность стоила намъ пораженій, и я никогда не увлекалась (geschwärmt) имъ. Опять Блудовъ же будетъ отстаивать въ Совѣтѣ инвентари [2]). Въ первое засѣданіе толковали о томъ, благопріятно ли настоящее время; рѣшили, что неблагопріятно, но тѣмъ не менѣе рѣшили, что надлежитъ съ видоизмѣненіями слѣдовать системѣ и подготовлять инвентари. Нашъ другъ Скалонъ не чуждъ всему этому и говорилъ объ этомъ Блудову и даже самому Государю во время представленія.

Три дня спустя я отправилась въ Аничковъ, чтобы увидать Императрицу (А. Ѳ.), которая меня позвала. У нея я встрѣтила Константина Николаевича; онъ говорилъ о назначеніяхъ моего мужа, о Бибиковѣ, Блудовѣ и сказалъ: «вѣдь они за инвентари и, кажется, вашъ супругъ на этотъ счетъ мнѣнія Бибикова и Блудова?» Я отвѣчала: «Да и вы также, ваше высочество»». Онъ продолжалъ: «Вѣдь это подготовитъ волю; вѣдь вы знаете, что на смертномъ одрѣ Государь взялъ слово съ брата. Дай Богъ кончить войну, а потомъ начнемъ другое дѣло. Я знаю, что вы за это стоите.» Государыня одѣвалась. Я осталась одна съ нимъ. Онъ съ большимъ воодушевленіемъ разсказывалъ

---

[1]) Военный министръ, такъ прозвалъ его артиллерійскій генералъ Константиновъ, сынъ князя Голицына, Jean de Paris. П. Б.

[2]) Инвентари введены были Д. Г. Бибиковымъ въ Юго-западномъ краѣ. Императоръ Николай желалъ ввести ихъ и въ шести губерніяхъ Сѣверозападнаго края; но Польскіе помѣщики еще при его жизни прислали въ Петербургъ депутацію, которая была поддержана Александромъ Николаевичемъ, и положеніе тамошнихъ крестьянъ сдѣлалось еще тяжелѣе. Ю. Б.

мнѣ о засѣданіи, гдѣ онъ поддерживалъ Блудова противъ третьяго пункта предложенія, устроеннаго, какъ говорятъ, въ Вѣнѣ[1]) Игнатьевъ[2]) также находитъ инвентари необходимыми; думаю, что и Петербургъ подходитъ также подъ категорію *Западныя губерніи*. Полагаютъ, что Кіевское дѣло не только не остановило Государя, но склонило его измѣнить свое мнѣніе объ инвентаряхъ.

Можетъ быть, это и правда, судя по намеку, сдѣланному моимъ любимцемъ Константиномъ Николаевичемъ по поводу 8 студентовъ-Поляковъ, схваченныхъ за то, что они старались поднять крестьянъ противъ помѣщиковъ, на что они отвѣчали: «Мы не на царя, а мы противъ помѣщиковъ; мы вольные и хотимъ всѣ въ ополченіе». Когда постарались смирить ихъ воинскій пылъ, началось возстаніе. Было призвано войско, стрѣляли, было убито и ранено 30 человѣкъ. Многіе изъ здѣшнихъ воспользовались, чтобы направить все это противъ Бибикова въ надеждѣ окончательно его сокрушить; но онъ только что восторжествовалъ въ комитетѣ о раскольникахъ. Мой мужъ обѣдалъ у него сегодня, и онъ ему разсказалъ всѣ подробности. Государь предсѣдательствуетъ въ комитетѣ; вообще министръ выигралъ, но въ частности они проиграли. Войцеховичъ[3]) принесенъ въ жертву; онъ будетъ удаленъ и уже поговариваетъ объ отъѣздѣ въ свои имѣнія или о годовомъ путешествіи. Кажется, Сѵнодъ написалъ Государю благодарственное письмо за то, что онъ принялъ во вниманіе Филаретово письмо. Копіи съ него я еще не имѣю, министръ отправилъ его, не снимая копіи, а Государь держитъ его до сихъ поръ у себя.

Надо вамъ сказать, что при нашемъ дворѣ все совершается таинственно, и общество жалуется на полное незнаніе.

При покойномъ Государѣ знали все или почти все, что́ имѣло часто также свои неудобства.

19-е число (Апрѣля) породило много недовольныхъ. Парадъ былъ очень дурно веденъ; послѣ парада Государь призвалъ Арбузова и Воронцова[4]) и задалъ имъ такую ужасную головомойку, какой не запом-

---

[1]) См. пред. стр.

[2]) Графъ Павелъ Николаевичъ (род. 1797 ум. 1879). Будучи генералъ-губернаторомъ Витебской, Могилевской и Смоленской губерній, онъ подавалъ всеподданнѣйшую записку объ ужасномъ положеніи тамошнихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Ю. Б.

[3]) Алексѣй Ивановичъ, чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта. † 1881 г. Ю. Б.

[4]) Князя Семена Михайловича, который командовалъ тогда первымъ баталіономъ

нять даже при покойномъ Государѣ. Такъ какъ онъ не жестокъ, то слишкомъ горячится, когда сердится, и выходитъ изъ себя. На пасхальной заутренѣ слишкомъ переговаривались, даже читали приказъ въ самой церкви; онъ обернулся и произнесъ ужасное: «шш, потише». Всѣ такъ и ахнули. Въ прежнее время не смѣли особенно болтать въ церкви; вообразили, что съ нимъ можно больше себѣ позволять. «О Господѣ же Богѣ думаютъ немного, находясь въ святой землѣ». Прошу вѣрить, что это сочинила моя дочь Ольга послѣ одной обѣдни въ Зимнемъ дворцѣ. Теперь, когда я ѣду во дворецъ, она говоритъ мнѣ: вы ѣдете сегодня вечеромъ въ святую землю.

Моя невѣста представлялась на Пасхѣ. Она еще очень молода, чтобы выходить замужъ; но развѣ извѣстно когда либо, въ какомъ возрастѣ вы способны начать жизнь, а между 17 и 18 годами *такъ мало* разницы; размысливъ такимъ образомъ, я уступила.

Мой мужъ представлялся вчера. Вамъ извѣстно, что покойный Государь обыкновенно не принималъ губернаторовъ; желала бы думать, что это предсказываетъ перемѣну, что ихъ будутъ принимать передъ отправленіемъ на новый постъ [1]).

Государь сказалъ мужу: «Надѣюсь, что ты будешь также хорошъ, какъ въ Калугѣ. Здѣсь ты найдешь много дрязгъ въ управленіи, дѣлаются ужасныя гадости, тебѣ надобно объѣхать губернію, чтобы распорядиться на счетъ дизлокаціи войскъ». Результатомъ этого была покупка прочной коляски и засѣданіе въ тотъ же вечеръ комитета, гдѣ рѣшили отъ города поставить въ лѣтнія палаты больницъ 500 кроватей для раненыхъ и размѣстить въ частныхъ домахъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ кроватей. Подводы, пріѣхавшія изъ внутреннихъ губерній, превосходны; это вторая присылка. Тысяча этихъ повозокъ ѣдетъ въ Ямбургъ, а тысяча остается въ городѣ; ихъ послали также въ Финляндію.

Вчера получена депеша изъ Вѣны: «Гессъ [2]) еще не уѣхалъ и трактатъ еще не подписанъ. Это комично, но оно однако будетъ. И

Преображенскаго полка (въ Архивѣ котораго найдены имъ секретные бумаги по дѣлу царевича Алексѣя Петровича) П. Б.

[1]) Предсказаніе исполнилось: многіе годы сряду императоръ Александръ Николаевичъ не только принималъ губернаторовъ, но и вновь назначаемыхъ и пріѣзжавшихъ въ Петербургъ, и по долгу съ ними бесѣдовалъ. П. Б.

[2]) Баронъ Генрихъ фонъ-Гессъ, род. 1788, ум. 1863 г. Онъ въ 1854 году заключилъ договоръ съ Пруссіей по поводу Восточной войны и командовалъ отрядомъ, наблюдавшимъ въ Галиціи и Трансильваніи за военными дѣйствіями; онъ понудилъ насъ освободить устья Дуная. Ю. Б.

тогда вотъ война съ Австріей. Къ чему привело насъ наше великодушіе? Трудно предполагать, чтобы сѣверный нейтралитетъ могъ продолжаться; лишь бы намъ протянуть осень, а зима всегда была нашей союзницей.

Государь похудѣлъ; на парадѣ всѣ были поражены его усталымъ видомъ. Ополченцы идутъ въ Нарву (Иванъ городъ), и моя дочь также будетъ сопровождать туда своего мужа. Къ счастью тамъ будетъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ дамъ: Софья Бобринская, очаровательная особа, ея мужъ, двоюродный братъ моего будущаго зятя, Софья Шувалова, рожденная Нарышкина, ея мать, жена Владимира Карамзина [1]); всѣ онѣ много старше моей дочери. Вмѣсто того чтобы ѣхать въ Спасское, я провожу лѣто въ Царскомъ Селѣ; за то я буду тамъ при источникѣ новостей. Мужъ мой будетъ въ городѣ и будетъ пріѣзжать на ночь въ Царское. Всего хорошаго Аксакову. Его *Свободное слово* очень хорошо. Блудовъ читаетъ его наизусть. Норовъ послѣ своего доклада прочелъ мнѣ его [2]).

---

[1]) Рожд. баронесса Александра Ильинична Дука. Ю. Б.

[2]) Вотъ это стихотвореніе, имѣющееся у насъ въ своеручномъ, подаренномъ мнѣ подлинникѣ К. С. Аксакова. Оно написано имъ на почтовомъ листкѣ, въ верху котораго вырѣзанъ видъ Московскаго кремля. Помню живо, какъ однажды, когда мы уходили изъ засѣданія Общества Любителей Россійской Словесности, Константинъ Сергѣевичъ многократно съ необыкновеннымъ одушевленіемъ читалъ намъ наизусть эти стихи, которые какъ будто написаны на текстъ апостола Павла: „Слово Божіе не вяжется“ (2-е посланіе къ Тимоѳею, II, 9). П. Б.

Ты чудо изъ Божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ правдѣ, ты къ благу ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины гибель она,
Спасенье для лжи и порока.
Враждуетъ ли съ лестью, равно
Живитъ ее жизнію новой.
Неправдѣ опасно одно
Свободное слово.

Въ разгаръ бомбардировки Сакенъ сказалъ Нахимову, что тотъ слишкомъ открывается, особенно будучи верхомъ. «Эхъ, ваше превосходительство, это не бѣда, если васъ со мною убьютъ; а вотъ бѣда, если бы Тотлебена или князя Васильчикова». Говорятъ, что Викторъ Васильчиковъ неутомимъ; послѣ бомбардировки онъ проводитъ время съ солдатами на бастіонахъ или въ госпиталяхъ. Онъ внушаетъ безпокойство, такъ какъ замѣтно похудѣлъ. Севастополь совершенно переполненъ, и Нелидовъ (Іосафъ) пишетъ брату *), что онъ живетъ въ коляскѣ позади Инкермана, туда онъ ходитъ обѣдать и спать на нѣсколько часовъ. Говорятъ, что ждутъ приступа съ нетерпѣніемъ, и солдаты великолѣпны своимъ хладнокровіемъ и храбростью. Сегодня говорятъ, что Россія заключитъ отдѣльный договоръ съ Турціей, на этотъ разъ по соглашенію съ Пруссіей, которая будетъ гарантировать.

Союзники бомбардировали пасхальный крестный ходъ. Ихъ извѣстили, что это наше празднованіе Пасхи, полагая, что они прекратятъ огонь на нѣсколько часовъ; они же, напротивъ, стали бомбардировать съ яростью. Одна изъ сестеръ милосердія была ранена. Серафима Ушакова, та самая, что́ говорила «я только бомбы боюсь», пріѣхавъ въ Севастополь, возымѣла необычайную храбрость: она ходитъ на четвертый бастіонъ, знаменитый бастіонъ смерти, подымаетъ раненыхъ и поитъ солдатъ чаемъ. Явилась такая отвага. Она легко ранена осколкомъ гранаты, убившей нѣсколько человѣкъ рядомъ съ нею. Всѣ очень до-

---

Зачѣмъ огражденья всегда
Власть ищетъ лишь въ рабствѣ народа?
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунта—ужаснѣй звѣрей;
На ножъ онъ мѣняетъ оковы.
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово.

О слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,
Путь рабства кровавый укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ исцѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

*) Т. е. брату Смирновой, Аркадію Осиповичу Россету. Ю. Б.

вольны сестрами. Мой мужъ отправилъ 12 фельдшеровъ къ Пирогову. Онъ всѣхъ очаровываетъ, повидимому не знаетъ усталости, раненые его любятъ, и онъ ихъ вылѣчиваетъ. Старшая сестра изъ тѣхъ, которыя посланы великою княгиней Еленой, ведетъ для нея журналъ. Она говоритъ, что бомбардировка усилилась на Страстной недѣлѣ, особенно въ Великую Пятницу и на зарѣ Свѣтлаго Воскресенья. Въ крестный ходъ на Южной и Корабельной бомбы падали каждыя пять минутъ, много было убитыхъ (и раненыхъ); они умирали при пѣніи Христосъ Воскресе! Англичане, годъ тому назадъ, бомбардировали пасхальный крестный ходъ въ Одессѣ, когда городъ былъ не защищенъ. Вотъ цивилизація во всей ея прелести!

VI.

Апрѣль 1855 года.

Вѣнскія конференціи прерваны, вотъ извѣстіе отъ 12 числа. Друенъ-де-Люисъ осмѣлился предложить, чтобы Россія, Турція, Франція и Англія имѣли по четыре корабля въ Черномъ морѣ, но чтобы Турція имѣла право держать неограниченное количество кораблей на Босфорѣ, иначе говоря, чтобы Франція и Англія имѣла бы тамъ свой флотъ. Эта послѣдняя наглость произвела разрывъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Австрія въ одинъ прекрасный день рѣшится на коварство противъ насъ. Но Брей, Баварскій министръ, говорилъ вчера Тютчеву, что Пруссія en revanche рѣшится идти съ нами. Онъ сказалъ, что имѣетъ о томъ положительныя извѣстія, что она увлечетъ маленькія государства Германія, и католическая Баварія, полу-Австрійская, вообще заклятая соперница Пруссіи, въ послѣднее время обнаруживаетъ явное стремленіе идти объ руку съ Пруссіей; полагаютъ, что она склонена къ этому Саксоніей.

Въ такомъ случаѣ, Пруссія будетъ за насъ, король очень хорошо подготовилъ общественное мнѣніе, и весь протестантскій Сѣверъ будетъ за насъ, а Швеція и Данія сохранятъ нейтралитетъ. Эти замѣчанія Брея совпадаютъ со словами Вертерна (1-го секретаря Прусскаго посольства), которыя я слышала отъ него дней 8 тому назадъ. Я его спросила: «Война у насъ или миръ?» Онъ мнѣ отвѣчалъ: «если вы можете дать намъ 150.000 солдатъ, но не на бумагѣ, а на дѣлѣ, то у насъ будетъ миръ.» Повидимому, Пруссія сдѣлала въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя начинанія. Ей надо достать и обезпечить 200.000 солдатъ для Рейнскихъ провинцій. Англія принуждена въ настоящее время идти на сворѣ у этого презрѣннаго человѣка, и онъ угрожаетъ Австріи Италіей.

Прочтите брошюру Блудова*) и обратите вниманіе на завѣщаніе покойнаго императора. Ни слова о политикѣ. Оно прекрасно, особенно прибавка послѣ смерти великой княжны Александры (ск. въ 1844 г.). Она издано въ числѣ 200.000 экземпляровъ въ пользу раненныхъ и вчера въ одно утро раскуплено было 1500 штукъ.

Начальница сестеръ милосердія, Стаховичъ, ведетъ журналы для великой княгини Елены. Она пишетъ, что празднованіе нашей Пасхи совпало съ непріятельской; не предполагали, что они будутъ поддерживать огонь, но они поставили на свои баттареи Турокъ. Въ Великую Пятницу всѣ, кто были только въ состояніи присоединились къ ходу съ плащаницей со свѣчами въ рукахъ и съ пѣніемъ обошли кругомъ всѣхъ бастіоновъ; при обходѣ четвертаго бомба ранила Серафиму Ушакову.

Игнатьевъ съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ объ инвентаряхъ съ Ник. Ал. Скалономъ, который жалѣетъ, что у нихъ взяли Игнатьева. Игнатьевъ самъ мнѣ говорилъ, что край его очень заинтересовалъ.

Въ Красномъ Селѣ принято 4000 подводъ ополченцамъ, не могущимъ нахвалиться ими: лошади, телѣги, люди, все отборное. Отсюда выходитъ дивизія очень скоро въ Эстляндію. У Балтійскаго порта ходятъ уже Англичане (15 Апрѣля), опять начнутъ грабить. Полагаютъ, что они рѣшатся бомбардировать Свеаборгъ. Десанта съ ними нѣтъ. Изъ Франціи пишутъ, что красные такъ защевелились въ нѣкоторыхъ департаментамъ, что изъ Nièvre нѣкоторые помѣщики даже выѣхали.

---

*) Послѣдніе часы жизни императора Николая Перваго. 8-ка, 39 стр. Спб. 1855. Читатели „Русскаго Архива" не посѣтуютъ, если мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ завѣщанія Николая Павловича. Онъ заклинаетъ своихъ дѣтей и внуковъ „Любить и чтить своего государя отъ всей души, служить ему вѣрно, неутомимо, безропотно, до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія, и помнить, что имъ надлежитъ примѣромъ быть другимъ, какъ служить должно вѣрноподданнымъ, изъ которыхъ они первые. Благодарю, говоритъ Государь (ст. 31), всѣхъ меня любившихъ, всѣхъ мнѣ служившихъ. Прощаю всѣхъ меня ненавидѣвшихъ. Прошу всѣхъ кого могъ неумышленно огорчить меня простить. Я былъ человѣкъ со всѣми слабостями, коимъ люди подвержены; старался исправиться въ томъ, что за собой худаго зналъ. Въ иномъ успѣвалъ, въ другомъ нѣтъ, прошу искренно меня простить. Я умираю съ благодарнымъ сердцемъ за все благо, которымъ Богу угодно было на семъ преходящемъ мірѣ меня наградить, *съ пламенною любовію къ нашей славной Россіи*, которой служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой; жалѣю, что не могъ произвести того добра, котораго столь искренно желалъ. Сынъ мой меня замѣнитъ. Буду молить Бога, да благословитъ его на тяжкое поприще, на которое вступаетъ, и сподобитъ его утвердить Россію на твердомъ основаніи страха Божія, давъ ей довершить внутреннее ея устройство и отдаля всякую опасность изъ внѣ. *На Тя Господи упосахомъ; да не постыдимся во вѣки!*"

Plon-Plon называютъ Craint-Plomb; говорятъ, что онъ просто струсилъ, а потомъ все свалилъ на свое désapprobation de l'expédition.

Севастополь насъ всѣхъ губитъ. Я больна отъ него, бюллетень отъ 7-го немного насъ оживилъ.

VII.

Гессъ, тотъ самый Австрійскій генералъ, что́ былъ въ Венгріи въ 1849 году и разстрѣливалъ всѣхъ безъ разбору. Про него разсказываютъ, будто онъ сказалъ: «если бы я захватилъ Кошута, я бы его повѣсилъ вверхъ ногами», на что ему отвѣчали: «попадитесь вы къ нему, онъ вамъ оказалъ бы туже любезность». Si non e vero...

Племянникъ моего мужа, П. Голицынъ *), оставивъ камеръ-пажество, ѣдетъ въ Севастополь; его старшій братъ былъ убитъ на Дунаѣ годъ тому назадъ вмѣстѣ съ Андреемъ Карамзинымъ. Ему было 22 года, а этому 19½. Бѣдная мать въ отчаяніи, у нея изъ сыновей остался лишь онъ одинъ. Признаюсь въ своемъ малодушіи: я въ восторгѣ, что мой сынъ еще ходитъ въ красной рубашкѣ и играетъ въ лошадки. Вашъ дорогой другъ Надежда Николаевна очень воинственна, но ея полъ не позволяетъ ей совершать подвиговъ; она мнѣ принесла «Знаменитыхъ дѣтей», гдѣ она нашла, что маленькій Буфлеръ былъ раненъ, находясь передъ непріятелемъ, двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Ея будущій зять внушаетъ ей много больше почтенія съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ополченцемъ; у нея военная струнка разыгралась. Мои старшія щипятъ корпію, невѣста очень гордится, что она будущая ополченка; вы знаете, что она чрезвычайно патріотична.

Ольга на меня дуется. Она хотѣла ѣхать въ Севастополь; когда мы ей объявили, что она слишкомъ молода, она была въ ярости, теперь молчитъ съ достоинствомъ, но очень надулась. Она даже сказала мнѣ: «Вы позволяете Сонѣ выйти замужъ, а мнѣ не хотите позволить быть полезною». Отецъ сказалъ ей, что можно быть полезной, не уѣзжая, что здѣсь есть также больные. Услыхавъ о томъ, что Серафима Ушакова ранена, она сказала мнѣ съ торжествующимъ видомъ: «ну вотъ она не убита!» Онѣ были у знаменитой обѣдни сестеръ милосердія въ Смольномъ, вернулись очень взволнованными, и съ тѣхъ поръ

---

*) Петръ Николаевичъ, прапорщикъ Волынскаго полка, убитъ въ отрядѣ Хрулева 19 Апрѣля 1855 года. Его братъ Александръ, юнкеръ кирасирскаго полка, убитъ подъ Силистріей. Мать ихъ урожденная Воейкова. Ю. Б.

Ольга забила себѣ въ голову стать сестрою милосердія. Наконецъ мужъ объявилъ: «рѣшительно не позволяю». Были пролиты слезы, а затѣмъ она покорилась и теперь дѣлаетъ до изнеможенія корпію и повязки.

Признаюсь, что положеніе родителей часто бываетъ труднымъ: однѣ хотятъ выходить замужъ, другія идти въ Севастополь; надо рѣшать, и ужасно на душѣ скверно, такъ какъ, собственно говоря, не знаешь, въ правѣ ли запретить или позволить какой нибудь поступокъ. Вы знаете, что мои милые нервы примѣшиваются ко всему: смерть Государя, война, свадьба дочери, эти обстоятельства перевернули во мнѣ все вверхъ дномъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ и А. О. СМИРНОВА.

Считаемъ не лишнимъ сообщить (по записи Ольги Николаевны Смирновой) подробности о столкновеніи А. О. Смирновой съ Ф. Ф. Вигелемъ, о которомъ упоминала она выше въ письмѣ своемъ (стр. 620); онѣ характерны и для „на все озлобленнаго Мордвина" и для благороднаго друга Пушкина, Гоголя и Аксаковыхъ. Ю. Б.

Вечеромъ 18 Февраля послѣ кончины Николая Павловича, у А. О. Смирновой были нѣкоторые друзья, цѣлый день пріѣзжали къ ней съ визитами и всѣ говорили только о кончинѣ государя.

Въ 10 часовъ вечера доложили о Ф. Ф. Вигелѣ, его приняли и онъ тотчасъ же началъ говорить о государѣ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ.

Первое его слово было: «Eh bien, Nabuchodonossor n'a maleureusement pas assez brouté, c'est la seule chose que j'ai regretté ce matin en apprenant qu'il est parti. La statue est tombé et les morceaux n'en sont même plus bons, Европа насъ бьетъ по щекамъ, on crache sur nous».

А. О. встала и сказала ему: «Je vous ferai observer, Monsieur Wiegel, que d'abord j'aimais beaucoup l'Empereur si même je n'approuvais pas tout ce qui fesait et je me suis souvent permis de le lui dire en face. J'ai l'habitude de ne pas me géner en général pour dire non seulement la vérité, mais même des verités. Il n'y a que les laquais qui débinent leurs maitres derrière leur dos et les flattent en face; il y en a beaucoup dans toutes les coeurs et dans tous les salons. Mais si même j'avais haï l'Empereur, j'aurais eu le bon goût de me taire devant son cerceuil et si j'avais blamé le règne je n'aurais pas insulté la mémoire d'un homme, qui est mort le coeur brisé, dans une heure aussi tragique pour ma patrie».

Вигель язвительно улыбнулся, и сказалъ что-то очень неприличное о покойникѣ.

А. О. встала, показала на дверь и сказала: «Sortez, Monsieur, vous me manquez de respect, car vous parlez devant moi comme un gougat. Oui, l'Empereur a fait des erreurs, tout le monde peut se tromper; il avait un caractère absolu, mais chevaleresque, et il avait du coeur, de la générosité, il a été trés mal servi aussi et il a payé pour tout le monde; il a beaucoup plus souffert que ceux qui sont coupables de nos désastres, il ne faut pas jetter toute la respansibilité sur un suverain dont l'histoire dira les qualités tôt ou tard; quand au système

il l'a trouvé, et il a pleuré des nous par la bassese des courtisans, et de ceux qui péchent en eau troublée. Vous oubliez aussi, Monsieur, que si Nabuchodonossor est brisé, que la statue est en ce moment la Russie, et que sa chûte nous a meurtris. Allez! Vous êtes un médiocre patriote et un piètre libéral, vous êtes de ceux que la peine du 3-e отдѣленіе faisait taire il y a 15 jours encore. Ce sont les coups de pied de l'âne et les aboiements des roquets devant le lion mort. Des gens civilisés se découvrent devant les morts et attendent du moin leurs funérailles pour insulter leur mémoire; si toutefois, c'est faire de l'histoire que de baver des injures! Sortez, et que votre pied ne dépasse plus jamais ma porte! Si mon mari avait été ici, il vous aurait fait jeter dehors par ses laquais».

Вигель такъ оторопѣлъ, что не нашелся, поклонился и вышелъ наконецъ.

Переводъ.

Замѣтьте, милостивый государь, что прежде всего я очень любила императора и если даже я не одобряла того, что при немъ дѣлалось, то я часто позволяла себѣ говорить ему объ этомъ въ лицо. Я привыкла вообще не стѣсняться и говорю не только правду, но и правдивыя вещи. Только лакеи ругаютъ своихъ господъ за спиною и льстятъ имъ въ лицо; такого лакейства много во всѣхъ сердцахъ и во всѣхъ гостинныхъ. Но, еслибы я и ненавидѣла государя, у меня бы хватило порядочности, чтобы молчать передъ его гробомъ; еслибы я порицала царствованіе, я не стала бы поносить память человѣка, умершаго съ разбитымъ сердцемъ, во время столь трагическое для моей родины.

Ступайте вонъ, м. г., вы оказываете мнѣ неуваженіе, такъ какъ говорите въ моемъ присутствіи какъ извощикъ. Да, государь дѣлалъ ошибки, всѣ могутъ ошибаться; у него былъ характеръ абсолютный, но рыцарскій, и у него было сердце, было благородство; у него были также дурные слуги и онъ расплатился за всѣхъ; онъ много больше пострадалъ, чѣмъ виновники нашихъ пораженій; не слѣдуетъ взваливать всю отвѣтственность на властителя, о прекрасныхъ свойствахъ котораго исторія скажетъ рано или поздно.

Что касается системы, то онъ ее нашелъ, и онъ плакалъ отъ насъ благодаря низости куртизановъ и людей, ловящихъ рыбу въ мутной водѣ. Вы забываете также, м. г., что если Навуходоносоръ разбитъ, то статуя въ настоящее время есть Россія и что ея паденіе насъ пришибло. Вы посредственный патріотъ и жалкій либералъ, вы изъ тѣхъ, кого наказаніе третьяго отдѣленія недѣли двѣ тому назадъ заставило бы молчать. Это ослиныя ляганья и лай моськи надъ мертвымъ львомъ. Цивилизованные люди закрываются передъ покойниками и дожидаются по меньшей мѣрѣ ихъ похоронъ, прежде чѣмъ оскорблять ихъ память; да, наконецъ, развѣ это историческая оцѣнка брызгать ругательствами! Ступайте и чтобы ваша нога не переступала моего порога. Будь здѣсь мой мужъ, онъ велѣлъ бы лакеямъ вытолкать васъ вонъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1859-й годъ *).

Рядомъ съ важными преобразованіями, если не предпринятыми, то предпочитаемыми по всѣмъ частямъ, отдается, откликается и старый порядокъ, старая привычка. Литература, какъ раззадорившійся конь или боецъ, безпрестанно слышитъ голосъ — «сдерживайся». Управленіе болѣе обѣщаетъ, нежели слѣдуетъ гласности, и въ этомъ довольно тѣсномъ кругѣ, храбро защищается щитомъ съ девизомъ: нетрогай. Свободныя отношенія весьма нерѣдко вызываютъ внушенія, исходящія—увы!—отъ послѣдней инстанціи, ослабѣвающей какъ и ея вспомогательныя. Генералъ Ростовцевъ дозволилъ себѣ во дворцѣ, видя молодыхъ офицеровъ въ непринужденныхъ позиціяхъ при кн. Орловѣ, прочесть наставленія объ уваженіи и даже перебрать молодыхъ нарушителей, кто, гдѣ, и когда изъ нихъ воспитывался. Ему сдѣлали сцену, довольно неприличную для дворца и дерзкую для временщика. На обѣдѣ, въ пажескомъ корпусѣ, мщеніе молодежи выразилось еще сильнѣе: предложенный юбиляромъ, генер.-майоромъ Жирардо — тостъ въ честь Іакова Ивановича ошиканъ, освистанъ. Крики: «не нужно, не надобно Іакова... Якова» заставили предложить тостъ въ честь «начальника главнаго штаба», но и это неостановило шиканья. Собравъ генераловъ государь выразивъ сильное неудовольствіе: «Офицеры забываются, дисциплина ослабла; между ними являются писатели и сатиристы; я этого не потерплю. Примите мѣры ваши, а съ вами и Его высочество Ник. Ник, (новый корпусный генералъ), вы мнѣ отвѣчаете за это вашими головами». *) Надобно ожидать, что Ростовцевъ за это поплатится.

Министръ Ковалевскій, въ предупрежденіе столкновеній студентовъ съ полиціей, представлялъ объ отмѣнѣ форменной одежды и подчине-

---

*) См. Русск. Арх. 1893, I, 337.

*) Государь при этомъ упомянулъ о дуэляхъ, которыхъ въ послѣднее время было четыре: 1, кн. Долгорукова съ студентомъ Дерпт. Ун. Гр. Оппермапомъ, послѣ канкана, въ танцъ-классѣ Марцинкевича. Безъ послѣдствій, кн. Долгор. оробѣлъ. 2. гр Коповицына съ Васей Шереметевымъ (Мартыновымъ) послѣ катанья на саняхъ въ Екатерингофѣ, безъ послѣдствій, пуля найдена у Васи Шерем. въ калошѣ. 3. Гусара Нечаева съ бар. Розеномъ изъ обиды, высказанной Нечаевымъ, когда онъ сидѣлъ подъ арестомъ, и баронъ Розенъ не могъ допустить къ нему посѣтителей. Нечаевъ смертельно раненъ.

ніи ихъ общей полиціи. Подчиненіе утверждено (какъ будто его небыло прежде) и при этомъ прибавлено, что начальствомъ предписано обязать полиціи обращаться съ студентами (съ ними только) съ надлежащею учтивостію.

Генералъ Игнатьевъ оскорбилъ одного гласнаго думы, цеховаго Малкова, посадивъ его подъ арестъ по праву «61 ст. XVIII» (генералъ приводитъ статью). По жалобѣ Малкова Сенатъ приказываетъ произвести изслѣдованіе. Дѣло тянется другой годъ. Министръ юстиціи, по безуспѣшности двумысленнаго предложенія его оберъ-прокурора Любощинскаго, протянулъ дѣло это до времени, когда онъ можетъ застрощать старикамъ отказомъ въ вакантѣ, (которымъ праздные эти старики дорожатъ какъ школьники), и сего дня былъ лично въ общемъ собраніи, что бы заставить принять общее собраніе предложеніе въ защиту Игнатьева. Старики не согласились, кромѣ двухъ Генер.-Лейт. Маслова и Д. Т. С. Лубяновскаго и дѣло пойдетъ въ государственный Совѣтъ, гдѣ разумѣется примутъ мнѣніе Сената изъ опасенія нареканій. Кромѣ общихъ условій, при которыхъ водворяются въ странѣ преобразованія,—условій, чисто историческихъ, побораюіщихъ самыя геніальныя усилія,—у насъ недостаетъ для прочности нововведеній двухъ существенныхъ основаній: терпимости и постоянства начинаній, возникающихъ большею частію что бы польстить Европѣ, литературѣ, демократіи, и правильнаго пути совершенія ихъ начинаній, поручаемаго обыкновенно лицамъ, коммисіямъ и комитетамъ, которыя дѣйствуя въ новомъ дѣлѣ, безъ усвоенной обрядности, дѣйствуютъ нерѣшительно и отлагаютъ рѣшенія къ концу, при которомъ такимъ образомъ является начало.

Это послѣдствіе того господствующаго въ Европѣ порядка доктринъ, на основаніи которыхъ опытный, историческій путь развитія замѣняется систематическимъ и въ положительныхъ учрежденіяхъ явилась неопредѣленность и шаткость теорій.

Читаю я протоколъ коммисіи Ростовцова. Онѣ бродятъ возлѣ вопроса, сводятъ губернскія положенія и ищутъ пункта опора. Выкупъ ихъ путаетъ, безъ выкупа кружитъ голову страхъ бродячей свободы. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что слѣдовало начать организаціей помѣщичьей власти. Теперь это невозможно. Надобно организовать общину и опредѣлить maximum оцѣнки личности, предоставя пріобрѣтеніе собственности обоюдному согласію. Всякая другая собственность не принесетъ пользы. Надобно опасаться за ослабленіе сельскаго населенія. Земляная работа въ Россіи весьма невыгодна и могла окупаться только при обязательномъ трудѣ. Партія Панина-Орлова не согласится

на выкупъ земель. Медленность въ этомъ дѣлѣ, уничтоженіе ссудъ и возрастающая дороговизна грозятъ потрясеніемъ экономическаго быта.

Я думаю, что здѣсь правительство болѣе нежели въ другой мѣрѣ ограничено и вмѣшательство его, давъ ложную увѣренность, не поможетъ дѣлу. Я думаю что сословія владѣльцевъ и поселенцевъ должны или устроить сами, а именно: учрежденіемъ дворянскихъ и сельскихъ банковъ, занявъ первые фонды отъ правительства по 3% съ погашеніемъ и выдавая ссуды по 5%. Но для этого, кромѣ единицы личности, необходима и единица дѣлимости при двухъ главныхъ началахъ: выкупъ для помѣщика обязателенъ; въ сдѣлкахъ крестьянъ посредствуетъ правительство.

И главное начать мѣстную организацію, въ трехъ инстанціяхъ: приходъ, волость и городъ. Безъ мѣстнаго управленія не можетъ быть успѣха въ начинаніяхъ. Владѣльцы опасаются односторонности вліянія Ростовцова и къ двумъ непріятностямъ его (см. выше) хотятъ прибавить третье. Говорятъ что члены-эксперты гр. Шуваловъ и кн. Паскевичъ хотятъ оставить коммисію. Но едва ли это хороше расчитано. Не Ростовцовъ, такъ другой долженъ будетъ взяться за дѣло, а всякому другому оно будетъ тяжелѣе и потому уже, что Ростовцеву легче говорить съ государемъ. Правда, важность дѣла и несостоятельность лицъ ведутъ къ тому, что личныя отношенія здѣсь скоро уступятъ требованіямъ существеннымъ, но уловки, всякія уловки удаются рѣдко и не надолго. Уже лучше говорить и дѣйствовать какъ губернаторъ Муравьевъ и предводитель Болтинъ, въ Нижнемъ, о земскихъ расходахъ... Мы старались, говоритъ предводитель, выставлять на видъ губернскому начальству о всѣхъ злоупотребленіяхъ по расходованію общественными суммами земства и всякій разъ не встрѣчали къ нимъ никакого участія къ положенію губерніи, никакой заботы. Объ общественномъ благѣ, не видали никакихъ мѣръ, которыя принимали бы они къ огражденію отъ недавныхъ злоупотребленій на будущее время. Грустныя послѣдствія такого порядка дѣлъ прошлаго времени теперь передъ глазами нашими. Но безсильное негодованіе наше на расточителей суммъ земства и постоянный неуспѣхъ нашъ оградить интересы общественные отъ злоупотребленій, не могли не отразиться на нихъ самихъ; въ насъ невольно родилось горькое убѣжденіе въ томъ, что не пришло еще то славное время, когда правда и истина, а не произволъ и сила, должны будутъ управлять вѣсами правосудія. Такое убѣжденіе повергло насъ въ какую-то апатію, и мы невольно уже стали привыкать хладнокровнѣе смотрѣть на то, какъ трудовыя копѣйки наши, собранныя на общественныя потребности, расточались почти на воздухъ. Теперь мы проснулись и этимъ пробужденіемъ обязаны В-му

П-ву нынѣ,—продолжаетъ предводитель губернатору—«первоначальныя смѣты понижены на значительную цифру»... теперь мы будемъ уже не безмолвными свидѣтелями того, что безъ пользы, по одному только произволу растрачивались суммы земства. И, вѣроятно, высшее начальство право наблюденія, просимое нами и частно В. П-вомъ въ настоящее время намъ предоставленное, по представленіи вашему за нами укрѣпитъ положительнымъ закономъ. Этого требуетъ общественная польза «и проч.».

Да, но не мѣшаетъ потребовать этого наблюденія по всѣмъ предметамъ, въ главѣ и членахъ. Оно потребуется. Оно предоставится. А будетъ-ли польза?

Сегодня, по своему губернскому обычаю, генералъ Муравьевъ принималъ насъ въ мундирахъ — иначе, чтобы проститься передъ отъѣздомъ за границу. Его душитъ водяная и онъ отправляется по дѣламъ службы въ Ковно, Гродно и Вильно и потомъ въ Эмсъ или Баденъ. Министръ благодарилъ всѣхъ и каждаго и изъявлялъ надежду возвратясь заняться преобразованіями,—которыя мы видимъ только въ перемѣнахъ лицъ и въ обѣщаніяхъ государю увеличить доходы. Дѣло все о доходахъ. Человѣкъ этотъ изворачиваетъ систему гр. Киселева и у него одна мысль—получить побольше денегъ.

Итальянскіе бюллетени гремятъ о побѣдахъ. Два императора съ 500-ами штабами стоятъ другъ противъ друга. Трактаты европейскаго права гнутся и надламываются. Бѣдная страна обливается кровію. А чертъ народной партіи ухмыляется, потирая руки, готовый обнять и праваго и лѣваго. По всемірному свойству народнаго начала и счастіе и несчастіе итальянской кампаніи грозитъ разлитіемъ и потопленіемъ династическихъ основаній. Надобно, чтобы дипломатія согласилась на измѣненія трактатовъ. Она располосовала Европу въ неправильныя территоріи и подчинила своимъ видамъ, вліяніямъ личнымъ и случайностямъ самые существенные интересы, умственные, административные и торговые. Опасаться нужно одного: за раціонализмомъ идетъ безвѣріе и соціализмъ съ ихъ матеріальнымъ насиліемъ.

У французскаго выходца кружится голова, иначе онъ не рѣшился бы на войну, которой не оправдываетъ ни одно государство, и для которой онъ не нашелъ никакихъ гласныхъ побужденій. А закружилась голова у него отъ подобострастія лакейской его администраціи, включая сюда и законодательный корпусъ и Сенатъ, отъ подобострастія европейскихъ династовъ, и отъ сочуствія всей разнузданной французской націи всѣмъ необузданнымъ его предпріятіямъ. Повѣривъ ему три займа, нація, на новый (четвертый) въ 500 мил. подписали сумму въ 2,509,559,776 франк. на 690,190 подписчиковъ (245,025, въ Парижѣ

на 1,547,637,636 франк.—445,165 въ департаментахъ на 961,922,140 франковъ); и тутъ же внесли золотомъ 250,955,977 франковъ. Эти участники въ успѣхѣ итальянской кампаніи. При такихъ цифрахъ человѣкъ можетъ подумать: «пусть молчатъ и журналы и литература и самое общественное мнѣніе». Но торжество для людей безъ началъ и вѣроломцевъ есть ихъ гибель. Начало, осуществляемое Наполеономъ, велико и живуще, но для чистаго примѣненія его еще не пришло время и наслѣдственность слишкомъ глубоко пустила корни и утверждается даже на временныхъ успѣхахъ, сопровождавшихся бѣдствіями, чтобы легко уступить мѣсто началу избирательному, которое, будучи умно организовано, сочетовается съ династическимъ и благородно и прочно въ управленіи парламентскомъ.

Былъ я на выставкѣ въ академіи художествъ. Она замѣчательна по разнообразію сюжетовъ и новымъ дѣятелямъ. Лучше другихъ картины изъ простаго быта и портреты. Недостаетъ идеальности, историческаго изученія и технической оконченности. Вредятъ выставки стѣны академіи, покрытыя превосходными копіями великихъ мастеровъ и—картина Иванова, явленіе Мессіи. Изъ простонароднаго быта хороши—отдыхъ на жатвѣ и харчевня, изъ историческихъ—Екатерина 2, принимающая Запорожцевъ (потому только что она лучше Куликовской битвы и Петра въ Нарвѣ) и портреты г-жъ Олсуфьевой, Романовской и Замятиныхъ. Картину Иванова я вижу не въ первый разъ. Можно быть недовольну ея слишкомъ мѣстнымъ колоритомъ, не совсѣмъ счастливымъ расположеніемъ группъ и недостаткомъ единства, но правильность рисунка, оконченность всей живописи, лица и листка, складки и волоски изумительны на первомъ и на дальнихъ планахъ. Картина вообще мало нравится потому, что объ ней уже много писали и говорили до прибытія Иванова и потому, что въ ней мало драматизма, а главныя фигуры Мессія и Предтеча—первая мала и не выражаетъ Бога, какимъ мы ожидали его и представляемъ себѣ, а вторая представлена слишкомъ размашисто и не соотвѣтствуетъ святости лица и величію смиренія.

Члены эксперты гр. Петръ Шуваловъ и кн. Паскевичъ вышли изъ коммиссіи Ростовцева. Здѣсь нѣтъ системы, но есть духъ партіи дворянской, аристократической или вѣрнѣе—охлократической*). Поводомъ было требованіе ихъ, что особыя мнѣнія печатались въ журналахъ коммиссіи, которые выражаютъ собственно ходъ занятій ихъ, довольно

*) Два члена, независимо отъ доклада государю Ростовцова, подали отъ себя записку о разногласіяхъ и по его повелѣнію дѣло это разсматривалось въ особомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ ст. секр. Булгакова, 15 Іюля—за полночь—и имъ доказали: 1) что они согласны съ коммиссіей и 2) что въ запискѣ ихъ обстоятельства представлены не такъ.

медленный, и общія основанія механизма работъ, установляемыя предсѣдателемъ, довольно зыбкія. Коммиссіи не работаютъ окончательно, а приготовляютъ работы для главнаго комитета. Требованіе Шувалова неосновательно, хотя слѣдовало бы предоставить ему подписывать журналы съ приписью: «при особомъ мнѣніи». Но въ чемъ же заключаются эти мнѣнія? Гр. Шуваловъ имѣлъ случай выразить ихъ, предсѣдательствуя въ Петербургскомъ комитетѣ.

Коммиссія Ростовцова составлена дурно. Для работъ въ существѣ она слишкомъ мелка, ибо надъ нею еще двѣ инстанціи и третья—государь; для одной редакціи (въ родѣ редакціонныхъ коммиссій губернскихъ комитетовъ), она слишкомъ велика и значительна. Ни Ростовцевъ, ни прочіе члены (кромѣ министерскихъ) не согласятся быть исполнителями канцелярской работы сводовъ. И самые существенные труды, изысканіе началъ, представляются работою неблагодарною. Одинъ голосъ какого нибудь гр. Панина или Муравьева, извернувъ общее начало, упразднитъ или устранитъ всѣ умныя или хитросплетенныя положенія коммиссіи. Для самой редакціи окончательной нѣтъ точныхъ основаній, ибо главный комитетъ ихъ не разрѣшилъ.

Генералу Ростовцову слѣдовало ограничиться во всей строгости сводомъ мѣстныхъ положеній. Иначе онъ запутается и дастъ пищу гг. Шуваловымъ и подобнымъ порицать его работу и подмывать его вліяніе. Тогда, при этомъ сводѣ, есть основаніе, которое не трудно сдѣлать полуобязательнымъ и—въ согласныхъ пунктахъ—законно обязательнымъ.

Тщетно борюсь я съ моими племянниками, несмотря на авторитетъ и возрастъ мой, пріучившіе ихъ къ давнему уваженію и повиновенію. Не нравится мнѣ въ нихъ, въ этихъ будущихъ людяхъ, привязанность, почти исключительное стремленіе къ матеріальнымъ, звонкимъ выгодамъ. Въ смѣлости и дерзости порицанія они намъ, бывшей молодежи, не уступаютъ; но мы брали верхъ творчествомъ, или, по крайней мѣрѣ, стремленіемъ къ созданію, воспроизведенію и заимствованіямъ. Нынѣ видна одна отрицательная сторона хулы съ холодною улыбкою, съ молчаніемъ неудостоенія или съ остротою невниманія. Отдѣленіе отъ семейной жизни, энциклопедическое образованіе и участіе въ дѣйствительной жизни—вотъ причины отличія новаго молодаго поколѣнія отъ прежняго. Гдѣ искать теперь нашихъ задушевныхъ мечтаній, идеальныхъ возвышеній и плутарховскихъ увлеченій? Объ идеологіи они едва ли не одного мнѣнія съ наполеонами, о любви они говорятъ, разсѣиваясь въ садахъ камелій, на театрѣ и въ литературѣ, о великихъ образцахъ они не думаютъ, разочарованные напоромъ событій массами и частыми перемѣнами личностей. Обвиняю я и легкость

достиженій нашего времени желѣзныхъ дорогъ, паровиковъ и справочныхъ сборниковъ. Старшій изъ племянниковъ, Александръ учился, по моему, недостаточно, а вышелъ кандидатомъ, написалъ разсужденіе о жалованныхъ грамотахъ, доказывающее болѣе средствъ (моей и публичной библіотеки) подъ руками, нежели изученіе предмета, и не только получилъ медаль, но удостоился самаго льстиваго печатнаго отзыва (проф. Андріевскаго) и теперь его, этого незрѣлаго юношу, берутъ нарасхватъ и въ редакціи и въ искатели каѳедръ. Успѣхи эти таковы, что мой авторитетъ и настойчивость, если не отвергаются, то и выслушиваются съ большимъ равнодушіемъ. О племянникѣ С. Б. артиллеристѣ я ничего не говорю. Онъ испорченъ съ дѣтства, не зналъ ни отца, ни матери, а когда началъ узнавать свою матушку, то долженъ былъ принять несвойственную юношѣ скрытность, притворство, которымъ помогали и ничтожное образованіе нашихъ военныхъ училищъ. О Петрушѣ я тоже ничего не говорю. Онъ не испорченъ, кротокъ, нѣженъ и добръ, но готовится къ порчѣ. Болѣе мнѣ нравится Леонидъ по солидности ума и чувствъ, но я боюсь работать надъ нимъ при настоящемъ слабомъ его здоровьѣ.

Посмотрю, какъ развернутся далѣе мои племянники. Если я буду ими недоволенъ, то немалая вина въ томъ ляжетъ на меня.

Читаю я бывшаго Дерптскаго профессора Блума «Русскій министръ; записки І. А. графа Сиверса». Замѣчательная книга (4 части) и еще была бы замѣчательны, если бы этотъ г. Блумъ не перемѣшалъ современныя сказанія и воззрѣнія съ собственными воззрѣніями и объясненіями. Гр. Сиверсъ получилъ хорошее воспитаніе и послѣ сѣвернаго путешествія (пребываніе въ Лондонѣ) и военной службы въ 7-лѣтней войнѣ, довольно долго путешествовалъ на Югѣ и въ Апрѣлѣ 1764 г. назначенъ Новогородскимъ губернаторомъ, принимая участіе въ самыхъ высшихъ учрежденіяхъ великой учредительницы, бывшей съ нимъ въ искренней перепискѣ по всѣмъ важнѣйшимъ предметамъ законодательства и управленія, особенно при начертаніи и введеніи учрежденій о губерніяхъ. Лифляндія отразилась на Твери, и нельзя не пожалѣть благороднаго остзейца, принявшагося съ энтузіазмомъ за устройство края и разочаровавшагося совершенно, когда онъ увидѣлъ, что элементовъ нѣтъ для стройнаго управленія, и къ этому недостатку присоединяются еще *московскіе порицатели* и *петербургскіе дѣятели.* Этотъ періодъ представляетъ самую поучительную—какъ дѣйствія въ Варшавѣ и Гродно,—при рѣшеніи окончательнаго раздѣла Польши—занимательную часть записокъ намѣстника, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю обнародованія матеріаловъ, изъ которыхъ профессоръ выбралъ эти записки. Лифляндская преданность выражается (II стр. 500 и IV стр. 556) въ самые важные минуты не совсѣмъ безкорыстно.

Князь Меттернихъ, великій канцлеръ и министръ Австрійскій, скончался, посвятивъ имперіи, Европѣ, всему міру 87 лѣтъ жизни. Надобно было особенное умѣнье, чтобъ прожить такъ долго, дѣлая и сдѣлавъ такъ много. Это былъ первый и самый хитрый противникъ современнаго направленія самостоятельности народной, порожденнаго Французскою революціей, когда онъ началъ свою дѣятельность, движеніе, которое завершается теперь въ насильной, Итальянской войнѣ, подъ громами которой окончилась жизнь знаменитаго дипломата.

Породнившись съ кн. Кауницемъ, крайнимъ представителемъ династическаго начала и его политики, Меттернихъ преобразовалъ его въ начало государственное и дипломатическаго секретаря возвелъ въ публицисты. Онъ связалъ дѣйствія внутреннія съ внѣшними и, выразивъ начало солидарности государствъ, состава и правъ историческихъ, примѣнилъ его къ Европѣ въ священномъ союзѣ, къ Австріи въ общей имперской канцеляріи, и къ Италіи въ частныхъ трактатахъ, которыми онъ привязалъ ихъ къ видамъ имперіи. Охраняя вездѣ statu quo, на основаніи трактатовъ, онъ не дозволялъ себѣ никакой положительной инціативы и естественно сталкивался безпрестанно то съ народностію во Франціи, то съ раціонализмомъ въ Пруссіи, то съ царскимъ произволеніемъ въ Россіи, ища и всегда находя поддержку въ опасеніяхъ династическихъ, еще сильныхъ во всѣхъ кабинетахъ до событій 1830 годовъ, когда эти династическія обузданія, въ отчаяніи дѣла, пришли къ конвульсіямъ слѣдственныхъ розысковъ, военныхъ судовъ и казней, приведшихъ, по закону воздѣйствія, къ низверженію династическихъ основаній народными и учеными возстаніями 1848 года.

Здѣсь голосъ великаго канцлера замолкъ, но отголоски его слышались до самой кончины, и едва-ли еще не въ минувшемъ Маѣ молодой императоръ слушалъ совѣты умирающаго Нестора. Какъ Австріецъ, Меттернихъ не могъ понять, что такое народная партія, національность, и потому не могъ сблизиться и съ Штейновыми планами, принятыми Пруссіей. Онъ не былъ врагомъ просвѣщенія и улучшеній, но открыто отвергалъ всякую самостоятельность авторитета кромѣ власти и всякое движеніе внѣ трактатовъ и законовъ. «Бывали времена—говорилъ онъ, бѣглецъ, другому бѣглецу (Гизо) въ 1848 г. въ Лондонѣ—когда я управлялъ Европою, Австріею—никогда». Это несправедливо. Онъ полновластвовалъ въ Австріи чрезъ Европу и нигдѣ это сплетеніе не было такъ нужно и важно, какъ въ государственномъ союзѣ десяти австрійскихъ народностей. Народности эти его не любили, но за то любило государство и между высшими чинами его Меттернихъ первенствовалъ и считался и долго будетъ считаться великимъ строителемъ.

Никогда однако не должно забывать, что Меттернихъ министръ Австрійскій и Нѣмецъ и, что самые недостатки его искусственной системы говорятъ о величіи его ума торжествомъ ея въ теченіе полъвѣка почти во всѣхъ государствахъ.

Миръ праху твоему великій грѣшникъ. Ты ошибался въ томъ, что и допуская возможность развитія, не принималъ въ должное соображеніе солидарности его, и не поспѣвалъ за желѣзными и паровыми путями, на которыхъ катилась жизнь, двинутая при меньшихъ и не столь быстрыхъ способахъ твоего аристократическаго времени.

Еще и теперь сильно ученіе Меттерниха въ Германіи и Европѣ и, конечно, ему слѣдуетъ приписать не только политическую ничтожность Германіи съ такъ называемымъ сеймомъ и нѣмецкую градацію медленной нерѣшительности, когда глава союза бьется отъ удушья заклятаго врага, но и неприличный тонъ и содержаніе ноты нашего иностраннаго князя Горчакова, поучающаго Германію дипломатическими сентенціями о томъ что союзъ есть защита, а души, самостоятельной жизни, иниціативы въ немъ нѣтъ и не было. Что скажетъ на это Германія?

Князь Барятинскій, намѣстникъ Кавказскій, съ полномочіями царскими, другъ государя, пріѣхалъ въ Царское Село и принятъ съ большимъ отличіемъ. Онъ преобразовываетъ Кавказъ, составляя свое министерство и увеличивая военную смѣту въ мирное время на 14 м. р. Онъ взялъ Веденъ (5-ую резиденцію Шамиля) и заселяетъ линейными станицами правую и лѣвую сторону изъ женатыхъ солдатъ поселенцевъ. Какъ въ Россіи, такъ и на Кавказѣ, я не думаю, чтобы новые штаты улучшили управленіе. Тамъ болѣе нежели въ Имперіи гнѣздятся воровство, произволъ и недобросовѣстность. Не знаю будетъ ли Кавказъ лучше, но несомнѣнно онъ будетъ стоить дороже. Внутренней организаціи въ немъ еще нѣтъ и къ безпорядкамъ собственнымъ привиты герольдейскіе, помѣщичьи и административные Русскіе. Взятіе Ведена, есть повтореніе Ахулго и Дарго. Шаги нерѣшительные. Но какъ объяснить вынужденныя поселенія, когда старорусскія и южныя военныя каторги уничтожены и обѣщанъ порядокъ вольности для крѣпостныхъ и кантонистовъ? Понимаетъ ли князь намѣстникъ, что̀ значитъ выслать къ выбраннымъ имъ въ поселенные казаки 1100 семействъ казенныхъ и помѣщичьихъ,—да еще въ возможной скорости—изъ Вятской, Виленской, Московской и др. губерній съ женами, сыновьями и дочерями, теперь въ лѣтнюю рабочую пору, гнать ихъ почти черезъ всю Россію, съ горемъ и скарбомъ, безъ приготовленія, безъ пособія, безъ увѣренія въ устройствѣ будущаго? Скоро-ли правительство оставитъ эти татарскія мѣры? Если оно не стыдится публиковать (Жур. Мин.

Гос. Им. Іюль), что для ознакомленія Киргизовъ внѣшней и внутренней орды оно пригонитъ нѣсколько почетнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ представителей зауральской и внутренней орды, чтобы распространить въ Киргизскомъ народѣ, по разсказамъ очевидцевъ, понятія о величіи Россіи, то неужели прочно величіе, устрояемое такими насильственными казачьими переселеніями? Привлеките поселенцевъ льготами, преміями, судебною ссылкою, пріобщите къ образованію, хотя внѣшнему, дѣтей киргизскихъ,—я въ этомъ усумнюсь, но пойму, а гнать людей къ величію, и тащить семью въ казаки и публиковать объ этомъ въ газетахъ—я не понимаю.

Вотъ она, свобода-то! Освободитесь прежде сами отъ татарской системы управленія.

Богъ мой, люди!

Но не пора-ли и кончить? Ой, пора!

Откупная система умираетъ въ корчахъ. Ей и умереть не дадутъ. Въ Пензѣ, Тамбовѣ и Москвѣ крестьяне—еще одни государственные—размечутъ шинки, прибьютъ продавцевъ и готовы добраться до откупщиковъ. Учрежденіе обществъ воздержанія и эти самоуправства составляютъ замѣчательныя явленія. Можетъ быть предписанія генерала Муравьева (немножко нетерпѣливаго, заняться и финансами, и крестьянскими дѣлами), и даны для этого, я не побожусь, но я не могу не замѣтить величайшей несообразности правительства въ этомъ важномъ дѣлѣ, какъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ и современнаго головокруженія.

Правительство давно знало вопіющія злоупотребленія откупа и въ 1853 г. придумало систему свободнаго соревнованія. Оно получало отъ откуповъ 70 м., расходовало ихъ и не знало чѣмъ замѣнить эту первую статью смѣты доходовъ.

Опасеніе большаго пьянства измѣнило это предположеніе. Откупа на два года оставлены на волю министра Брока и доставили ему, Барщевскому и откупщикамъ такіе милліоны, которые соблазнятъ и не такихъ падкихъ стяжателей.

Вольная или такъ называемая вольная продажа не принята, Брокъ вышелъ изъ Министерства, гр. Орловъ рекомендовалъ своего дѣльца, Княжевича, въ Апрѣлѣ 1858 г. и все давало надежду, что къ Январю 1859 г. можно придумать будетъ другую систему,—тѣмъ болѣе что въ литературѣ появились проэкты, откупъ былъ осмѣянъ, стоптанъ, смятъ не только смѣлыми бойцами новой фаланги, но особенно самими откупщиками и особенно главою винныхъ дѣльцовъ Кокоревымъ.

Общій голосъ раздался противъ откупа. Откупщиковъ ругали,—только не били. Княжевичъ возстановилъ прежнюю систему (съ под-

раздѣленіемъ на округа) и на торгахъ въ Іюнѣ и Іюлѣ къ огромной суммѣ прибавилось еще 30 м.

На эту сумму начались расходы по улучшенію управленія. Новые штаты. Народъ сперва взялся за воздержаніе. Теперь онъ разбиваетъ кабаки.

Все меня удивляетъ въ этомъ дѣлѣ: и оставленіе и возстановленіе системы, которая всѣми отвергается, уже осмѣяна и изувѣрна. И соединеніе гласности съ порядкомъ, который признанъ болѣе нежели недостаточнымъ, вреднымъ и преступнымъ. И согласіе на наддачу въ торговлѣ, нравственно опороченной. И расходы на счетъ этой наддачи, поступленіе которой болѣе нежели загадочно. И взаимныя уловленія министровъ, изъ которыхъ ни одинъ, и достигнувъ поста соперника, не въ состояніи выбраться на чистую воду. И самъ я, который всему этому удивляется.

Да, но для меня и была и есть задача, дѣйствія правительства. Дозволяя осмѣивать и даже чернить, и безъ того очень сѣренькій современный порядокъ въ книгахъ, журналахъ и даже въ народныхъ листахъ, правительство какъ будто не понимаетъ, что убѣжденія эти проникаютъ въ жизнь. И вдругъ встрепенется сила въ Пензѣ, Саратовѣ, ватага крестьянъ начнетъ разбивать кабаки, давнымъ давно разбитые въ грамотномъ народѣ...

Министръ финансовъ Княжевичъ шатается. Откупа гнутъ его. Общее мнѣніе назначаетъ Позена и Валуева.

Я не пожалѣю Княжевича. Одно согласіе его на доклады министра Муравьева объ увеличеніи податей (указъ 23 Февр.) показываетъ, что онъ не имѣетъ никакого понятія о системѣ налоговъ.

Графы Васильевъ и Гурьевъ облагали и управляли по конторскому порядку, считая себя прикащиками отъ хозяина или вотчинника. Знатокъ конторскаго дѣла, приказчикъ капиталиста Перца, гр. Канкринъ ввелъ бухгалтерію. Министры гр. Вронченко, извѣстный наглымъ волокитствомъ, и Брокъ, прикосновенный къ отчаянному взяточничеству, не сдѣлали и этого. Наводнили государство бумажками, возвысили непомѣрно цѣны, уронили курсы и передали все Княжевичу, рекомендованному кн. Орловымъ, которому онъ служилъ акціями и облигаціями.

Что это за налоги?

Въ 1842 г. гр. Киселевъ ввелъ опытъ таксаціи, кадастра, изчисленія доходности, по примѣру удѣла. Въ 1851 г. это пытались примѣнить къ земскимъ повинностямъ. Умный и честный человѣкъ выработалъ бы изъ этого истину, если не вполнѣ удовлетворительную, то раціональную, способную усовершаться. Нечестный льстецъ «будто

бы по указаніямъ государя», а дѣйствительно по смѣлому обѣщанію, за которое дало министерство, приступилъ къ возвышенію податей и десять разъ, не тяготясь повтореніями, докладывалъ о томъ государю, и все лично, иногда въ Совѣтѣ министровъ, никогда черезъ совѣтъ государственный.

Воображаю я, что говоритъ онъ о своихъ предмѣстникахъ, когда онъ пишетъ вотъ что: я возвышаю доходъ на $4^1/_2$ милліона, возстановляя только ошибки. Это возстановленіе теперь такъ перепутываетъ и систему и счеты, что надобно желать для его наказанія, чтобы онъ подолѣе остался на мѣстѣ.

1. «Количество оброчной подати оставлено неподвижнымъ со времени введенія кадастра». Ложь. Кадастръ повторяется періодически. Заслуга уже и въ томъ, что нераціональная подушная система примѣнена къ доходу.

2. «И при томъ разлагалась на все количество земель, между тѣмъ какъ при многихъ селеніяхъ есть излишнія». Разумѣется, потому что количество не было извѣстно, да и теперь едва ли извѣстно. При томъ же земли безъ цѣны—даже обмежеванныя и недоимки огромныя даже при малыхъ податныхъ размѣрахъ.

3. «Лѣсной налогъ, вопреки повелѣнію 1847 г. обращенъ на покрытіе части податныхъ сборовъ, а не въ государственный налогъ». До 1847 г. никакого налога (да это и не налогъ) лѣса *крестьянскіе* принадлежали крестьянамъ на правѣ указа 1832 г. съ устройствомъ лѣснаго управленія и увеличеніемъ общественнаго сбора, при переложеніи податей: Инструкція, 1848 г. ст. 265, 1851 г. ст. 268, половина лѣснаго дохода обращена па покрытіе общественнаго сбора (это—нѣсколько копѣекъ). Да и прежде за валежникъ и буреломъ брали половину, какъ тоже и въ западныхъ губерніяхъ за отводимые селеніямъ лѣса. Уже и мѣра 1847 г. была нарушеніе, а вы что̀ дѣлаете?

4. «Кадастръ произведенъ неудовлетворительно». Разумѣется. Устрой лучше.

Вотъ что обѣщаетъ генералъ Муравьевъ и что подписалъ д. т. с. Княжевичъ:

а) Отъ увеличенія подушной подати по 10 ревизіи.. 562,834 р.

Это не заслуга. Народъ умножился.

б) Отъ увеличенія оброчной подати:

1. Въ неокадастрованныхъ губерніяхъ, отъ прибыли душъ.................................. 649,003 р.

Тоже не заслуга; вопросъ: какъ вынесутъ?

2. Въ окадастрованныхъ: отъ возвышенія оброка по числу душъ 10 ревизіи............. 1,197,723 р.

Есть-ли тутъ какой-нибудь смыслъ: кадастровый оброкъ по числу душъ? Кадастръ начался при 8 ревизіи, а вы разлагаете по 10-й? Да кто же мѣшаетъ вамъ повторить оцѣнку, въ Петербургск., Воронеж., Пензенск., гдѣ и сроки наступили? Зачѣмъ вы искажаете систему?

От сбора за лѣсъ................ 297,148 р.
От сбора излишнія за земли....... 82,076 р.

Посмотримъ, какъ это окупится. Противъ основаній этого послѣдняго сбора при кадастрѣ спорить неумѣстно. Но не обезпокоится-ли владѣніе и исполнить-ли отдѣлъ земель?

в) Отъ возвышенія оброчной подати по 19 губерніямъ 577,648 р.

Если нужны деньги и благосостояніе крестьянъ вамъ извѣстно, то возвышайте налогъ. Но почему же съ одного сельскаго сословія?

г) Отъ общественнаго сбора:

Остатковъ........................ 227,000 р.
Расходовъ казначейства, на него принимаемыхъ.................... 275,000 р.

Что это за различіе бухгалтера: остатки и расходы на общественный сборъ принимаемые? Говорите яснѣе: *излишки* общественнаго сбора. Но кто же беретъ *слишкомъ*?

д) Увеличеніе дохода за право питей въ запад. губ. 279,323 р.
е) Отъ другихъ возвышеній (это на случай дефицита) 77,807 р.

Итого..... 4,225,562 р.

Я ропщу не на возвышеніе, но на недобросовѣстность такихъ докладовъ и на личныя распоряженія въ дѣлѣ, вездѣ составляющемъ предметъ первой важности.

О возвышеніи окладовъ по губерніямъ неокадастрованнымъ послѣдовалъ указъ, а о безсмысленномъ смѣшеніи кадастра и ревизіи нѣтъ указа. Оно совершится по «высочайшимъ указаніямъ».

Вотъ открытъ и памятникъ Николаю I. Конь поставленъ смѣло, матеріалы богаты, но памятникъ пестръ, слишкомъ высокъ, слишкомъ военный, и вообще нравится весьма немногимъ, если только кому-нибудь нравится, кромѣ казначейства и строителей, принявшихъ на себя трудъ почтить, вмѣсто общества и потомства, память государя, доселѣ

памятнаго своею нетерпимостію, самоувѣренностію и наружнымъ блескомъ.

Торжество было большое, стеченіе народа, публики и войска, служеніе у портала собора, громъ артиллеріи на Невѣ и на площади, шествіе двора (небольшаго, хотя на этакихъ площадяхъ все будетъ мало, и болѣе нежели небольшаго, по отсутствію вдовы, старшей и всѣхъ дочерей покойнаго и его ближайшихъ служителей, Клейнмихеля, на памятникъ которому объявленъ сборъ въ газетахъ, даже малѣйшихъ нѣмецкихъ принцевъ) прекрасный день (25 Іюня) представляли, если не праздникъ, то необыкновенный парадъ.

Желательно, чтобы этимъ актомъ государь, по крайней мѣрѣ, покончилъ свои восхваленія о «незабвенномъ», о «благодѣтелѣ», которыя только раздражаютъ противное мнѣніе.

Франція и Австрія, послѣ Сольферино, 26 Іюня, заключили перемиріе на 5 недѣль. Это трудно понять. Заговорила Европа (т. е. Англія), заворошилась Германія (т. е. Пруссія), и Французскій диктаторъ написалъ письмо Францу Іосифу. Для перемирія такой срокъ слишкомъ дологъ. Это миръ. Но нарушеніе европейскаго права развѣ отъ этого перестанетъ быть нарушеніемъ? Суетная Франція, пожертвовавъ такъ много, развѣ удовольствуется побѣдами Маджепты и Каверіяно? Возстаніе Италіи развѣ этимъ успокоится? Не будутъ-ли всѣ еще болѣе въ ложномъ положеніи, открывая болѣе и болѣе правъ и свободы демократіи, унижая Итальянцевъ, ожидавшихъ полнаго успѣха, возбуждая Австрійцевъ, уже и независимо отъ безуспѣшности очень недовольныхъ внутреннимъ управленіемъ, обманывая Нѣмцевъ, вѣроятно, приписывающихъ эту перемѣну своимъ воинственнымъ возгласамъ? Даже Англія и особенно Россія не сведутъ своихъ счетовъ.

Архи-революціонеръ, Наполеонъ III сближается съ новымъ порядкомъ, который болѣе чуствуется нежели осязается, и сблизясь кидается на сторону закона и преданія. Новый порядокъ — это избирательная монархія и республика союзовъ національностей. Онъ не примиримъ и не согласимъ съ существующимъ. Наполеонъ хочетъ его организовать,—но для этого нужно болѣе собственной внутренней силы и поменѣе династическихъхъ стремленій. Нерѣшительность подмываетъ личности и дѣлаетъ недовольными какъ терпящихъ, такъ и ожидающихъ.

Читаю я «объяснительную записку» и 1 часть «проекта военно-уголовнаго устава о наказаніяхъ»—трудъ бывшаго сановника при гр. Сперанскомъ, потомъ оберъ-прокурора и теперь сенатора Ив. Христіан. Капгера (зятя бывшаго статсъ-секретаря при Сперанскомъ, профессора Балугьянскаго). Трудъ плодовитый какъ всѣ, совершаемые подъ вліяніемъ гр. Блудова, — трудъ канцелярскій, какъ иначе и быть не

можетъ при такъ называемомъ «систематическомъ пересмотрѣ законовъ», выдуманномъ учеными реформаторами и принятомъ у насъ съ 1833 г. когда по окончаніи Свода, Сперанскому нечего было дѣлать.

Работа Капгера разослана ко всѣмъ (по примѣру морскаго устава) до полковаго командира и мнѣ приказано сообразить его по отношенію къ корпусу (военнаго устройства) лѣсничихъ. Я не имѣю никакихъ матеріаловъ. Я могъ бы разобрать это сліяніе устава съ уложеніемъ 1845 г. и измѣненія (иногда основательныя, но чаще дѣлаемыя по неточному разумѣнію и неудовлетворительности наказательныхъ учрежденій), допускаемыя редакторами. Я болѣе другихъ имѣю на это правъ и личныхъ способовъ. Но предѣлы моей задачи меня стѣсняютъ; меня стѣсняетъ и опасеніе задѣть въ порицаніи желаніи болѣе охулить, нежели принести существенную пользу. Тѣмъ не менѣе я займусь и постараюсь выразить мои понятія и опытъ для дальнѣйшаго усовершенія этого важнаго дѣла. Оно важно въ высшей степени. Военное наше правительство не знаетъ, что дѣлать съ войскомъ. Войско рвется и мечется, — куда? На каторгу, въ рудники, лишь бы избавиться отъ своего положенія. Каторга есть его нормальное состояніе. Всѣ намѣренія недѣйствительны. Начальство тщетно придумываетъ новые, болѣе широкіе виды, отступаетъ отъ закона, искажаетъ учрежденія, низводитъ судъ—высшій судъ генералъ-аудиторіата—до самаго пошлаго произвола и все не помогаетъ. Надобно пересмотрѣть уставъ систематически.

Кромѣ пополненія устава изъ уложенія и кромѣ соглашенія противорѣчій и несообразностей въ дѣйствующемъ законѣ, — все это полезно и необходимо—редакторы признали нужнымъ *систематически исправить* весь уставъ, *включить* съ него всѣ *общія преступленія* (исключая мелкихъ, подвергающихся денежнымъ штрафамъ) и, *измѣнивъ виды* наказаній, *сообразно* требованію военнаго состоянія, преимущественно что бы предупредить *уклоненія* отъ *военной службы*, и требованія *военной дисциплины*.

1. Я уже неоднократно говорилъ, что систематическое исправленіе есть законодательство идеальное, а priori, часто мечтательное и почти всегда гадательное. Это вина науки, ея торжество, правда, но и ея злоупотребленіе. Какой нибудь г. Капгеръ или г. Лебедевъ, вооружившись—и замѣтьте, весьма слабо—какими нибудь теоріями, руководствами какого нибудь кригсрата или аудитора Демьянига или Бергмаера, начнутъ измѣнять систему, дѣлать выводы и отвергать то и другое по требованіямъ этихъ теорій и заранѣе придуманной цѣли.

Редакторы порицаютъ уставъ за то, что въ немъ нѣтъ разграниченія наказаній,—что въ немъ не опредѣлены особыя наказанія для

всѣхъ разрядовъ служащихъ, и именно: обязанныхъ срочною рекрутскою повинностію (все въ виду—уклоненіе отъ службы!),—что нѣтъ постепенности, безъ которой уголовныя наказанія строже исправительныхъ (крѣпостныя роты),—что будто бы не объяснено въ чемъ состоитъ лишеніе правъ (какъ будто это не общій законъ), — что наказанія не подраздѣлены на степени;—что нѣтъ замѣна наказаній и др. (Зап. стр. 109—114).

Но что̀ скажутъ редакторы если имъ отвѣтятъ: да, но первое сдѣлано практикою, если не раціонально, то удобно; второе—важно какъ начало уравнительное, для сословія, въ которомъ основаніе честь, а не повинности; третій, — что практика установила постепенности, и если крѣпостныя работы строже рудниковъ, то это вина исполненія, а не закона и т. п.

Редакторы имѣютъ въ виду примѣръ неудовлетворительной систематики, — это соглашеніе устава, въ 1846 г. съ уложеніемъ 1845 г. тутъ вышли несообразности, потому какъ замѣчаютъ редакторы (стр. 178), при этомъ соглашеніи постановленіе уложенія (о каторгѣ и временной ссылкѣ) не были соображены и общею системою военныхъ наказаній «въ особенности съ крѣпостными ротами».

Повѣрьте, вы дѣлаете тоже. Ошибочно понимая, что переходъ съ каторги на поселеніе (176, 177 стр. и др) или выбывая изъ арестанскихъ ротъ (стр. 173), наказанный будто бы возвращается «въ первобытное состояніе», редакторы путаютъ болѣе нежели генералы-аудиторіатъ въ 1846 г.

Не систематика, а опытъ, повседневный, продолжительный опытъ долженъ служить основаніемъ постепеннаго исправленія.

II. Введеніе общихъ видовъ преступленій въ военный уставъ—не только не нужно, но и едвали возможно. Совершенной полноты отъ этой перепечатки не будетъ, ибо не важныя нарушенія вы сюда не включаете. Общіе законы измѣняются и совершаются своимъ порядкомъ и военный сводъ долженъ будетъ или слѣдить въ своихъ изданіяхъ, за этими измѣненіями или допустить различные законы на одни и тѣ же случаи. Здѣсь остается: указать на эти общія постановленія и означить измѣненія въ примѣненіи ихъ къ военнымъ подсудимымъ. Постарайтесь исправить законъ о военной подсудности, непомѣрно у насъ распространенной, и если нельзя обратиться къ Уложенію 1649 г. то конечно очень можно сократить 45 пунктовъ 761 ст. XV т.

III. При признаніи видовъ наказаній цѣль редакторовъ, какъ сказано выше, предупредить уклоненія отъ военной службы. Это болячка, постоянно дымящаяся рана, для излѣченія которой, кажется имъ, нѣтъ средствъ и для которой они готовы на всякіе изощрительныя истяза-

нія. Соображая объясненія редакторовъ по этому предмету (Запис. стр. 104, 110, 148, 154, 172, 183 passim и мн. др.) нельзя не сказать, что здѣсь уголовный судъ уже истощилъ всѣ способы, ибо не только назначалъ высшія мѣры наказаній, установлялъ новые виды: особое отдѣленіе баталіона № 4 въ Омскѣ (стр. 148), особый порядокъ содержанія, искажалъ законъ произвольными приговорами (стр. 155 и слѣдующ.), и что здѣсь остается обратиться къ тому, съ чего слѣдовало бы начать, т. е. къ облегченію тягости военной службы и къ распространенію въ войскѣ понятій образованности, огражденія и чести.

Уклоненіе отъ военной службы можетъ быть принято обстоятельствомъ увеличивающимъ вину и то только при неважныхъ преступленіяхъ, но дѣлать изъ этого обстоятельства главное основаніе всей системы наказаній едва ли не рубитъ сукъ, на которомъ сидишь. Это усилитъ отвращеніе, а съ нимъ усилитъ и преступность.

Для достиженія этой цѣли редакторы изъ 3 видовъ каторги принимаютъ только два, и распространяя видъ крѣпостныхъ работъ вынуждены, для предупрежденія накопленія, «чрезмѣрнаго» (стр. 134) замѣняютъ крѣпости рудниками, съ уменьшеніемъ сроковъ, какъ будто срочность здѣсь существенное отличіе и смѣшеніе разнородныхъ преступленій можетъ быть оправдано какимъ нибудь юридическимъ доводомъ. По свѣдѣніямъ 1853 г. въ крѣпостяхъ состояло: каторжныхъ 833; всегдашнихъ арестантовъ 1349, срочныхъ 7700 (въ томъ числѣ 2 т. бродягъ), всего 9882 человѣка. При такомъ накопленіи и смѣшеніи каторжныхъ съ арестантами дисциплинарными и даже простыми бродягами конечно придешь и къ замѣнѣ низшаго наказанія высшимъ. Во время революціи накопленіе привело даже къ смертной казни.

Вмѣсто всѣхъ изощреній (стр. 179 и слѣд.) отдѣлить исправительныхъ арестантовъ и бродягъ, хотя въ особыхъ неотдаленныхъ крѣпостяхъ поименовавъ ихъ въ законы, и не предоставляя военному Министерству, подраздѣлить виды крѣпостныхъ работъ по порочности и строгости на степени не удержать всѣ виды каторги—думаю я—будетъ ближе къ дѣлу.

Размѣры наказаній, понижаемые до $1/3$ и даже до $1/2$ весьма широки и въ рукахъ хорошихъ судей это много будетъ способствовать соотвѣтствію взысканій. О раздѣленіи наказаній и о тѣлесномъ въ особенности я поговорю по подробнѣе,

Вотъ первое впечатлѣніе произведенное на меня чтеніемъ записки г. Капгера.

Послѣ побѣдъ при Монтебелло, Мадженте и Сольферино и послѣ свиданія въ Вилло-Франкѣ, постановленъ миръ въ Ванеджіо. Подъ пред-

сѣдательствомъ Папы учреждается союзъ Итальянскій. Ломбардія отходитъ передается изъ рукъ въ руки Сардиніи, Венеція входитъ въ союзъ. Итальянская кампанія кончилась,—нѣтъ, она только начинается. Озлобленный противъ всѣхъ, Францъ-Іосифъ уступилъ Ломбардію завоевателю, сила ломитъ и завоеватель учреждаетъ свои порядки. Гдѣ же тутъ европейское право, гдѣ народное? Наполеонъ перепугался и Нѣмецкой коалиціи и революціонныхъ надеждъ и собственнаго отсутствія изъ Франціи. Австрія поступила ловко: удержать Ломбардію она не могла и едва ли хотѣла. Она ее бросила, и сблизясь съ сильнымъ поставила въ ложное положеніе и Россію и Пруссію и даже Англію. Теперь Наполеонъ, если внутри не будетъ связанъ, начнетъ помышлять объ отмщеніи Пруссіи. Памятны ему и возгласы лордыхъ. Да, но стоила-ли игра свѣчь? Какія страшныя пожертвованія людьми и деньгами, настоящимъ и будущимъ? Что это за союзъ съ Папою и Императоромъ, съ Сардиніей, втрое ихъ сильнѣйшей, и со всѣми этими мелкими ерцъ-герцогствами, протестующими противъ самовольныхъ распорядковъ? Согласится ли Австрія на Конгрессъ, что́ будетъ дѣлать этотъ конгрессъ съ дѣломъ рѣшенымъ безъ Европы и безъ Италіи? Промолчатъ-ли великія державы, согласясь на измѣненія территорій? Гдѣ свобода «до Адріатики»? Вы, г. Кавуръ, вы, принцъ Наполеонъ, найдете-ли ваши счеты?

Я вижу тутъ; паденіе, паденіе и паденіе. Уменьшается Австрія, дѣлается зависима Сардинія, упадаетъ Франція.

Подозрительный народной партіи и монархіямъ, ненавистный высшимъ представителямъ въ самой Франціи, Наполеонъ теряется, безпрестанно вскакиваетъ, безпрестанно опускается, играетъ могуществомъ и покоемъ Европы и измѣняетъ надеждамъ и обѣщаніямъ. Ни чести, ни достоинства, ни даже постоянства въ предательствѣ. Зачѣмъ разбудилъ онъ этихъ Коссутовъ, Мадзини, Клинка, Гарибальди, къ чему это неблаговидное сближеніе съ Россіей и война противъ Австріи?

Грустно смотрѣть. Монархіи отживаютъ. Право готово преобразоваться.

Дорого достается свобода и при самыхъ искреннихъ европейскихъ пожеланіяхъ, и трудно достигаются цѣли при самыхъ благопріятныхъ побужденіяхъ, если нѣтъ или еще нѣтъ необходимыхъ для этого элементовъ, если мнимое назовутъ дѣйствительнымъ. Я говорю не о крѣпостномъ вопросѣ, который поглащаетъ все наше вниманіе; я говорю о вольныхъ людяхъ, изданныхъ учрежденіемъ гр. Киселева. Тяжело читать разсматриваемое мною дѣло объ отдачѣ въ работы крестьянъ неплательщиковъ. Татарское это правило существовало давно, но оно развито и возведено изъ фискальной въ хозяйственную мѣру съ того

времени какъ, подъ вліяніемъ понятій объ общинѣ, ограждаемой попечительствомъ, у насъ узаконенъ и распространенъ порядокъ поземельныхъ надѣловъ и общинной, круговой отвѣтственности, непрепятствуя впрочемъ ни накопленію огромныхъ недоимокъ, ни произвольному обложенію общественныхъ и мірскихъ сборовъ, ни отобранію земель, которыми владѣло общество, волость или такъ называемая община. Дѣло идетъ о западныхъ Губерніяхъ, гдѣ съ уничтоженіемъ аренды и самыхъ фермъ люстрація взялась опредѣлить доходность земель и умѣренный податной процентъ. Кромѣ общихъ правилъ о назначеніи въ работы по уставу о податяхъ (т. V ст, 619 и др.) Министерство съ 1841 г. преподавало наставленіе и формы къ устраненію злоупотребленій и огражденію крестьянъ, но злоупотребленія продолжались и повременныя ревизіи обнаруживаютъ и обнаруживали вопіющіе безпорядки. Въ Маѣ 1857 г. при командированіи ревизоровъ новаго Министра (см. выше), одному изъ нихъ, Плансону, я особенно говорилъ о кабалѣ работъ, и представленныя свѣдѣнія, подтвердили основательность заботливаго описанія Министерства. Въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской несчастные крестьяне терпѣли не менѣе негровъ плантаторовъ. Подъ предлогомъ недоимокъ ихъ тысячами гоняли на работы и циркуляры Министерства 19 Декабря 1841 г. 16 Октября 1842, 17 Декабр. 1844 и проч. и нормальные контракты не только не предупредили стѣсненій, но даже утвердили ихъ, такъ что попечительство обратилось въ эксплуатацію, а безъ попечителей жиды и спекуляторы привели къ кабалѣ. Изъ Виленскаго и Свенцанскаго округовъ выслано было, въ теченіе 10 лѣтъ, болѣе 11 т. рабочихъ въ отдаленныя мѣста, и изъ нихъ 2,805 умерло на работахъ, 546 въ годъ возвращенія; 25 человѣкъ шли цѣлый годъ въ городнищинскій сахарный заводъ и заработали 56 р. 22 к. Изъ 42 умерло 12, бѣжало 14, пришло домой 16. На бѣду крестьянъ въ западномъ краѣ производились и производятся обширныя работы. Вліяніе попечительства приводитъ и къ такимъ послѣдствіямъ: по Ковенской губерніи палата нашла цѣны на дорожные работы низкими и въ 1846 г. запретило заключать контракты; томимые голодомъ, по случаю неурожая въ Поневежескомъ уѣздѣ, 586 крестьяне вышли на работы, съ подложными паспортами, подъ именемъ крѣпостныхъ помѣщика Войтвиллы, началось дѣло и въ 1857 г. по указу Сената приказано крестьянъ наказать розгами, а Войтвиллу лишить правъ и сослать въ Сибирь. Здѣсь попечительство пошло далѣе нужнаго, а гдѣ оно нужно, при огражденіи крестьянъ въ слѣдующей уплатѣ, тамъ, изъ вѣдомостей палаты видно, что крестьяне ищутъ и уже въ общихъ судахъ.

По губерніямъ:

Гродненской	9918 р.	начиная съ 1841 г.
Волынской..........	7362 »	» » 1847 »
Виленской	5872 »	» » 1845 »
Минской	5661 »	» » 1841 »
Могилевской........	5166 »	» » 1842 »
Витебской	9011 »	» » 1823 »

Мрутъ какъ мухи, удовлетвореніе получаютъ ничтожное или ищутъ его съ 1823 г. Любознательность будущаго изслѣдователя найдетъ много пищи въ нашемъ управленіи, но если оскорбится человѣческое его чувство, да не подумаетъ онъ, что мы были равнодушны къ этому состоянію несчастныхъ крестьянъ. И при своемысліи генерала Муравьева, исключительно занятаго бездоимочной податью, возвышенной имъ на 5 м. р., мы мы не остановились въ выраженіи порицательнаго мнѣнія нашего вообще объ этой мѣрѣ, доводящей до послѣдствій возмущающихъ душу.

Статсъ-секретарь Валуевъ въ прошедшемъ Январѣ представлялъ министру: отмѣнить (т. 2, ст. 5081 и соотвѣт.) право обществъ отдавать въ работы, предоставивъ его, по просьбѣ обществъ, въ необходимыхъ случаяхъ, чинамъ управленія подъ личною ихъ отвѣтственностію.

Я съ этимъ согласиться не могу. Это еще болѣе развяжетъ руки управителямъ, которые нынѣ, по крайней мѣрѣ, прикрываются хотя мнимыми, но подлежащими учету и обличающими дѣйствіе приговорами. Держась общаго правила улучшать, а не отмѣнять законъ, я думаю развить то предположеніе, которое изложено въ донесеніи моемъ 18 Октября 1857 г. о мѣрахъ взысканія, и допуская отдачу въ работы, обставить это *крайнее* средство законными условіями, при которыхъ оно не имѣло бы нынѣ замѣчаемыхъ недостатковъ, и исчисливъ преподанныя для понужденія плательщиковъ мѣры, развить правило, выраженное въ §§ 323 и 324 Инструкціи о переложеніи податей, т. е. отбирать земли и общинное управленіе замѣнять хозяйственнымъ, и сверхъ того назначать въ работы, съ дозволенія палаты, такихъ злостныхъ неплательщиковъ, о которыхъ общество разсуждало и постановило приговоры за 6 мѣсяцевъ до послѣдняго срока.

Окруживъ этими формальностями, я надѣюсь сократить дѣйствіе закона и устранить произволъ управителей, входящихъ въ сдѣлки съ жидами и жидовствующими.

Я не знаю какъ смотрятъ на Божій свѣтъ кн. Орловъ, гр. Панинъ и tutti quanti, читая: 1) обличительную литературу, 2) поло-

женіе дворянскихъ комитетовъ и собраній и 3) мнѣніе губернаторовъ о преобразованіи управленія (уѣздные начальники, мировые судьи и проч.). Точно прорвалась плотина и вода хлынула и топитъ все, безъ разбора, безъ приготовленій, безъ толку. Честь и слава правителямъ, доведшимъ и писателей, и сословія, и самое управленіе до такого положенія. Грустно, тяжко и досадно. Но не менѣе грустно и то что въ этихъ самихъ проявленіяхъ, дерзкихъ до цинизма, столько незрѣлаго, произвольнаго и русско-татарскаго, прикрывающагося европейскимъ навыкомъ, что исполненіе всѣхъ желаній и проектовъ развѣ увеличитъ безпорядокъ, а не устранитъ злоупотребленія существующаго.

Обличительная литература, родившаяся отъ натуральной школы, началась преимущественно съ «Очерковъ» Салтыкова-Щедрина, и дошедшая до идеаловъ «тысячи душъ» Писемскаго и «Обломова» Гончарова, начинаетъ умолкать. Она пошла далѣе сатиры и, послѣ пасквилей пришла къ явнымъ извѣтамъ и клеветѣ, указывающихъ на необходимость вмѣшательства полицейской защиты. Достаточно указать на дѣла Иллюстраціи—о жидахъ, Нефедовскаго—о Кокоревѣ, Хрущова—о поборахъ. Были грубыя попытки торговать гласностію, безкорыстно—въ Русс. Днев. о столоначальникѣ управы, и корыстно — Любимова и Нефедова о Кокоревѣ. И многое другое. Литература кончила свое дѣло. Она совершила его усердно, но безуспѣшно «котъ Васька—воръ» мало обращалъ вниманія на слова. Она была неопытна и не умѣла и не могла отличить зла, которое для нея недоступно по тайнѣ, глубинѣ или высотѣ.

Дворянскіе комитеты составлены изъ лучшихъ представителей дворянства, хотя имена многихъ изъ нихъ звучатъ докторами, аптекарями и управителями. Всѣ губерніи (кромѣ Московской, желавшей, въ адресѣ, улучшить бытъ согласно съ мѣстными условіями) получили благоволительные рескрипты. Ни въ одной не было ни желанія, ни искренней готовности не только вызваться, но даже согласиться на вынужденную мѣру. Въ положеніяхъ комитетовъ, большею частію несистематическихъ, хотя писанныхъ по данной программѣ, часто малограмотныхъ, (напр. Пензенскаго) и даже въ лучшихъ, принадлежащихъ меньшинству, выражается одно изъ двухъ: или восхваляется жертва, самопожертвованіе или необходимость. Почти всѣ ссылаются на недостатокъ свѣдѣній и на краткость срока. Почти всѣ обошли многіе существенные вопросы. Ни одинъ не согласился съ литературою въ хозяйственной пользѣ реформы. Разсужденія собраній отличались эксцентричностію, даже дикостію. Но на серьезный протестъ не рѣшился никто; въ губерніи, въ имперіи и слѣда нѣтъ духа корпораціи. Въ массѣ, въ большинствѣ мѣстностей никто не вѣритъ дѣйствительной исполни-

мости мѣры. Никто не далъ себѣ отчетливаго о сознанія въ важности послѣдствій ея; всѣ, и правительство, и владѣльцы руководимы страхомъ, недовѣріемъ, личными взглядами. Многіе, разорившись, ожидаютъ поправленія своихъ дѣлъ. Немногіе надѣятся получить значеніе англійской аристократіи.

Главный недостатокъ комитетовъ — отсутствіе представителей крестьянъ. Потомъ разорительность реформы для мелкопомѣстныхъ и непримѣнимость ея къ дворовымъ людямъ. Безсрочность великой мѣры есть великій порокъ оной.

Комитеты правительственные многочисленны. Одинъ подъ предсѣдательствомъ гр. Адлерберга—объ уравненіи крестьянъ. Онъ сдѣлалъ кой-что, уравнявъ удѣльныхъ съ казенными, но очень боится дать имъ въ собственность земли. Удѣлъ сольется съ казною. Другой, въ министерствѣ имуществъ, еще ни чѣмъ не разрѣшился. Многоразличные виды крестьянъ остаются тѣже. О земляхъ поминаютъ, но съ сохраненіемъ прогрессивнаго оброка. Третій, и это теперь важнѣйшій, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ—административный, подъ предсѣдательствомъ Левшина, и потомъ Милютина. Этотъ комитетъ начерталъ общія черты, по совѣтамъ Ростовцева и Муравьева и по мыслямъ Левшина, общія начала полицейскаго управленія и мироваго разбирательства. Основанія сіи были сообщены губернаторамъ и представленныя ими свѣдѣнія разобраны и соображены чиновниками: Милютинымъ, Ждановымъ, Лоде, Калмыковымъ, Соловьевымъ, Шульцомъ, Колошинымъ и др. и выводы ихъ внесены въ коммиссію, и затѣмъ кн. Орловъ, согласно съ этими соображеніями, объявилъ 25 Марта высочайшую программу новаго управленія. Она заключается въ слѣдующемъ:

1. Городская и земская полиція соединяются въ полицейское управленіе подъ начальствомъ уѣзднаго исправника (VII кл. 1500 р. содерж.) съ помощникомъ (VIII кл. 1000 р.) и становыми приставами (которыхъ въ 45 губерніяхъ, въ 465 уѣздахъ,—всего 1257, и изъ нихъ круглымъ числомъ на станъ приходится народу въ Архангельск.—7165 человѣкъ, Олонецк. — 8377, Витебск. — 9180, а въ Воронеж.—28693; Симбирск.—30982, Саратов.—36797).

2. Слѣдственная часть отдѣляется отъ исполнительной и поручается слѣдственнымъ приставамъ.

3. Опредѣленіе и увольненіе всѣхъ предоставляется начальнику губерніи.

4. При введеніи крестьянскаго положенія и вообще опредѣлить случаи, когда начальники губерній могутъ дѣйствовать именемъ государя.

5. Для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами, учреждаются *мировые* судьи и уѣздныя *расправы*. Мировые судьи

избираются крестьянами изъ кандидатовъ по составленному дворянствомъ и утвержденному губернаторомъ списку и утверждаются губернаторами. Они получаютъ отъ 500 до 1000 р. Должность не имѣетъ класса. Изъ нихъ губернаторъ избираетъ въ предсѣдатели уѣздной расправы, гдѣ присутствуютъ и засѣдатели, избранные выборщиками изъ крестьянъ. Всѣ выбираются на 3 года.

6. И проч. предположеніе объ инструкціяхъ и разграниченіяхъ.

Все это хорошо. Теперь собраны дѣльные люди и заняты составленіемъ положеній,—но 1) развѣ это улучшитъ чиновниковъ, увелича непомѣрно число ихъ? Нѣтъ. Дайте служебный уставъ. Безъ него ни конституція, ни гласность не помогутъ произволу; но 2) вся рѣчь о дворянствѣ и его предводителяхъ, а гдѣ это дворянство? Оно праздволюбиво, мало образовано, бѣдно, любитъ нажитки, потеряло крѣпостное право и живетъ на огромныхъ пространствахъ, гдѣ спорящихъ мирить и виновныхъ судить надо вдругъ въ 10 мѣстахъ; но 3) выборы, выбираютъ—да развѣ вамъ неизвѣстно, что такое выборы?

Очевидно, что писали чиновники и при томъ удаленные отъ дѣйствительныхъ нуждъ краевъ.

МОЛИТВА ГОГОЛЯ.

Къ тебѣ, о Матерь Пресвятая,
Дерзаю вознести мой гласъ,
Лице слезами омывая:
Услышь меня въ сей скорбный часъ,
Пріими теплѣйшія моленья,
Мой духъ отъ золъ и бѣдъ избавь,
Пролей мнѣ въ сердце умиленье,
На пути спасенія наставь;
Да буду чуждъ своей я волѣ,
Готовъ для Бога все терпѣть;
Будь мнѣ покровомъ въ горькой долѣ;
Не дай въ печали умереть.
Ты всѣмъ прибѣжище несчастнымъ,
За всѣхъ молитвенница насъ,
О защити, когда ужасный
Услышимъ судный Божій гласъ,
Когда раскроютъ вѣчность, время,
Гласъ трубный мертвыхъ воскреситъ
И книга совѣсти все бремя
Грѣховъ моихъ изобличитъ.
Стѣна Ты вѣрныхъ и ограда,
Къ Тебѣ молюся всей душой,
Спаси меня, моя отрада,
Умилосердись надо мной!

Сообщено мнѣ Іеромонахомъ Генсиманскаго Скита, о. Исидоромъ (Грузинскимъ), родомъ изъ с. Лыскова, братъ котораго былъ камердинеромъ въ домѣ гр. А. П. и А. Г. Толстыхъ, (на Никитскомъ бульварѣ), гдѣ умеръ Гоголь.

А. А. Третьяковъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ Г. УСТИМОВИЧА.

Милостивый Государь!

Въ № 6 за сей 1897 годъ Вашего историческаго журнала напечатанъ Николаемъ Браилко воспоминаніе относительно моей личности и Особы Императора Николая I о такомъ фактѣ, котораго вовсе не существовало.

Г. Браилко повѣствуетъ, что именно 1855 г. (когда уже Государя Николая I въ живыхъ не было) *) ему Браилко помнится такое событіе за бытность мою въ училищѣ Правовѣдѣнія. Когда мнѣ было 13—14 лѣтъ и воспитанниковъ училища распустили какъ-то послѣ обѣдни, *я направился чрезъ Прачешный мостъ по дворцовой набережной, гдѣ я съ Государемъ встрѣтился*. При отдачѣ мною чести Его Величеству, когда я (по выраженію г. Браилко) *вытянулся во всю свою длину* (словно я змѣемъ былъ какимъ-то) Государь спросилъ меня: *„правовѣдъ“*? а я *„протянулъ“*: точно такъ Ваше Величество! Затѣмъ Государь спросилъ меня: „хочешь въ военную службу“? По словамъ г. Браилко я отвѣтилъ *медленно и вяло*: *„нѣтъ не хочу Ваше Величество“*, на что будто Государь *„добавилъ“*: *ну такъ поди и скажи своему директору, что ты дуракъ“*, а я на это отвѣтилъ: *„слушаю“* и *медленнымъ шагомъ* отправился въ училищѣ. Тамъ по словамъ того же г. Браилко *„я былъ надолго лишенъ отпуска“* ибо *Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій долженъ былъ за меня извиняться передъ Государемъ* и пр. Долгомъ считаю заявить Вамъ, Милостивый Государь, что все Николаемъ Браилко изложенное, вымышленно, кѣмъ я не знаю,—но вотъ что было на самомъ дѣлѣ.

Въ 1854 году по случаю войны Россіи съ Турціею, какъ извѣстно, Петербургская молодежь чрезвычайно увлекалась патріотическимъ стремленіемъ драться и проливать кровь за Вѣру, Царя и Отечество. Число подававшихъ Государю даже на улицѣ прошенія о принятіи въ военную службу до того, какъ видно, увеличивалось, что вышло распоряженіе по высочайшему повѣленію объявленное, не утруждать Государя подобными прошеніями на улицѣ и обращаться съ таковыми по начальству. Я также зналъ это распоряженіе.

Однажды, насколько помню, на Страстной недѣлѣ, проходя мимо Зимняго дворца, увидѣлъ я у собственнаго подъѣзда Его Величества стоитъ царская коляска, при которой кажется никого не было, кромѣ замѣченныхъ мною, какого-то полицейскаго и конюха. Тогда я, желая имѣть счастье ви-

*) Николай Павловичъ скончался 18 Февраля 1855 года. Ред.

дѣть поближе Его Величество, сталъ возлѣ коляски, какъ разъ противъ двери, изъ которой долженъ былъ выйти Государь. Я былъ конечно въ форменной одеждѣ: въ шинели и треуголкѣ, и въ лѣвой рукѣ у меня была книга. Первымъ вошелъ въ коляску Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, а потомъ Государь въ металлической, кажется, конногвардейской каскѣ. Я стоялъ не отнимая правой руки отъ шляпы по положенію и пристально смотрѣлъ на Государя. Вдругъ Государь произнесъ строгимъ голосомъ, обращаясь видимо ко мнѣ: *„ужъ не на службу ли просишься?“* Я отвѣтилъ: *„Нѣтъ Ваше Императорское Величество.“* Я хотѣлъ было прибавить почему я такъ близко подошелъ, но я нѣсколько смутился, а Государь милостиво и словно улыбаясь поклонился, приложивъ руку къ каскѣ,— и коляска отъѣхала. Прошло послѣ этого нѣсколько дней, и когда я явился къ заутренней на Пасху въ училищѣ Правовѣдѣнія (это было обязательно для всѣхъ), то только тогда я доложилъ директору училища, А. П. Языкову, о сдѣланномъ мнѣ Его Величествомъ вопросѣ и моемъ отвѣтѣ. Не смотря на всю строгость Директора, я не слышалъ отъ него при этомъ ни слова хотя бы какого-либо упрека. Напротивъ, отвѣтъ мой считался нормальнымъ и другого отвѣта послѣ объявленнаго воспрещенія проситься у Государя на службу на улицѣ я и дать не могъ, еслибъ я даже, въ возрастѣ 13—14 лѣтъ и желалъ высказать несообразную просьбу о поступленіи въ военную службу въ то время, когда надо было учиться и учиться.

Прокопій Устимовичъ.

29 Іюня 1897 г.
Пески Полтавской губ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1897 года
(выпуски 5, 6, 7 и 8).

Отголоски XVIII вѣка. Выпускъ V, графа С. Д. Шереметева. Малая 8-ка, 84 стр. Спб. 1897 г., съ приложеніемъ фототипическаго портрета графини Варвары Алексѣевны Шереметевой.

1743 года 26 Января дочь канцлера князя А. М. Черкасскаго, Варвара Алексѣевна, была сговорена замужъ за графа Петра Борисовича Шереметева; ея сговорная грамота составляетъ основный документъ этого выпуска; въ ней ярко отображается домашній бытъ вельможи середины XVIII вѣка. Когда въ 1767 году графиня В. А. заболѣла предсмертной болѣзнью, мужъ ея просилъ императрицу утвердить проектъ раздѣла имущества. Этотъ проектъ любопытенъ по списку имѣній, изъ котораго видно, что у Шереметевыхъ было въ это время 44,361 душъ крестьянъ.

Въ приложеніи помѣщены письма (15) графиня В. А. за 1765—7 года графа П. Б. за 1765 (3), игуменіи Евсевіи (2) за 1767 годъ.

Введеніе и поясненія издателя, съ полнымъ знаніемъ дѣла и любовію составленныхъ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что для него связь съ прошлымъ его славнаго рода не порвана, а семейныя преданія дороги и говорятъ живымъ языкомъ.

Подобныя изданія должны быть цѣнимы всѣми тѣми, для кого „пепелъ священный“ не обратился въ „простую пыль“. Ю. Б.

